

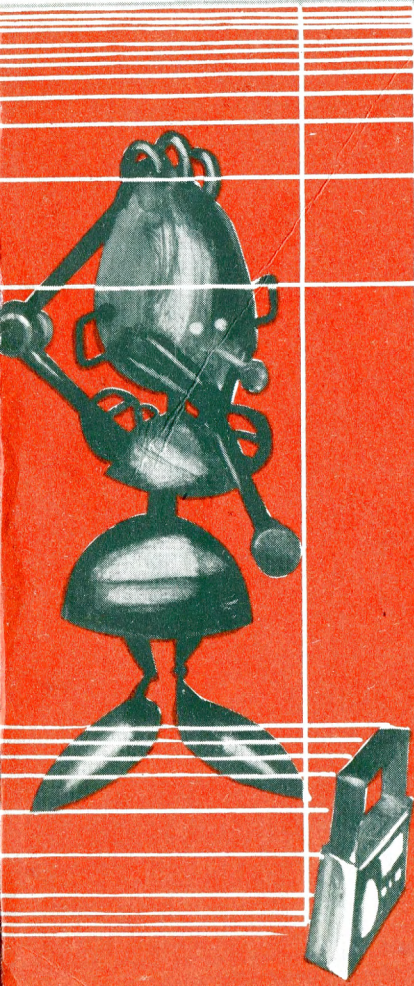
АКСИОМЫ ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКИ

Библиотека советской фантастики

Владимир ГРИГОРЬЕВ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВ

АКСИОМЫ ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКИ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

1967

Издательство
ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“

ОТ АВТОРА

Я родился в 1935 году, образование получил в МВТУ имени Баумана — институте, из стен которого, как это ни парадоксально, вышло много писателей и журналистов.

Участвовал в нескольких экспедициях — их экзотика во многом способствовала появлению моих рассказов. Такими были, в частности, экспедиция в эпицентр Тунгусской катастрофы, к якутскому озеру Лабынкыр, где водится легендарный «черт», а по-научному — касатка-гладиатор.

Первый научно-фантастический рассказ был напечатан в журнале «Искатель» в 1962 году. Это был «Дважды два старика-робота». Затем рассказы публиковались в разных журналах и в сборниках «Молодой гвардии» «Фантастика».

Писать правду о том, что есть на самом деле, трудно; может быть, легче писать правду о том, чего нет? Вряд ли так. Обратиться к фантастике меня заставила другая мысль, другое желание: писать о том, чего нет, так, будто оно существует реально. Впрочем, мы и живем для того, чтобы завтра у нас было то, чего сегодня нет.

ДВАЖДЫ ДВА СТАРИКА- РОБОТА

Как он стал опекуном

Старик протрещал выключателями, трахнул парой электрических зарядов и только тогда почувствовал себя вполне отрегулированным. «Последнее время регулируюсь хуже и хуже, — с тревогой подумал он. — Не мешало бы заглянуть в починочную».

Старик был мнителен, любил пожаловаться на жизнь, прислушивался к каждому скрипу своих механизмов. Вот и сейчас, вместо того чтобы поучать этих юнцов-роботов, собрав-

шихся вокруг него, посидеть бы с таким же стариком да поделиться сомнениями.

Еще недавно он чувствовал себя заряженным энергией, как новенькая лейденская банка. К его решениям прислушивались, к погрешностям относились снисходительно. Внимание было для него делом привычным. Но позавчера, подключаясь на ночную разрядку, он по привычке перемножил два восьмизначных числа и — о, ужас! — ошибся на три единицы. А сегодня пришло предписание отправляться в детский сад простым воспитателем.

— Да, дело плохо, дважды два — четыре!

Любимая поговорка старика прозвучала сейчас как ругательство. Он поднял голову, испытующе посмотрел на сорванцов. В их озорно блестящих зрительных выводах светилось нетерпение. Молодые парни, назлектризованные молчаием наставника, не знали, куда девать свою электроэнергию.

А старик невидящим инфравзглядом уставился на какого-то робота. Ему вспомнилась собственная молодость, вспомнился тот торжественный момент, когда он, собранный по последней схеме, свежеспахнувший полимерами, не дожидаясь очереди, сам соскочил с конвейера и помчался в отдел технического контроля. Там он спешно отвечал на вопросы, поставленные с целью определения его полноценности, решал головоломки, предсказывал погоду, бегло переводил с одного языка на другой, прослушивал и воспроизводил музыку — словом, показал вполне удовлетворительное присутствие обратной связи.

— Куда спешите? — спросил один из членов комиссии, чеканя последнее клеймо на его спине.

— Спешу жить! — крикнул он и, посылая приветственные гудки, промчался к выходу мимо кучки отбракованных креативов, возвращавшихся в переборку.

Он выскочил на улицу, остановился за углом и первое что сделал — рассчитал свое будущее на ближайшие десять

лет. Пять минут сложения, умножения, дифференцирования, интегрирования — и готово, будущее известно. Более далекие времена его не интересовали: будущее без неожиданностей — скучное будущее. Так он считал в то время.

Прошли месяцы учебы. Молодой робот с головой ушел в деятельность. Работа! Именно она приносила ему высшее наслаждение. Он стал рассеян, иногда забывал вовремя подключаться к питательному аккумулятору.

Как-то приятель рассказал ему, будто бы смоделирована новая система роботов с лучшими избирательно-разрешающими способностями. Он раздраженно рванул рычаг, отключился.

— Эка невидаль! Способности! Своих забот полно, некогда думать о чепухе.

Но однажды он попытался, как в первые дни, рассчитать свое будущее. Прошло время — расчеты не оправдались.

Он кинулся узнавать, в чем дело. Ему объяснили, что действительно появились новые модели с большим количеством степеней свободы. И что ему, еще не старику, но в общем-то роботу не первой молодости, труднее учитывать их действия, а следовательно, и рассчитывать собственные координаты в общем движении.

— Позвольте! Да ведь это же анархия и хаос! — воскликнул несчастный.

— Не хаос, не анархия, а закон природы, — холодно возразили ему.

С этого дня он начал думать о путях развития своего счетно-решающего общества. «Куда приведет нас технический прогресс?» — вот какой вопрос сделал его постоянным подписчиком журнала «Кибернетика и робот».

...Мысли текли, время — тоже, а лучшие системы появлялись и появлялись. И вот, наконец, сочли, что все, на что он способен, это опекать новоиспеченных.

Старик еще раз бросил взгляд на подопечных. Было ясно,

что их напряжение на пределе: с матовой поверхности юнцов, шелестя, стекали электрические заряды.

— Ну, дети, через час быть в сборе. Летим на Землю, — этой фразой ветеран прервал паузу.

Парадокс информации № 1

Нужно ли описывать небольшое путешествие ансамбля роботов из детского сада с их планеты на Землю? Все обстояло, как в стандартных космических путешествиях, запрограммированных в многочисленных фантастических рассказах. Ревели ли ракетные двигатели их корабля? Да, ревели. Кричал ли впередсмотрящий, подобно матросу Колумба, «Земля!» при ее появлении? Да, кричал. Да, траектория движения рассчитывалась автоматически. Да, да, да!

Путешествие было предпринято для традиционного ознакомления молодежи с местом изобретения первого робота, с местом, где было начато их массовое производство.

Старик водил группу по старинным городам, показывал океан, тропики. Океан, как всегда, вылизывал языком волн берега, в джунглях рычали хищники. И только города молчали. Старик мог показать все, что угодно, но только не человека.

Человек! Как сказать о нем? Где-то внутри нервно дрогнула электронная линия. Чтобы успокоиться, пришлось выждать: история исчезновения людей была больным местом роботов всех систем.

— А теперь всем настроиться на «внимание»! — отчеканил старик.

Дисциплинированно щелкнули тумблеры, все переключи-

лись на одну волну. И к молодым путешественникам, превратившимся во внимание, пришли слова о человеке, печальные и далекие, как весть с неведомой звезды.

— Давным-давно на этой планете жили удивительные существа — люди. Нас, роботов, еще не было. Люди были эластичны, темпераментны и предприимчивы. Поговаривают, хотите — верьте, хотите — нет, что их предком была обезьяна. Они-то и придумали нас, чтобы поставить за станки, за пульта автоматических линий, посадить за руль автомобиля. И не было большей радости, чем угодить человеку.

Но однажды утром, когда толпы роботов шумными ватагами устремились к подпиточным станциям, обнаружилось, что люди исчезли. Все до одного! — Голос старика дрогнул, из каждой глазницы выкатилась крупная капля смазки. Это воспоминание было на порядок сильнее остальных.

Молодые роботы запыхтели: любовь к человеку, вложенная в них как информация № 1, давала себя знать.

— Некоторый свет на загадку пролила вот эта бумажка. Из нее явствует, что им надоело наше общество! — Латаный динамик старика звякнул. — Слушайте, что здесь написано.

«Дорогая Мари! Утром улетаем. Куда? Еще неизвестно. Ты спросишь, почему? Впоследствии многие будут гадать, почему мы исчезли. А ведь все из-за этих несносных роботов. Они не дают пошевелиться. Мы заложили в них слишком сильную любовь к человеку, надеясь, что она будет лучшим стимулом для их самовоспроизводства. И конечно, они видят теперь цель своего существования в избавлении человека от всех трудностей.

Нас освободили от труда — так исчезло наслаждение творческим процессом, самое сильное из наших наслаждений. Только возникает мало-мальски человеческое желание — и, пожалуйста, оно уже исполнено. Наша активность постепенно сводится к нулю. Еще немного — и мозг начнет ат-

рофироваться. Нужно начинать новую жизнь. Наши космические плантации беспредельны. И где-нибудь мы уж укроемся от наших соседей. Но улетать нужно так, чтобы эти пройдохи не пронюхали, куда мы стремимся. Поэтому о наших новых координатах договоримся в дороге.

Бери с собой только предметы первой необходимости: зубную щетку, полотенце, генератор невесомости, не тот, большой, семейный, а портативный, и электробатарейку на тысячу киловатт-дней.

Решение принято Высшим Советом два часа назад.

Дорогая Мари...»

На этом строчки обрывались. Старик аккуратно свернул листок.

А тем временем на полу образовалась масляная лужа: роботы плакали. Наставник подбежал к одному из них, вытащил щуп указателя масла — от смазки ничего почти не оставалось. Крутанув вертушку телефона, расположенного на затылке, старик набрал нужный номер. Срочно вызвал цистерну со смазкой. Чтобы прекратить дальнейшее истечение ценного продукта, каждому нажал на кнопку генерации хорошего настроения. Промедление могло привести к травме молодых, неокрепших механизмов. И когда прибывшая цистерна каждому закачала добрую порцию смазки, старик с облегчением перевел свои реостаты в сторону меньших токов.

— Началась эра раскрытия наших потенциальных возможностей. Технические проекты появлялись один фантастичнее другого. Иногда такое слышать приходилось, что искры из глаз сыпались. В воздухе бродили идеи.

Кстати, о воздухе... Этот едкий продукт доставлял нам массу хлопот. Он вызывал ржавчину наших металлических частей и со временем разлагал пластики. А если где что распаяется, изволь перед пайкой промазывайся канифолью. Тогда-то и состоялось Великое Переселение на ту планету,

где вы родились, планету, атмосфера которой состоит из одного нейтрального аргона.

Казалось бы, теперь только и жить. Но вскоре стало ясно, что не так это просто — жить! Да, мы столкнулись с проблемой смерти. Новые образцы роботов, периодически появлявшиеся в лабораториях, делали ремонт более ранних образцов бессмысленным делом. И старики хлынули на свалку.

Тут-то мы в первый раз по-настоящему позавидовали людям. Они-то уж давно познали секрет вечной молодости. Эта несправедливость и навела одного из нас на смелое решение: если мы хотим жить сколько угодно, необходимо новые модели изготавливать в виде человека!..

Новая идея сверкнула как молния. По каждому из роботов прошел тогда такой ток, будто он схватился за линию высокого напряжения. Аргонный ветер в тот день казался удивительно свежим.

Тайна биокамеры

Сказав последние слова, старик быстро вычислил время. До начала телепередачи из научного центра аргонной планеты оставалось несколько минут. Сфера походного экрана, под которой собралась вся группа, уже слабо фосфоресцировала, настраиваясь на нужную волну. По ее поверхности стремительно мчались тонкие линии. Внезапно они переплелись, рванулись. Тотчас возникли четкие контуры большого зала, до отказа забитого роботами. На возвышающуюся площадку поднялся председатель.

— Друзья! Роботы! — начал он.

В зале стало тихо, как в вакууме. Робот-магнитофон принялся стенографировать.

— Наш дружный коллектив роботов-ученых собрался здесь, чтобы присутствовать при окончании одного из экспериментов по синтезированию человека. Как показывают расчеты, человек обыкновенный (хомо вульгарис) по своей энергетической экономичности значительно превосходит любого из нас. Поэтому нам хотя бы из энергетических соображений выгоднее создавать человекообразных, чем роботов. Да и вообще современный человек по своему развитию стоит гораздо выше нас. Это известно точно. И вот откуда.

Вы знаете, что с того момента, как нас покинули люди, они не прислали нам ни одной весточки, хотя по некоторым признакам и наблюдали за нами. И вот совсем недавно от них пришла телеграмма...

Рев, поднявшийся в зале вслед за сообщением председателя, содержал энергию, которой хватило бы для недельного электропитания столицы роботов, — это сработала информация № 1. Робот-магнитофон сломался от звуковых перегрузок в первый же момент.

— Люди сообщают, — продолжал председатель, когда стабилизаторы привели роботов в уравновешенное состояние, — что они прекрасно устроились и опять пользуются роботами, которые подходят им больше, чем мы. Прислан и график скорости совершенствования людей. Ясно видно, что скорость их развития несколько превосходит нашу.

Когда-то мы научились синтезировать белок. Вы помните и тот радостный момент, когда мы искусственно получили амебу. Теперь перед вами биологическая камера, где минуто назад окончилось формирование пока еще неизвестного существа.

Дверца биокамеры мгновенно распахнулась, изнутри выскочило длиннорукое, волосатое существо, в котором каж-

дый хоть раз побывавший в зоопарке сразу бы признал орангутанга.

Снова зашипели стабилизаторы, успокаивая ученых.

— Человек не получен, — невозмутимо продолжал председатель, — но результат показывает, что мы на верном пути. Конечно, можно уже сейчас наплодить стада обезьян и дожидаться, когда они сами собой превратятся в людей. Но это трудный, мучительный путь — как для нас, так и для них. К тому же нет уверенности, что такой естественный человек, созрев, опять не захочет скрыться от нас. Нет, мы сами создадим человека и вложим в него свою информацию номер один — любовь к роботам и механизмам вообще. Мое мнение — эксперименты продолжать...

Старик выключил телевизор, вышел на воздух. Небо уже почернело, звезды остриями лучей приятно щекотали светочувствительную грудь старика. Легкий бриз накатывал свежие волны озона, и старик чувствовал, как мучительно-сладко разлагаются полимерные шарниры его суставов. Он прислушался к гулу моря, подрегулировал окуляры и опрокинулся в густую влажную траву.

Миллионы светящихся точек подмигивали старику с неба. Где-то на одной из них его братья роботы лихорадочно синтезируют человека. На другой — люди конструируют роботов.

— Да, мой друг, — пробормотал старик, — небо содержит гораздо больше тайн, чем знает наша школьная мудрость... Дважды два — четыре!

А МОГЛА БЫ И БЫТЬ...

*Вырезка из газеты 2134 года:
«За разработку аппарата, на-
званного машиной времени,
коллективу фабрики «Время»
присвоить государственную
премию имени Постоянной
Планка».*

Ах, какой это был мальчик! Ему говорили: «Дважды два?»
Он говорил: «Четыре!»

«Двенадцать на двенадцать», — настаивали недоверчивые.
«Сто сорок четыре», — слышали они в ответ.

«Дай определение интеграла», — не унимались самые
придирчивые. «Интеграл — это...» — и дальше шло опреде-
ление.

И все это в четыре года. Малыш, карапуз — он удивлял

своими способностями прославленных профессоров и магистров. Даже один академик урвал несколько часов, чтобы посмотреть на малыша. Академик тоже задавал вопросы, ахал, разводил руками. Потом надолго задумался и внятно сказал: «Природа бесконечна и полна парадоксов», — после чего сосредоточенно посмотрел в стену и углубился в себя.

— Ах, профессор, — устало возразил Ваня (так звали нашего мальчика), — пустое! Природа гармонична, парадоксы в нее вносим мы сами...

Это уж было слишком. Академик вскочил и, оглядываясь на мальчика, стал отступать к двери.

— Дважды два — четыре! Так и скажите всем! — весело закричал мальчик вместо прощания.

Таков был Ваня. Исключительный ребенок. И это тем более удивительно, что родители ему попались совершенно неудачные. Как будто не его родители. Может быть, каждый из них в отдельности и любил малыша, но вместе у них это никак не получалось. Отец считал, что гениальность мальчика — итог наследственных качеств его отца. Мать доказывала обратное. Сын посмеивался над тем и другим, но легче от этого не становилось. Родители ссорились чаще и чаще, и, когда это начиналось, Ваню отсылали в чулан. Доступ магистрам и профессорам был закрыт, и широкая общественность вскоре позабыла о Ване. Это случилось само собой.

Но мальчишка перехитрил всех. Он электрифицировал чулан и с увлечением играл в детский «Конструктор». Да, да, в обыкновенный «Конструктор», но, конечно, только до того момента, пока ему не попались первые радиолампы.

Он прямо задрожал, когда увидел эту штуковину впервые, он понял сразу, какие возможности таит эта игрушка. Конечно, игрушка. Ведь Ване шел всего пятый год, и он еще не знал, что все эти радиоприемники, телевизоры, мотоциклы, самосвалы и экскаваторы — вся эта техника всерьез. Он полагал, что взрослые просто-напросто играют во все это.

Отец Вани, механик мастерской по починке радиол и магнитофонов, таскал сыну испорченные лампы, а тот разрушал их одну за другой, отыскивая скрытые поломки. Полупроводниковые детали складывались в особый коробок.

Однажды, когда отец заглянул в чуланчик, сын протянул ему небольшой ящичек.

— Вот, — сказал он, удовлетворенно потирая ладошки. — Учти, это только начало.

В руках отца сияла голубым экраном маленькая игрушка — телевизор.

— Да, — только и сказал отец, восхищенно покрутив головой. Потом подумал, пожевал губами и добавил: — Парень, видать, в меня.

Следующим утром он показал эту штучку сослуживцам, хитро подмигнул и сообщил:

— Моя работа!

Истинный смысл слов остался непонятым, а механика повысили в должности. Теперь начальники частенько отводили его в сторону и доверительно сообщали: «Кузьма Се-
рафимович, вот тут у нас не все получается. Надо бы изобрести...» — «Давайте», — властно обрывал Кузьма и забирал чертежи. Он был простым человеком и не любил разводить канитель.

Дома чертежи молча передавались Ванюшке.

— Общественная нагрузка, — ухмыляясь, пояснял отец.

Ваня молча рассматривал схему, потом брал красный карандаш.

— Вот здесь, здесь, здесь... — карандаш так и порхал по листам, — изменить!

Мальчишка работал с охотой, а взамен требовал лишь исправных деталей и книг по новинкам техники.

Но однажды отец пришел в ателье и сам отозвал начальника в сторону.

— Все, — просто сказал он.

— Что все? — не понял начальник.

— Все, не могу больше изобретать! — отрезал Кузьма Серафимович и загадочно добавил: — По семейным обстоятельствам...

— А как же план?.. — запротестовал было начальник.

— Не раньше чем через четыре года!

Разговор был исчерпан.

Начальник, конечно, не знал, что не далее как вчера вечером Ваня отказался принимать заявки.

— Папа, — сказал он мягко, — теперь я не могу отрываться по пустякам. Я наткнулся на настоящую идею. Четыре года — и я сделаю такую игрушку, что все ахнут. Четыре года.

Отец знал железный характер сына и не стал возражать. Он только с видом сообщника заметил:

— Четыре? Может, и за три справимся?

— Нет, пока что я не управляю временем, — задумчиво ответил Ваня. Он быстро посмотрел на отца и вдруг спросил: — А как ты думаешь, что такое время?

— Время? — Лоб отца собрался морщинками. — Ну, это, когда...

— Ах, опять эти неточные формулировки! — досадливо перебил сын.

Кузьма Серафимович повернулся и осторожно вышел из чулана. То, что он услышал, закрывая дверь, было совсем непонятно.

— Минута живет шестьдесят секунд. Да, да, живет, — и дверь захлопнулась.

Из этого разговора специалисту сразу видно, что необычайный мальчик решил разгадать тайну времени. Человек же, не связанный с тонкостями стыка радиотехники и теоретической физики, конечно, не осознал бы так просто, что Ваня решил изобрести машину времени. Но тем не менее это так.

Да, Ваня решил соорудить именно ее, машину времени. И он добился своего.

В это трудно поверить, доказательств, что называется, никаких. Я единственный свидетель, слова которого могут послужить документом в раскрытии правды. Никого, я повторяю, никого не допускал Ваня к опасным экспериментам с машиной. Только меня, приятеля его детских игр и соседа.

— Люди еще узнают об этом, узнают, — твердил он, когда мы заканчивали очередной опыт и шли на улицу играть с детворой в их незатейливые, старинные игры. «Казачьи-разбойники», «палочка-выручалочка» — они оживляли нас, делали, ну, что ли, более земными. Разумеется, по сравнению с игрой, придуманной Ваней, они казались диким примитивом и нелепицей.

Машина позволяла уноситься в восхитительные дали будущих эпох и погружаться в глубины прошлого. Особенно нравились нам рыцарские турниры. Грязь комьями летела из-под копыт лошадей, а всадники в красивых латах лупили друг друга мечами и ломали копыя. Как правило, все оставались в живых. Мы устраивались где-нибудь рядом и листали прихваченного с собой Вальтера Скотта, сравнивая с реальностью.

Понятно, после такого «жмурки» во дворе выглядят как наскальные изображения дикаря рядом с киноэкраном. Кстати, бывало, что и наскальные изображения вырубались на наших глазах. Когда мы уходили в седую древность. Какие-то лохматые мужики так отделявали стенки пещер, что только искры сыпались.

И тем не менее мы возились вместе с детворой нашего родного двора. «Так надо, — говаривал, бывало, Ванюша. — Конспирация и еще раз конспирация. Мы не должны отличаться от всех». Он не хотел, чтобы не доведенная до совершенства машина попала в руки взрослых. «Машину поломают», — уверял он, а мне оставалось соглашаться.

Когда настал период погружения в прошлое и ухода в будущее, мы перенесли сеансы на ночь. Соседи по дому, попадавшие в сферу действия машины, уносились вместе с нами. А поутру рычаг времени приводился в нормальное положение и соседи вставали как ни в чем не бывало, шли на работу. Каждый из них полагал, что в эту ночь ему снился удивительный, великолепный сон, со странностями, правда, но с кем не бывает... Только и всего, сон. Соседи были людьми осмотрительными, осторожными. И никому о странных снах на всякий случай не рассказывали. Тайна оставалась неприкосновенной.

Только один раз словно бес толкнул меня в бок. На трамвайной остановке я подкараулил одного из соседей, длинного флегматичного завскладом Клотикова, заговорщически подмигнул ему и сказал, зайдя сзади:

— А хорош был этот, со страусовым пером на шлеме, с крокодилом на щите?

Завскладом дернулся всем телом, уставился на меня, потом, не раздумывая, прыгнул в подошедший трамвай, и его унесло.

Ванька выслушал это приключение мрачно.

— Или кончаем эксперименты, или такого не повторится, — отчеканил он.

Я понимал своего друга. Ему доставалось нелегко. Машина барахлила. В последний раз из-за ее капризов едва выбрались из времен Навуходносора. Тем более что дома у него обстановка накалялась. Родители ссорились чаще и чаще. Гораздо чаще, чем во времена наплыва магистров и профессоров. И хотя с того момента прошло достаточно времени, они так и не пришли к единому мнению. Таковы уж были они, Ванины родители. Ах, если бы не эта их черта!

Все произошло внезапно. Мы пришли к Ване и хотели сесть за работу. Не тут-то было. Родители ссорились. Успокоить их было невозможно. Я заметил, что трюмо уже раз-

бито, а скатерть сдернута в сторону. И еще заметил, как дрожат руки у моего друга Вани. Он ненавидел эти минуты.

— А мы спросим у него самого, — вдруг громко сказал Кузьма Серафимович, увидев сына.

Я схватил шапку и помчался по ступеням вниз. О дальнейшем могу только догадываться.

Машина была настроена на малый радиус действия. Ваня подбежал к ней, рванул рычаг, чтобы перевести время хотя бы на два часа назад. Ему уже случалось успокаивать родителей таким способом. Но руки его дрожали сильнее обычного. Он рванул, и время заскользило. Да, оно ушло за пределы Ваниного возраста. Машина исчезла, исчез и Ваня. А родители только помолодели лет эдак на двенадцать-тринадцать. И еще их при этом разнесло в разные стороны...

Утром следующего дня я пришел узнать, чем все кончилось. Беглый осмотр комнат сразу сказал мне все. Но я не пал духом. Ведь по железным законам вероятности все должно было повториться. Помолодевшие родители обязаны были в силу этих математических законов встретиться вновь, понравиться друг другу. А вновь родившийся Ваня, конечно, вновь должен был соорудить великолепный и очень нужный человечеству аппарат — машину времени.

Так и случилось. Они встретились. Я подкараулил их под теми же самыми часами, которые послужили местом первой встречи тринадцать лет назад. Я ликовал. Все шло как по маслу. Прекрасна ты, математическая закономерность, и ты, стальная логика событий! Ване — быть! Машине — быть!

Но что это? Парень, удивительно похожий на Ваниного отца, и девушка — ну, копия матери Вани — стоят и молчат. Они смотрят друг на друга недоверчиво, с опаской. И вдруг поворачиваются, идут в разные стороны. Мой лоб покрывается испариной. Видимо, память того и другого теперь содержала то будущее, которое поджидало их.

Так не родился мальчик, так погибла машина времени!

РОГ ИЗОБИЛИЯ

*Взрослые и дети!
Вы за утиль в ответе!
(Из старинных реклам Глав-
утиля)*

В одном из старинных московских переулков и по сей день висит эта покоробленная временем, грубой рыночной работы реклама. Много лет назад ее прикрепили к забору, старому замшелому забору, рассчитывая, что невзрачный фон его как нельзя лучше оттенит игру красок рекламы. И действительно, первое время она бросалась в глаза прохожим, некоторые замедляли шаг, крутили головами и бормотали: «Надо же...»

На картине был схематично изображен большой, из чистой листовой меди рог. Человек в спецовке сыпал в узкий

конец его какую-то труху, отбросы, а из широкого конца стремительным потоком вырывались полезные, нужные всем вещи: шерстяные отрезы, хлебо-булочные изделия, перочинные ножи, полуботинки, гармоники. Даже поллитровка блестела своим неоткупоренным горлышком среди всего этого великолепия.

Няньки и молодые мамы, прогуливая детишек по переулку, как правило, останавливались перед живописным изображением и говорили своим крепышам: «Рог изобилия».

Но прошло время. Лютые морозы погнули геометрически правильный овал, палящие лучи солнца заметно обесцветили надраенную медь, а ветры унесли с картины мусор, лопату и многие из вещей. Сюжет картины крайне упростился. Из жерла рога вырывается теперь один лишь патефон да стеклянное горлышко с изломанными краями. А человек, лишенный лопаты, стоит, согнувшись, над рогом, всматривается внутрь него через узкий конец. Скоро, скоро понесется человек с ветрами вслед за своей лопатой. Недолго осталось. И вся его горестная поза как бы говорит: «Вот ведь какая история получилась. Сломалась машина. А ведь как работала, как работала!»

Словом, от былой обаятельности блистающего меднобокого рога не осталось и следа. Он обезличился, слился с забором. Прохожие не замедляют теперь шага в этом переулке. И постовой Петров, простоявший последние пятнадцать лет почти напротив рекламы, невидящим взглядом скользит по ее закопченной поверхности, оглядывая просторы переулка. Спроси постового прямо, без затей: «Висит ли напротив твоего пункта рог изобилия?» — он не сумеет ответить.

И в общем-то ничего, конечно, от этого не менялось. Висит ли плакат, нет ли его, что толку? Из тысяч людей, прошедших за многие годы мимо, лишь несколько поддались его влиянию и снесли свой хлам в утильсырье. Да и то в жизни подавшихся этот случай не превратился в правило, и они

постарались забыть о нем, как стараются забыть о фактах мелочных, не относящихся к числу тех, которые излагаются в биографиях.

Но тем не менее рог висел. Забытый, слившийся с забором, он словно ждал того единственного, кто мог бы по достоинству оценить значимость замысла художника, вдохновиться на великие дела.

Был ранний вечер холодного осеннего дня, когда человек небольшого роста, в драповом пальто давно вышедшего из употребления фасона шел как раз по этому переулку. Видавшая лучшие времена фетровая шляпа была глубоко нахлобучена, руки засунуты в карманы, а локоть прижимал растрепанные, тонкие книжки: «Самоучитель игры на семиструнной гитаре» и «Самоучитель языка». На месте, отведенном под название языка, чернела жирная клякса.

Человек, видимо еще не выучивший все языки и не умеющий пока играть на семиструнной гитаре, шел вдоль забора прогулочным шагом. Спешить было некуда, дневные хлопоты кончились, а дома ждала взятая напрокат гитара. Отчего не пройтись по улице, поглядывая по сторонам?

Вот он и шел — вдоль забора с описанной выше рекламой. Она попалась ему на глаза. Прохожий замедлил и без того медленный шаг и даже остановился. Он постоял, переступил с ноги на ногу, подошел поближе. Потом протер рукавом часть изображения, еще раз взглянул, вздохнул и собрался было идти дальше. Но вдруг лицо его просияло, он хлопнул себя по лбу. «Мать честная!» — сказал он негромко, выхватил записную книжку, что-то записал и чуть ли не бегом помчался к выходу из переулка.

Дома он даже не посмотрел на гитару, блестящую нежно-желтыми боками. Сразу стал искать бумагу. Затем откуда-то извлек почти новый химический карандаш — и работа закипела!

Он работал с упоением. Писал какие-то формулы, умно-

жал, набрасывал схемы и рисунки. Нотная бумага вскоре кончилась, тогда из-за шкафа был торжественно вынут большой лист плотной бумаги и кнопками прикреплен прямо к стене. Химический карандаш замер в некотором отдалении от листа, потом р-раз! — и на листе появилась первая точка.

Через час таких точек было уже множество. Тогда человек маленького роста отошел в сторону, что-то прикинул, снова подошел к стене и ловким движением соединил точки одной плавной линией. Потом опять отошел, оглядел чертеж, крикнул, радостно потер руки. На стене красовался рисунок рога изобилия — ни дать ни взять как тот, что и по сей день висит в старинном московском переулке.

— Степан Онуфриевич, мне бы примус починить, — раздался голос из приоткрытой двери.

— Примус? Некогда, некогда сейчас, соседushка, — рассеянно отозвался он, все еще любуясь своим произведением. — Видишь, изобретаю...

— Ах, голова, голова, опять изобретает! — посочувствовала соседка и закрыла за собой дверь.

Степан Онуфриевич Огурцов был известен у себя во дворе как большой чудака. Но все соседи любили его. «Золотые руки!» — говорили они и несли чинить примусы, дверные замки, швейные машинки. Ребятишкам он мастерил силки, клетки для птах; бывало, помогал ремонтировать карманные приемники. Мог запросто сменить перегоревшую пробку — монтера в этот дом не вызывали. Старенькие, дешевые телевизоры он ремонтировал так, что смотреть передачи приходили из соседних домов.

— Сам Огурцов чинил! — хвастались соседи. — Навек!

А домоуправской дочке он исправил куклу. После ремонта кукла вдруг стала говорящей, начала махать руками-ногами, а ровно в восемь вечера всегда закрывала глаза и валилась на бок — до восьми утра. «Будильника не надо!» —

восхищался домоуправ и после этого случая стал приходить к Огурцову по-приятельски пить чай.

Постовой Петров ничего этого, конечно, не знал... Поэтому, когда Степан Онуфриевич зачастил в переулок, постовой насторожился. Нельзя сказать, что Петрову не понравился этот загадочный человек, который битый час мог простоять около полустершейся рекламы, — он всегда был трезв, выбрит и опрятен. Но за всем этим постовой профессиональным чутьем чувствовал какую-то тайну, нечто детективное. И когда маленький человек в драповом пальто устаревшего фасона снова появлялся в переулке, грудь Петрова, стянутая ремнями, начинала вздыматься, а сердце учащенно стучать.

Что привлекало прохожего к плакату? Ответить на этот вопрос было невозможно. Спросить же в лоб и проверить документы Петров не решался: поведение незнакомца в общем-то оставалось в рамках законности и пристойности.

Однажды, выбрав время поудобней, Петров огляделся, увидел, что переулок пуст, сошел с поста и осторожно подошел к изображению. Он пристально, детально изучал сначала низ, потом середину, наконец, верх картины, но ничего такого, что могло бы привести человека в состояние уныния или радости, не нашел.

Огурцов приходил теперь в переулок часто. Лил ли на улице дождь, пекло ли солнышко, обжигал ли мороз — он все равно появлялся и подолгу созерцал плакат. Он смотрел на него и так и эдак, отбегал в одну сторону, в другую, прицеливался.

Иногда, казалось, дело шло как по маслу. Тогда Петров видел изобретателя радостным, насвистывающим всякие веселые мотивчики. Стоптанные каблукы его туфель выбивали легкую, танцующую дробь. Он что-то нашептывал, приборматывал, и настороженное ухо постового улавливало: «Прямotoчного действия... из медной обшивки... красотища-то, красотища какая!..»

Были и другие дни. Когда ничего не получалось. И постоянно видел Огурцова притихшим, нахохлившимся. Тогда стоял он против плаката, сгорбив спину, не вынимая рук из карманов.

Да, нелегко, нелегко было Степану Онуфриевичу Огурцову изобретать рог изобилия. Это ведь не телевизор починить или перегоревшую пробку вывернуть.

Но Огурцов знал себя. Никогда еще в жизни не брал он дел не по плечу. Бывало, и с телевизором. Посмотрит, посмотрит. «Нет, — скажет, — не возьмусь». Знал свою силу Степан Онуфриевич. Оттого-то и не сдавался. «Раз пришла такая идея в голову, — размышлял он, — значит, могу».

Сначала он сделал рог во всех сечениях идеально круглым. Смонтировал вокруг сильные магниты. Заряжал статическим электричеством. Рог искрил, но только и всего. «Разряд слаб, слабо шибает», — верно подсказала интуиция, и рог был переделан в четырехугольный. Рог стал похож на большую, сильно изогнутую граммофонную трубу. Искрило еще сильнее, маленькие шаровые молнии то и дело сыпались из нутра. Но до настоящего рога было еще очень далеко.

Соседи постепенно перестали таскать сломанные машинки и утюги. Только домоуправ по-прежнему заходил пить чай. Они пили помногу, чайниками, и Огурцов, как сквозь сон, слышал:

— Ах, какая штука! Будильника не надо.

«Не надо, не надо, — стучало в голове изобретателя, — круглой формы не надо, может, и квадратной не надо? Может, пустить на овал?»

Вскоре рог стал овальным. Он стоял на больших деревянных распорках посреди комнаты, укрытый от случайного взгляда широкими складками мешковины. Изобретатель приходил вечером домой, наскоро ужинал, убирал со стола и принимался за работу. «Ну, дорогой мой рожок, — говорил

он вслух, — сейчас мы прочистим ваше брюшко. Сейчас послушаем, как поет ваше горлышко».

Мешковина снималась, и комната наполнялась рыжим сиянием. Зеркальные бока медного раструба вспыхивали искорками, играли радугой. Отбрасывая мешковину, Степан Онуфриевич каждый раз замирал от восторга и подолгу, не мигая, созерцал свое великолепное детище. Рядом с ним он казался себе значительным, большим, почти великим. Было чем гордиться изобретателю. Ведь не секрет, что многие пытались создать подобную конструкцию. Но нет, не вышло! А вот здесь, в этой комнате, из кратера рога уже сыпались реальные вещи: один раз вылетели кирзовые сапоги, сразу три и почему-то на одну ногу; другой раз выполз персидский ковер.

«Ты на верном пути, Степан, — сказал себе тогда Огурцов, — еще немного повозиться, и машину можно будет, не краснея, передать в эксплуатацию». И воображение изобретателя услужливо подносило всякие приятные сцены. Будто бы стоит он, Огурцов, на высоком помосте рядом с рогом, откашливается в кулак и говорит собравшимся:

— Вот, граждане. Изобрел. Теперь забирайте на доброе здоровье. Действует в лучшем виде. Смазывать только не забывайте. А если у кого что сломается, телевизор или велосипед, приходите, в починке помогу...

Это были не праздные мечты. Со дня на день рог работал лучше и лучше. Перебои случались все реже.

И вот однажды Степан Онуфриевич расправил поля шляпы, надел выходной костюм, как следует почистил ботинки и отправился в учреждение. Без малейшей робости переступил он порог этого большого, наполненного занятыми людьми дома. Прошел мимо зеркальной, торжественной вывески, отрекомендовался изобретателем, и его направили на третий этаж, в кабинет Молоткова. Огурцов поднялся, скромно вошел в обозначенный кабинет и увидел Молоткова. Молодой

человек в щеголеватом, может быть, даже модном, костюме сидел за рабочим столом и трудился. Он листал какие-то книги, что-то записывал, поминутно доставал из стола разные папки и курил, курил. То и дело звонил телефон, он снимал трубку, говорил: «Молотков слушает».

Вот к такому перегруженному работнику попал изобретатель. И даже подумал, не зайти ли в другой раз, — уж больно занят товарищ. Но тот вдруг положил трубку, приветливо улыбнулся и спросил: «Вы ко мне? — И, увидев замешательство на лице посетителя, добавил: — Садитесь, садитесь, пожалуйста, рассказывайте».

Огурцов посмотрел в окошко, потом на телефонный аппарат, подобрался и как-то сразу сказал:

— Вот изобрел. Такую машину... как бы это сказать? Одним словом, рог изобилия. — И набросал схему.

Глаза Молоткова прямо засверкали, когда Степан Онуфриевич кончил объяснение. Он затаился папиросой, крепче устроился в кресле. Потом, сощурившись, посмотрел прямо в глаза Огурцова и вместе с клубами табачного дыма коротко выдохнул: «Каков кпд?» — «Восемьдесят-девятьюсто», — прикинул Огурцов. «Едемте, едемте прямо к вам!» — сразу и решительно произнес Молотков. Он тут же снял телефонную трубку и бросил: «Совещание отложить. Подать машину!»

Новенький лимузин мчал на предельной скорости, а Огурцова брали сомнения. Перед одним из светофоров, когда машина резко затормозила, он вдруг вспомнил, что весь запас мусора и утиля израсходован. Как же продемонстрировать рог?

Надо сказать, что совсем недавно изобретатель со всем своим имуществом переехал на новую квартиру. Теперь он жил на седьмом этаже с видом на красивую, идеально подметенную улицу. Каждый час по ней на малой скорости проезжал мусороподборщик и забирал весь случайный хлам. Отсутствие необходимого для эксперимента сырья выводило

изобретателя из себя. Драгоценное время приходилось тратить на поездки в неблагоустроенные кварталы. В особо экстренных случаях приходилось бежать к дворнику и буквально вымаливать хотя бы ведро мусора. С условием обязательной отдачи.

Иначе дворник не соглашался: чем бы он иначе отчитывался перед начальством? Именно поэтому пришлось ухлопать несколько дней на реконструкцию рога. Теперь машина приобрела реверсивность: поворот рукоятки влево означал переработку утиля в ценности, вправо — наоборот.

Но так или иначе — в данный момент утиля под рукой не было, а дворник ушел с женой в консерваторию. И, пропуская Молоткова в комнату, Огурцов имел совсем убитый вид. «Не поверит мне товарищ Молотков, ах, не поверит», — сверлило у него в голове.

Молотков, как только увидел рог, сразу скинул пиджак, жилетку, засучил рукава и полез в потроха машины. Степан Онуфриевич стоял рядом и послушно давал объяснения. «Волнопровод, значит, заземлен?» — доносилось из чрева. «Точно, заземлен», — отвечал Огурцов, удивляясь смекалистости инженера. «Характеристика крутопадающая?» — снова несло из раструба. «Так и есть», — подтверждал изобретатель.

Наконец Молотков вылез наружу, привел себя в порядок, закурил, еще раз обошел вокруг рога, подошел к окну, выбросил сигарету и снова закурил. Он волновался, а Огурцов молча стоял и ждал приговора.

Инженер стоял у окна, внизу широким потоком мчались автомобили. Там, за рулем и на сиденьях, проносились еще ни о чем не подозревающие люди. Сегодня они еще и не знают, какие дела творятся здесь, на высоте седьмого этажа, а завтра будут знать все.

Он повернулся, подошел к изобретателю и крепко пожал руку. «Поздравляю, Степан Онуфриевич. Здорово у вас по-

лучилось. Как говорят студенты, непонятно, но здорово. Жаль, конечно, что не можем сейчас осмотреть в работе, но, когда соберем комиссию, утильсырья привезем столько, сколько потребуется».

И, еще раз пожав взволнованному изобретателю руку, Молотов помчался по лестнице вниз, прыгая через ступеньки.

Рабочий день еще не кончился, а впереди оставалось отложенное совещание и много других дел.

Стоял безоблачный, сухой день, когда Огурцов должен был демонстрировать изобретение. В любимой ковбойке, пахнувший тройным одеколоном он вышел на улицу и отправился в переулок. В такой день нельзя было не прийти туда, где случай помог родиться великому замыслу.

Огурцов вошел в переулок — все было на местах. На заборе по-прежнему желтело тело рога, по-прежнему на своем посту выстаивал Петров. Огурцов подошел к плакату, остановился и торжественно замер, как перед присягой. Его торжественность была чисто деловой, к ней не примешивалось суетное желание дать плакату рамку из золота и выставить на видное место или построить в переулке монумент. Изобретатель и плакат замерли друг против друга, как старые, выдавшие виды бойцы, знающие, почем фунт лиха, но сделавшие свое дело! И ни грохот проезжающих грузовиков, ни быстрый бег прохожих не могли нарушить праздничной приподнятости встречи победителей, сумевших превратить пыльные будни в прямой путь к победе.

Постовой Петров, как всегда, все свое внимание отдавал уличному движению и сутолоке. Но, несмотря на это, дневной визит старого знакомого не ускользнул от него. Не прошло мимо и то новое, что появилось в облике завсегдатая переулочка: неуловимая легкость, спокойствие в движениях, раскованность. Как будто бы человек нес тяжелый груз, дошел до места, сбросил и стоит, свободный, легкий, хоть ле-

ти. А когда Огурцов подошел к постовому, Петров посмотрел в его веселые, торжествующие глаза и сразу понял, что произошло что-то важное и что сейчас вся тайна откроется.

— Ну, сержант, закурим, что ли, — сказал Огурцов, доставая из кармана коробку отличных папирос. — Два года как хожу в твой переулок, а вот не поговорили.

Петров взял одну папиросу, поднес к невиданной, диковинной зажигалке и тут услышал всю историю от начала до конца. Изобретатель рассказывал, не торопясь, обдумывая детали изложения, пропуская моменты, невозможные для объяснения без бумаги и карандаша. Иногда взгляд его затуманивался, уходил в прошлое, а по лицу бродила загадочная улыбка — в эти секунды проплывали самые сокровенные моменты последних лет.

— Правильное, большое дело подняли, — сказал ему на прощанье сержант.

Ни тот, ни другой в этот момент и не подозревали, что сегодня они встретятся еще раз и совсем в другом месте. Огурцов поехал к своему другу — домоуправу, а Петрова срочно вызвали в отделение и сказали, что ему дается ответственное, большое задание дежурить во время испытаний машины изобретателя Огурцова. Случаются же такие поистине фантастические совпадения и дела!

— Как же, знаю, — не сплеховал сержант, — непрерывного действия, из медной обшивки, с рычагом реверсивного хода. Лично знаком с изобретателем, — добавил он еще.

«Золото у меня в отделении, а не народ», — радостно и легко подумал начальник, выписывая наряд на дежурство.

Для испытаний был отведен небольшой загородный участок на опушке веселого березового лесочка. Солнце заливало площадку щедрыми прямыми лучами, в березовой листве, шурша, ворочались редкие порывы ветра. В ожидании начала члены комиссии расхаживали среди молоденьких березок, пользуясь лесной прохладой. Молотков, прибывший

первым с группой молодых научных сотрудников, нашел подходящую полянку и играл в бадминтон. Он бил сильно и точно, почти не сходя с места. Тугие мышцы так и катались под смуглой кожей, когда он резким взмахом встречал летящий волан.

«Молодежь у нас! — одобрительно говорили более пожилые члены комиссии, поглядывая на игроков. — На дворе жара египетская, а им хоть бы хны».

Огурцов бегал по площадке и распоряжался. Нужно было за всем уследить. Он отдавал распоряжения с удовольствием. У него было хорошее настроение. Во-первых, рог был доставлен в полной сохранности, по дороге ни разу не тряхнуло. Во-вторых, он вдруг опять встретил Петрова — все же знакомый.

— А ты как здесь? — спросил он его.

— Вот прислан охранять вас от всяких случайностей, — Петров вдруг почему-то заробел и перешел на «вы».

— Ну, брат, за случайностью не уследишь, — шутливо запротестовал Огурцов. — Вот, например, как и с рогом-то получилось. Шел по переулку, гляжу — плакат. Другой бы раз и внимания не обратил, а тут бац! — осенило. Случайность!

— Нет, это хорошая случайность, — не сдавался Петров.

— Ну ладно, охраняй, — согласился Огурцов и побежал принимать самосвал с утилем.

Оказалось, что прислали всего один грузовик.

— Мало! — замахал руками изобретатель.

— Неужто мало? — усомнился член комиссии, ответственный за доставку утиля.

— Так ведь непрерывного же действия. Сколько ни клади — все мало будет.

— Сколько же надо? — спросили его, и все замерли, чтобы услышать ответ.

— Десять! — твердо заявил Огурцов и аж вспотел от ра-

достного волнения: такого количества сырья еще ни разу не было у него под рукой.

Когда десятый грузовик отъехал от площадки, комиссия собралась вокруг рога, а Молотков, успевший выкупаться, а оттого имевший особенно свежий вид, произнес короткую речь.

— В истории уже бывали случаи, — начал он, — когда отдельные изобретатели опережали свою эпоху на сто, сто пятьдесят и даже большее количество лет. Они делали такие открытия и механизмы, которые, не родись этот изобретатель, оказались бы под силу лишь далеким потомкам. Это замечательное качество, я бы сказал, человеческой природы. Там, где пасует интегральная мысль общества, выручает локальная вспышка первооткрывателя, где не тянет вспышка, выручает интегральная мысль! Получается: один за всех, все за одного.

К этому типу изобретателей принадлежит и смелый экспериментатор Степан Онуфриевич Огурцов. По нашим расчетам, такую машину можно было бы разработать не раньше чем через сто шестьдесят лет. Даже имея построенный образец, разобраться в тонкостях его действия с багажом современной науки почти невозможно. Но тем не менее образец стоит перед нашей комиссией и готов к работе.

Под бурные аплодисменты Молотков сошел с трибуны. Наступил черед Огурцова. Он последний раз проверил электрические контакты, сам наложил лопатой в узкое горлышко рога утиля — для затравки — и тогда повернул рычаг влево. Рог вздрогнул всей своей медной обшивкой, тихо заурчал, и серая масса утиля сама собой поползла внутрь рога.

Некоторое время из другого конца трубы ничего не показывалось — шел внутренний таинственный процесс переработки. Но вдруг рог присвистнул, вздохнул, и прямо на землю покатались предметы. Трудно было даже уследить, какие именно: не успевала вещь появиться на свет, как ее зава-

ливало чем-то еще. Пирамида готовой продукции росла прямо на глазах. «Шерстяные носки пошли», — успел разглядеть кто-то. «А вон самовар», — раздалось из гущи комиссии. Но то были отдельные голоса. Подавляющее большинство, потрясенное, молчало. А продукция шла и шла, удивляя своим разнообразием. Даже один подростковый велосипед подкатил к пирамиде наваленных вещей. Конструкция рога не была еще доведена до идеала, и изобретатель сам не мог сказать, чего в точности следует ожидать.

Огурцов тоже стоял потрясенный. Да и на кого бы не подействовало то, что творилось на площадке? Глубокое молчание сохранялось даже после того, как последние щепки из десятисамосвальнoй кучи пронеслись сквозь медный овал, превратившись в длинную гирлянду булавок. Так бывает после последнего взмаха дирижерской палочки великого маэстро.

Потом все разом пришли в движение, бросились обнимать друг друга и изобретателя. «Качать, качать его», — понеслось с разных сторон, и Огурцов первый раз в жизни взлетел в воздух.

Только один человек сохранял полное спокойствие среди этого шума и гама. В большом, широком пиджаке, он стоял, о чем-то усиленно думая. Большое напряжение отражалось на его лице. «Проверки, конечно, требует. Большой проверки», — шептали его губы. Среди сослуживцев он славился незаурядной скрупулезностью и великой усидчивостью. И еще: никакие самые исключительные случаи не могли вывести его из состояния полного душевного покоя. Рассказывали, будто во время одного из землетрясений, когда кругом ломались дома, в метре от него разверзлась зияющая пропасть. А он только и сказал: «Велика сила природных явлений. Приеду домой — расскажу».

Паровозов была его фамилия. К его мнению прислушались многие.

Как только первая радость поутихла, Паровозов выступил вперед и спросил:

— А учетчик материальных ценностей предусмотрен конструкцией?

— Нет, этого не изобрел, — виновато развел руками Степан Онуфриевич. — Некогда было.

— Доделайте, доделайте, дорогой, — приятельским тоном указал Паровозов. — Теперь второе. Видимо, эта машина представляет известную ценность для хозяйства. Но чтобы ее принять, комиссия должна проверить все пункты действия. Вот тут написано, — он помахал бумажкой, — что конструкция имеет реверсивность хода, то есть способна перерабатывать полученные вещи в обратном порядке. Как бы это увидеть своими глазами?

— Это уж как пить дать, в обратную сторону, — ухмыльнулся Огурцов. — Только зачем?

— Порядок есть порядок, — объяснил Паровозов.

— Ну, уж ради такого случая... — И Огурцов повернул рычаг вправо.

Члены комиссии, возбужденные всем виденным, легко отнеслись к этой маленькой полемике. «Ладно, уж чего там. Посмотрим». Все равно победа была налицо.

А гора вещей между тем начала таять. Предметы со звоном влетали в раструб, все в больших и больших количествах.

Второй срез рога был гораздо шире и мог принимать гораздо большие потоки, чем узкий конец. Много предметов, поднявшись в воздух, витало вокруг рога, сталкивалось друг с другом — так притягивал широкий срез. Тучи пыли поднялись над площадкой. Загуляли небольшие смерчи, иногда сплетаясь в один мощный вихрь. И когда у одного из наблюдателей сорвало соломенную шляпу и понесло высоко к тучам, вся комиссия, не сговариваясь, бросилась на землю. Только несгибаемый Паровозов остался стоять. Он схватился

за поля шляпы и уже хотел было сказать что-то о силе природных явлений, как вдруг могучий поток воздуха поднял Паровозова с места и понес прямо к ревущему жерлу горловины. Тело его легко покружило над землей, оттеснило несколько менее крупных предметов и плавно пошло вместе с основным потоком. Паровозов так и не отнял рук от поля шляпы.

Кроме Огурцова, никто не видел этого. Все лежали, плотно прижавшись к площадке, обняв голову руками. Изобретатель отчаянно, изо всех сил тянул рычаг к нулевому положению, но рычаг заело. Всем своим легким весом наваливался он на проклятый рычаг — ни с места! «Скандал, скандал!» — шептали его трясущиеся губы, по лбу катились капли пота.

Огурцов оглянулся — Паровозов уже наполовину пребывал внутри рога.

— Выгребай руками, выгребай, так твою растак! — не своим голосом закричал Огурцов, бросил рычаг и ринулся в самую гущу, туда, где в хороводе пружинных стульев, умывальников, рулонов материи уже виднелись одни лишь ноги Паровозова. Мертвой хваткой вцепился в эти ноги Огурцов. Обоих окружило облако пыли.

Увидев, что дело плохо, постовой Петров одним могучим прыжком одолел половину расстояния до рога, а через опасную зону завихрений пополз по-пластунски. Но тут рог крикнул, медно, по-колокольному загудел и остановился сам собой.

Через некоторое время люди пришли в себя и сгрудились вокруг машины. Нечего и говорить, как тяжело все переживали катастрофу. К тому же без Огурцова никто толком и не знал, как подступиться к рогу. Пробовали повернуть рычаг переработки в левое положение — рычаг свободно повернулся, но только и всего. Лишь струйка расплавленного металла вылилась наружу, да так и застыла. Тогда все

вытащили папиросы и молча задымили. Н-да, положеньице!..

Несколько дней бились инженеры и техники, чтобы оживить рог. Усилия их оказались почти безрезультатными. С грехом пополам удалось наладить лишь обратное действие — переработку ценностей в утиль. Молотков осунулся и похудел — все эти дни он не отходил от рога. Кто-то начал было ругать Паровозова — Молотков резко оборвал его:

— Сами виноваты! Таких Паровозовых на версту нельзя подпускать к новому. А мы вот с вами...

Тогда кто-то упрекнул самого Огурцова: что, мол, не оставил никаких толковых объяснений, когда еще было время.

— Попробуй объясни, — устало возразил Молотков, — на уровне будущих столетий. Загадочно, как люди-счетчики. Ворочают в уме миллионами, а как? Пойми-ка!

Постовой Петров переживал тяжелую утрату вместе со всеми. К тому же ему казалось, что он один за все в ответе. И Петров не смотрел в глаза членам комиссии. Как он мог допустить такое безобразие! Такую нелепую просьбу — заставить машину работать наоборот! Паровозов представлялся ему теперь злостным хулиганом, из тех, что в широких брюках. И он почти уверил себя, что однажды — был такой случай! — приводил Паровозова в участок за дебош в нетрезвом состоянии. Но из жалости отпустил и не просигналил по месту работы.

На самом деле такого случая, конечно, не было. Паровозов вел правильный образ жизни, не придерешься.

А рог передали в одну из научных групп на восстановление. Но во время катастрофы он пришел в такое состояние, что «восстановить» значило теперь изобрести заново. Но пока что без особых надежд на успех. Не каждый ведь способен на изобретение, которое по плечу лишь далеким потомкам!

КОЛЛЕГА — Я НАЗВАЛ ЕГО ТАК

Гремит будильник... Я открываю глаза, полный надежд, что часы идут на час вперед. Но нет, мой второй будильник показывает тоже семь.

Второй будильник появился после того, как я окончательно понял, что одним меня не разбудишь. Пришел момент, когда показалось, что недостаточно и трех. А дальше?

Просыпаясь, я чувствую себя еще довольно свежим. Полным сил. Но несколько минут борьбы с мучительным жела-

нием продолжить сон — и я встаю изрядно помятым, мечтающим об одном: снова в постель! Что делать! Научная работа оставляла для отдыха все меньше и меньше времени.

Нет, дело вовсе не в какой-нибудь непомерности моего честолюбия, не в том, что по ночам мне снятся лавры великих. Ах, мне снится другое! Даже дворники моих снов бормочут формулы, подметая мостовые моих снов.

Ведь если не хочешь отставать от тех, кто задает тон в науке, нужно не меньше их и работать. Так что виноваты они, великие. А спят они — ох, мало же они спят!

Помнится, именно третий будильник заставил меня крепко задуматься надо всем этим.

— Вот ты, взрослый человек, — говорил я сам себе, — автор разнообразнейших открытий, изобретатель. Неужели ты ничего не можешь поделать с этим унижительным, недостойным, а порой и просто аморальным состоянием, именуемым сном? Во сне вас может переехать грузовик, побить кучка распоясавшихся хулиганов. Вас вышвырнут с десятого этажа, плюнут в лицо, незаслуженно вынесут выговор. А вы? Проснетесь, утретесь полотенцем — и как ни в чем не бывало. А кому жаловаться?

Эти мысли угнетали меня (одного ли меня), но за дело я взялся лишь после того, как начал просыпаться одетым. Это уж было ни на что не похоже. Тогда я решился...

Электросон, гравитациосон, радиосон, соноплоскостопия — эти мощные, планомерно развивающиеся направления, конечно, рано или поздно приведут к успеху. К абсолютному избавлению от сна. Сделают его принципиально ненужным. Многочисленные сотрудники гигантских лабораторий, авторы нашумевших диссертаций, брошенные на развитие этих направлений, ни на секунду не сомневаются, что через каких-нибудь три-четыре десятка лет их труд даст о себе знать.

Известное дело, для вечности, из которой мы появляемся и в которой же исчезаем, этот срок — мгновение. Время

взмаха ресниц. Для меня же это мгновение, простите, лучший кусок творческой жизни. Ждать некогда, ресницы того и гляди сомкнутся. И уж если наука не готова дать мне абсолютный заменитель, то за частичный заменитель сна берусь я сам!

Эквивалент, биологический эквивалент — вот что следовало искать. Пусть некто спит вместо меня, пусть результаты процессов охваченного спячкой мозга идут своим ходом, снимаются специальным приемником, как снимаются адаптером мелодии с пластинок, и через трансформирующее устройство, в очищенном виде передаются моему бодрствующему, наполненному размышлениями мозгу. Этот вкратце изложенный план целиком завладел моим воображением.

Итак, эквивалент, адаптер. Проблема чисто техническая, а потому и решаемая техническими средствами. С ранних лет паяльник не дрожал в моих руках. В детском саду я был первым по монтажу и вторым по блокировке. (Наш сад имел производственный уклон. Там учили паять схемы.) Вскоре прибор встал в углу моего кабинета. Стандартного вида чемодан на колесиках, из тех, что посылают на вокзалы своим ходом, телекомандой или с самоуправлением по программе.

(Помните этот фотоконкурс «Время отпусков» — над вымытыми тротуарами парит утренний полумрак, кругом ни души. Спешит домой одинокий гуляка, галстук набок, на плечах пиджак. А на асфальтах необъятной магистрали — плотный, расплывшийся на скоростях поток чемоданов и сундуков. Вылетающие из переулков саквояжи. Затертый большегрузными корзинами одинокий портфель перед красным светофором. Зябко вздрагивает опоздавший мешок. Перрон. Огоньки уходящего поезда. Через час по магистрали с ревом промчатся первые автомобили, и уж тогда вряд ли кто решится выпустить самоуправляемый груз. А пока — спе-

шите, мчите стремглав, саквояжи и сундуки, авоськи и портфельчики. Время отпусков, время отпусков!)

Техническая стороны вопроса не беспокоила меня. Опасаться приходилось за другое — за донора сна, личность, отдавшую бы свое время под мой сон, как другие отдают кровь нуждающимся в ней. В наше-то время, когда за минуту простоя у прилавка покупателю выплачивают десятую часть стоимости покупки, когда секунда конвейерной установки — автомобиль, час машинного времени — фундаментальное открытие в математике!

Конечно, подыскать в этих условиях человека, пожелавшего бы спать и за себя и за меня, было делом нелегким. Круг моих знакомых ограничивался людьми науки, рассеянными, милыми людьми, вся мягкость которых превращается в гранит, как только ситуация подталкивает их на лишний час сна.

— Может, броситься в ноги к энтузиасту? — мелькнуло у меня. — Энтузиаст поймет...

Несколько прямых, откровенных разговоров с энтузиастами привели меня к твердой уверенности, что с ними тоже не сговоришься. Оказалось, что каждый из них сам по себе набит первоклассными замыслами, успевай только осуществлять. Поговорив со мной пять-десять минут, они впадали в красивую разновидность созерцательности, кивали головами (не мне, уже в такт своим мыслям), барабанили пальцами по столу.

— Ха-арошая мысль, — нараспев говорили они, — надо осуществлять, надо осуществлять! — И, торопливо собравшись, куда-то уходили. Куда они убегали? Осуществлять мою идею?!

Да, нужный человек должен был быть несколько иным, иного, так сказать, плана. С отклонением от нормы. Короче, такой, чтоб было ему все равно: спать или заниматься чем другим. Но именно таких я и не знал.

Жизнь вечерней улицы, загадка! Слоняясь вдоль ярких витрин, я пытался разгадать ее. Тщетно. Кинотеатры, универмаги, стоянки такси не дали мне ничего. Однажды, уже теряя веру в успех, я зашел в помещение, называемое пивным залом. Прямо у входа за столиком в единственном числе восседал мужчина, в его правой татуированной руке дрожал бокал с жидкостью, скорее всего алкогольных свойств. Он оглядывался по сторонам.

— Жизнь — копейка! — отчаянно выкрикнул он. Ему требовался собеседник.

Так, так. У меня молниеносно созрел план. Через секунду я уже сидел рядом с ним.

— Пей! — Он двинул фужер ко мне, плеснув на скатерть. В носу у меня густо защекотало от спиртного запаха. (Я знал его, этот запах. Спиртом я чищу детали, обезжириваю их. В обмен на старые флаконы его выдают в пунктах химической профилактики).

— Непьющий, — ответил я, придавая голосу сочувственные интонации, — вот разве так, о жизни поговорить...

— Наука сломала об меня все зубы, — свирепо изрек он. («Общение — величайшая роскошь!» — говорит Экзюпери.)

— Лечила, лечила, а пользы — никак нет.

Он помолчал, оценивая действие сказанного, улыбнулся, показав золотой зуб, и добавил:

— От алкоголизма лечила...

— Друг мой, — как можно мягче начал я, — если наука не помогла вам, то, быть может, вы поможете ей. Науке.

— Она мне нет, и я ей нет. Баш на баш.

Он был прост в своем великолепном невежестве. Он уже воображал, что наука и впрямь зависит от него. Правда, не все его термины были понятны мне. Но в общем, я его понимал.

— А может, дружок, попробуем еще разок?

— На свете счастья нет, — с чувством затянул собеседник, — а есть покой и воля. — Некоторые слова романса он кроил на свой лад, но что делать — я пошел ва-банк.

— Давно, усталый раб, замыслил я побег, — наши голоса сплелись, поплыли над опустевшими столиками.

Обнявшись, мы вышли на улицу. Дома уже притушили окна, отходили ко сну. Запоздалые прохожие почтительно обходили нас стороной.

— Отчаливай! — радостно кричал им спутник, но песню не бросал.

— В обитель даль-ленью трудов и чистых н-нег, — голосам не хватало тесного уличного пространства, и они уходили вверх, к утопающим в темноте крышам. Да, в обитель. Трудов. Нег.

Мы шли ко мне домой.

Утром я на цыпочках прошел в кабинет, тихо открыл жалюзи. Золотистый поток пронзил простор кабинета, сквозь узкие прорезы жалюзи рвалась теплая солнечная метель. Я огляделся. Все оставалось на местах. В углу стоял готовый к старту трансформатор сна, на диване нежился в крахмальных простынях вчерашний человек. Еще не старый, но осунувшийся, воспаленный, проспиртованный. «Хронический алкоголизм» — значилось в его пенсионной книжке.

— Рассолу, — прохрипел он, не открывая глаз. Банка рассола, играя изумрудными глубинами, уже стояла вплотную к дивану. Это понравилось ему. Он сделал несколько мощных глотков, оглядел комнату, потом закурил, ничуть не удивляясь месту пробуждения. Видно, привык он просыпаться где угодно, только не у себя дома.

— Болит? — я постучал по голове.

— Гудит, корыто, — брови его горестно полезли вверх, — уснуть бы самый раз, да не усну уж.

— Сделаем, — события сами пошли куда надо. — Уснуть, сделаем.

Я кивнул в угол, на трансформатор сна. Он недоверчиво проследил за моим взглядом.

Разумеется, будущий напарник начисто забыл все деловые моменты вчерашнего разговора. Пожалуй, и к лучшему. Теперь, рядом с грифельной доской я был во всеоружии. В ход были пущены и графики ускорений роста научной мысли, и трактовка энтропийного состояния всеобщего интеллекта, и действующие модели моих последних изобретений: летающие, ползающие, ныряющие, бегущие, счетно-решающие, и еще бездействующая модель главного, будущего изобретения, одновременно летающего, ползающего, ныряющего, прыгающего и притом счетно-решающего.

Услышал он и о пользе внедрения всех этих образцов, а под конец получил обещание, что один экземпляр новейшего экземпляра достанется и ему, по существу соавтору и товарищу в разработке. Он получал права консультанта.

Графики, формулы и схемы почти не действовали на человека из пивного зала. Он смотрел на них, как, наверное, смотрел какой-нибудь древний торговец мехами на сгнившую шкурку горноста, украшавшую в прошлом королевскую мантию. Только легкие в почерке зигзаги фигур Лиссажу на миг задержали его внимание.

— Петляет, значит. Следы замечает, — скучно сказал он и зевнул. Нет, с точки зрения аналитического восприятия мира он был слеп, глух и нем.

Но как только в комнату ворвались мои автоматы малого калибра и начали плясать, взлетать, кувыркаться, пищать, взбираться к нам на колени, бормоча всякие предложения, он стал сдавать.

— Загвоздочка, — озадаченно сказал он, отцепляя с шеи синтетического чертика, успевшего причесать и sprysнуть одеколоном голову собеседника. Он был заинтригован, ошеломлен. — Такую прорву заделать...

— Коллега! — на радостях я обратился к нему именно

так. — Вдвоем-то мы и горы своротим. Кривая интенсивности подскоч...

— Включаем, — и он махнул рукой.

Я ли его переубедил, победило ли желание отоспаться, неизвестно. Так или иначе, педаль была нажата, и трансформатор, урча, вышел на рабочий режим.

Надо ли говорить, как рванулись вперед мои дела! Вот, слегка усталые, все приходят домой, разворачивают газеты в ожидании ужина. Я работаю. Все расходится по кинотеатрам, стадионам, кафе, чтобы переключить мозг на иную, легкую волну. А мне ничего не надо, мой мозг свеж, как у новорожденного, и я опять работаю. Полночь. Все ворочаются в постелях, считают до тысячи, чтобы как-нибудь отключиться. Я ворочаю в уме миллионами, кручу арифмометр, шастаю логарифмической линейкой, я наслаждаюсь этими действиями! Наука, дочь удивления и любопытства, я безраздельно твой!

— А ведь было, было время, — торжествующе говорил я сам себе, — ты проклинал свою неутолимую жажду творчества. Голова твоя трещала, сердце выписывало на электрокардиограммах прямо-таки кренделя, волосы вылезали, как из старой сапожной щетки. Ты уповал на последнее, на докторов — кто еще мог помочь? Мудрецы! Они твердили свое: ледяной душ, фрукты, легкое вино и меньше, как можно меньше работы.

Как бы не так! Меньше работы! Ха-ха-ха! И меня разбирало натуральным, жизнерадостным смехом. Напарника я разбудить не боялся. Он спал как убитый.

Клд аппарата достигал пятидесяти одного процента. Поэтому вместо меня требовалось спать не 8, а 16 часов. И еще 8 часов, необходимых для него самого. Итого — сутки.

Иногда я будил его, в те дни, когда к работе прибавлялся новый выдающийся успех, завершался этап. Он слушал объяснения если и не с интересом, то по крайней мере

с заметным любопытством. Пытаясь вникнуть в детали. Было видно, как от случая к случаю он все больше проникается сознанием соучастия в важном, безотлагательном деле.

Если после первого сеанса он только махнул рукой — а ладно, чего там, — то через месяц ему уже доставляло удовольствие обводить чертежи рамкой, подкручивать гайки на полусобранных моделях и, заглядывая через плечо, наблюдать, как я убористо заполняю журнал формулами и уравнениями. «А плюс Б, скобка в квадрате», — шевелил он губами. Взгляд его становился все более светлым, разумным, а иногда сосредоточенно-задумчивым, с теми оттенками жесткой мудрости, какая свойственна людям аналитического ума в момент формулирования внезапных и широких обобщений.

«Вот что значит непрерывный сон. Перманентное состояние!» — мысленно ликовал я, а вслух говорил:

— Коллега! Уверен, что смогу подготовить вас до уровня техникума. Да что техникума. Одолеем кое-какие программы и самого вуза!

Последнее я восклицал, пожалуй, из чистого энтузиазма, но уж в первое-то верил незыблемо. Напарник уже сделал первый глоток из живительных атмосфер творчества. Теперь выдох и — второй глоток, — стойка принята, ноги на ширине плеч.

Несколько месяцев прошли как бы в опьянении, словно бы в состоянии невесомости. В моем институте все только плечами пожимали, когда я устраивал еженедельные доклады о проделанной работе.

— Когда он только успевает? — слышалось из рядов конференц-зала.

— За неделю он способен напечь расчетов и чертежей на новую диссертацию, — говорили в курилках. — Прямой дорогой идет в академики.

— Вас не узнать, — сказал директор, хитро прищури-

ваясь. — И в кино вас стали замечать, и по общественной линии, и на елке с детьми появились, и чаще других с коллективом на лыжные прогулки выходите. А производственные успехи! Говорить нечего.

На секунду директор замялся и, помахав в воздухе пальцем, добавил:

— Что-то тут не так...

— В том-то и дело, что лыжные прогулки, — ответил я, тоже прищуриваясь с хитрецей, — чистый воздух! Он делает чудеса. Слушайте докторов, дорогой мой директор!

Конечно, можно было и не хитрить, выложить все начистоту. Дескать, так-то и так-то, доступно каждому. Коллектив бы не осудил. К таинственностям, хитростям лукавым сердце мое не лежало никогда. Но в научных вопросах, не доведенных до принципиального завершения, иначе нельзя. Так уж повелось. Рвется душа на откровенный разговор, да молчок. Выдержка! А вдруг что не так! Прослывешь любителем легких сенсаций.

(Как было, например, с конструкцией печально знаменитого «Рога изобилия»? Нашумели, крику подняли. Перерабатывает утиль в ценности любого назначения! Прямо, непосредственно. В один конец рѳга — утиль, из другого — продукция ширпотреба! А потом — р-раз! — полная катастрофа. Изобретатель гибнет в пучинах собственной конструкции. Агрегат — в клочья. Восстановить невозможно. Оправдываются: на уровне, мол, будущих эпох. Да что там оправдания, позор на все инстанции! Фиаско, короче говоря.)

Береженного бог бережет.

Возвращаясь однажды со службы домой, пешком как всегда, с плащом в нагрудном кармашке, я заметил, что происходящее кругом, уличное занимает меня меньше, чем того заслуживает. Вот вышла из переулка компания разбитых школьников со скрипками в руках, с лихими песенка-

ми. Еще вчера я бы прислушался, остановился. О чем поет, как жить собирается беспокойное поколение? Вот кричит старушка, силась одолеть ступеньки троллейна. Несомненно, вчера я пришел бы на выручку поколению уходящих. А тут — иду мимо. Неинтересно! Что за чертовщина? Я тотчас сконцентрировался на самом себе.

Да, ничтожное, едва заметное недомогание командовало организмом. Так, легкая дрожь в коленях, испарина послебанного типа, пустяки в общем. И вдруг пришел день, когда к моим уравнениям не прибавилось ни строчки. И ни одной гайки — к моделям.

Пошел второй, третий день, рабочий стол начал покрываться отложениями квартирной, горьковатой на вкус пыли. Пришлось проверить аппарат трансформации. Нет, он по-прежнему действовал безукоризненно.

Напрасно я усаживал себя за письменный стол. В глазах рябило, строчки мелькали передо мной бессмысленно, как телеграфные столбы в окне вагона. Напрягшись, я вдруг осознал, что с трудом понимаю уравнения, составленные мною самим не так давно.

— А плюс Б, скобка в квадрате... — губы шевелились с трудом. Губы саднило едким, осязание жаждало нового, неизвестного.

Неведомое, страстное желание вынесло меня из кабинета в неоновый мрак улицы. Швырнуло, закрутило, погнало через туманно сияющие магистрали. Куда? В темпе ускоренного фильма мелькали мимо прохожие. Вдруг я увидел себя в большом зале за столом. В дальнем конце помещения оркестр наяривал музыку, приспособленную для танцев.

— Триста! — заправски рявкнул я. — И закусить!..

Асфальт тротуара плыл из-под ног, как черная река, уходящая в ночь. Город уже потушил огни. Ноги несли домой. Помню еще, как точным пинком сшиб мусорную урну. Потом

другую, третью. Это приносило удовлетворение. Урны, гремя жестяным нутром, катились в неположенные места.

Но то, что я увидел, добравшись до кабинета, мгновенно отрезвило меня. За рабочим столом сидел напарник, донор сна, и, вместо того чтобы мирно спать, строчил, да, строчил в рабочих тетрадах!

— Это неслыханно! — я шагнул к столу. — Ваши прерогативы...

— Коллега, — услышал я в ответ, — рукопись содержит ошибки. В первых главах безукоризненно все. Но в последние дни расчет запутался. Ингредиенты шалят.

С каждым его словом запальчивость моя возрастала.

— Все уже исправлено, коллега, — чуть усмехнувшись, продолжал напарник, не давая опомниться. — Извольте проверить.

На несколько секунд обычная ясность вернулась ко мне, я впился в ряды строк. Напарник, а может, и впрямь коллега, был прав. Ошибочные места уже были обведены красным карандашом и исправлены.

Я присел на краешек дивана, напротив, в кресле расположился он, и будто из тумана ко мне шли слова, его слова:

— Хорошо ли, плохо, но вы не ошиблись тогда, назвав меня коллегой. Факты — упрямая вещь. Как видите, теперь я не хуже вас разбираюсь во всех этих схемах, чертежах, выкладках и машинах. По-видимому, аппарат, придуманный вами, передал мне качества и знания вашего мозга. Войдя в контакт, холодное тело качает энергию из теплого. Пока не сравниваются температуры. Так гласит второй закон термодинамики. Заряд вашего образа мыслей перешел на меня. Температуры сравнялись!

Обратная картина. Обработывая наши тормозные процессы, аппарат передал вам кое-какие из моих качеств. Увы, не лучшие. Так случилось. Но общее дело не должно страдать. Плохо, если эмоции помешают делу. Выход один. Спите вы,

а я занимаюсь делами. До тех пор, пока мы снова не вернемся к изначальным состояниям.

Бог мой, он и говорил моими формулировками! Моими интонациями! Я готов спорить с кем угодно, но что противопоставишь своей логике, своим интонациям?

— Да, эмоции лучше уж не впутывать, — отозвался я безжизненно. Мне было все равно. И аппарат снова вышел на проектную мощность.

Теперь мы подменяли друг друга, как по вахтенному расписанию. Работа, что и говорить, кипела. До чего не догадывался я — догадывался он, даст маху напарник — я выручаю. В особо ответственные моменты аппарат отключался, загвоздка устранялась сообща.

Производственные успехи говорили за себя. Со стороны могло показаться, что ситуация пришла к полному благополучию. А на самом деле? Разве все сводится к радости от достигнутого результата? Сам процесс достижения с его тревожностями, взлетами тоже цель исканий.

Сознание того, что пятьдесят процентов наслаждения от бурно кипящей работы проплывает мимо, не давало мне покоя. С какой стати дернуло меня делиться своим, кровным с человеком, в сущности, неизвестным, чуждым духу исканий? На каком основании? Впрочем, основание он нашел. Мол, работа выше эмоций, эмоции не должны ей мешать. Мешать! Да из-за них весь сыр-бор, из-за эмоций. Именно их добываем мы в поте лица, в труде. А тут вынь и положь, отрежь от себя пятьдесят процентов.

Конечно, недолго думая, можно было просто ликвидировать аппарат. Но кто мог поручиться, что подсознание полностью освободится от печально приобретенных свойств? Избиение ночных урн вызывало спазмы в памяти. А ведь теперь я мог войти во вкус.

Нет, непредвиденностей больше не хотелось, и однажды глухой, темной ночью под завывание ветра в камине я пере-

брал механизм аппарата. Настроил его таким образом, чтобы сумма наших биомозговых процессов сложилась иным образом и привела нас, наконец, к изначальным, стабильным состояниям.

Монтаж оказался сложным, хлопотливым. Чтобы напарник не проснулся, аппарат ни на секунду не выключался, пришлось работать под напряжением. Словом, монтаж занял почти весь период моего очередного бодрствования. Но зато уснул я, как не засыпал давно. Ободренный и успокоенный.

Увы, напарник мой оказался не из тех, кого легко провести. Следы демонтажа были замаскированы отлично, однако непостижимым образом он распознал их. И в свою очередь, тоже ухлопал весь свой срок на реставрирование аппарата.

Вот где началась борьба гигантов! Он свое, а я свое. И все молча, с утайкой, будто ничего особенного. Здраваться мы еще здоровались, но чтобы обменяться мнениями, поделиться информацией, этого не жди. И не проглядывалось в новой, мучительной жизни ни конца, ни края. Схватка абсолютно равных возможностей!

Основная работа, конечно, оказалась заброшенной. Куда там — обоих охватило состояние азарта. Кто кого!

Да, в самом деле, кто кого? А вдруг не я его, а он меня?! Вот тебе и прямая дорога в академики.

Я сдался. Я прервал демонтаж и разбудил коллегу. Он проснулся недовольный и удивленный.

— Простите, я не доспал положенное, — ледяным тоном сказал он, поворачиваясь на другой бок.

— Хватит! — в моем тоне появилось нечто от спортивной злости.

Коллега замер, так и не перевернувшись на другой бок.

— Ни меня, ни вас не может удовлетворить создавшаяся ситуация. Статус кво, позорное для обоих. Как человек науки, вы должны понимать...

— Да, да, да, человек науки! — Он рывком приподнялся из-под простыни, грудь его мощно поднялась. Русалка, дремлющая на его груди у основания галактического корабля, плеснула хвостом.

— Да, человек науки. И не смотрите на это, — он ткнул пальцем в русалку. — Не хочу быть кем-то другим. Уговорить не удастся.

— Коллега, стоит ли нам уговаривать друг друга? — Я очистил голос от всего постороннего. — Не уговаривать мы должны, а гордиться. Сообща гордиться тем, что создали вас, нового человека. Доказали, что любой, даже открытый дурак способен к нетрудовому перевоспитанию. Теперь любой мозг открыт для просветления.

Коллега готовился спорить, доказывать, наступать, а тут наступать не требовалось. Он сомневался: может быть, я заманиваю в невидимую ловушку, тяну время?

— Мозг открыт, да мы-то с вами, как двухатомная молекула. Отделился один атом — и нет молекулы. — Он осторожничал, выбирая линию поведения.

— Предлагаю разделяться. Закрепить за каждым жизнь человека науки. По-новому настраиваем аппарат, спим оба, вредные привычки рассасываются, скапливаются в конденсаторных коробках аппарата и выбрасываются вместе с коробками вон, — я решил прикончить сомнения одним ударом. Мы встали у грифельной доски.

Через час доска украсилась уравнениями, в общих чертах решавшими поставленную задачу...

...С тех пор прошло достаточно времени, чтобы я мог все оценить, взвесить, прежде чем выступить с открытым рассказом об эксперименте.

Мой первый коллега по-прежнему бодр и энергичен, люди науки с удовольствием знакомятся с его последними разработками, журналисты любят брать у него интервью о горизонтах техники. Последних он привлекает неожидан-

ностью образов, доступностью сравнений, какими может располагать только сын улицы, знаток быта читателей.

Ни он, ни я не тревожимся за будущее. Оно обеспечено. Аппарат-посредник, в корне переделанный нами, сообщил ему заряд умственной энергии такого потенциала, что с лихвой хватит и на две жизни. А я, подключенный параллельно, целиком очистился от паразитических помех.

Ошибки прошлого были учтены, все последующие доныры прошли через аппарат без тревожений, психологических драм. Они отпочковались, полные творческих идей, смелых замыслов. Одни пошли в технику, другие углубились в сугубо теоретические дисциплины, даже один скрипач непонятным образом откристаллизовался в ходе смен разнообразных партнеров. Я получал время, они — новое будущее.

Доктора наук, эрудиты — они доподлинно знают о многом, и когда мы сталкиваемся на перекрестках, то раскладываемся, подолгу стоим, наслаждаемся беседой о последних достижениях наук. А иногда запросто собираемся компанией, все свои. Вот уж где понаслышишься всякой всячины! Особенное оживление вносит история о моем первом эксперименте. Слушают затаив дыхание. Собственная-то их биография оказалась лишенной той остроты переломного момента. Когда просят, достаю старый будильник, говорю:

— Вот с него все и началось. Плохо будил...

СВОИ ДОРОГИ К СОЛНЦУ

Профессор, отстукивая каблуками, сбежал по трапу на взлетную полосу и шагнул вслед за рулоном. Ковер неслышно бросился прочь. Бросился, но тут же притормозил, принаравливаясь к скорости, доступной для человека, отвыкшего от своего истинного, заданного земным притяжением веса.

— Направо, налево, вперед, — диктовал кто-то невидимый с диспетчерского пункта, и профессор с удовольствием

подчинялся, легко скользя в разверзающейся перед рулоном толпе.

Приятно быть весомым! Приятно подчиняться! Полтора года он командовал всеми сразу, грустя о временах, когда можно было командовать лишь самим собой. Ах, приятно командовать только самим собой! Вот все встречают его здесь, на Земле. Он вернулся. Все хотят, чтобы он заговорил, зажестикублировал. А у него комок в горле, как вата. Что сказать? Какую речь? Не расскажешь об этом и не напишешь...

(Видели бы они его лицо тогда. Когда щит гравитонов вздрогнул и прогнулся. И осколки брызнули, завихрились на силовых линиях. Хорошо, что не видели!)

Народ встречал профессора глубочайшим молчанием.

— Никаких эмоций! — приказал медицинский консилиум. — Нервы профессора на пределе!

Никто из них, врачей, не знал наверняка, на пределе или как. Последнее время психоиндикатор слал совсем непонятные графики его состояния. Кривые выписывали лепестки, бутоны, соцветия, а то выходили на идеальное плато, парили над осями, как птицы над степью. Врачи путались в графиках, дискутировали. Но каждый ставил себя на его место и говорил: «На пределе!»

Да, за полтора года кабинетной работы он привык к абсолютной, вакуумной тишине. Отзвуки земной суеты не проникали в глубины герметично закрытого кабинета, подвешенного в космосе где-то меж Землей и Луной. Оттуда он и руководил всей этой прекрасной, захватывающей и, что греха таить, настолько интеллигентной операцией, что всего несколько интеллигентов Земли решились поднять руку, отвечая на вопрос: «Кто же?..»

«Берегут, что ли, мои барабанные перепонки? — размышлял профессор, тревожно вглядываясь в молчащие толпы. — Почему молчат?»

Конечно, распоряжение бдительных охранников здоровья было излишним. Никакое тысячеустое, стадионное «ура» не могло сейчас перекрыть радостной бури, валами идущей в груди профессора.

Большой Сводный Цветомузыкальный в десятую часть силы мурлыкал попури из протонных маршей. Профессор махнул рукой: «Громче!» Дирижеры испуганно оглянулись на музыкантов.

— Еще громче! — профессор решительно рубанул ладонью по воздуху.

Одна из рубиновых труб, рискуя, взвяхнула, распустив потоки лазерных разноцветных лучей, самоходные барабаны на воздушных подушках грохнули, и народ пришел в движение.

— У-у-р-ра! — трибунно покатилося над обнаженными в почтенье головами.

Профессора вознесли на руки, а ковер покати́л в обратную сторону.

Да, провожали его не так. Затемненный стартодром, дюжина испытанных сотрудников, молчаливые президенты академий. Приглушенные звуки команд. «Блок питания...» — «Готов!..» — «Датчик критических масс...» — «Готов!» Он отклеил карман, сунул туда магнитофон, снова заклеил.

«У любви, как у пташки, крылья!» — зудело в кармане.

В общем-то тогда, перед стартом, план операции прочно гнезвился в голове профессора. Силовое поле помощнее, в его полюсах — гравитаторы для искривления пространства, ну и так далее. И он, пожалуй, был спокойней других, не знавших этого плана и не имевших своего. Он уже понял кое-что, успел сопоставить, сравнить. Но сказать об этом вслух пока не решался. Сказать — значило запугать многих, а в те дни нервишки и без того, действительно, стали сдавать. «Потом, через месяц, оттуда», — твердо решил он.

Задача состояла в следующем. Полтора года назад из-за случайных, как казалось поначалу, внешнекосмических причин возросла скорость вращения Земли вокруг Солнца. Да, со дня на день скорость все возрастала и возрастала. Расчет на уровне домашнего задания школьника показал, в какой день и какой час Земля, покачивая материками, сорвется с древнего маршрута и помчится, говоря ненаучно, в тартарары. (Впоследствии он, этот расчет на уровне школьного задания, и вошел в стандартные программы заданий на дом, вытеснив из них более частную и решаемую с меньшим энтузиазмом задачу отрыва Луны.)

Расчет посложнее выдал траекторию дальнейшего путешествия. И уж совсем замысловатый комплекс вычислений раскрыл одну особо неприятную деталь: пройдя по сложной эллипсоспирали, земной шар точно вонзится в центр дальней планеты «Пятак», прозванной так за ее внешнее сходство с распространенной монетой. Тогда... Тут уж и каждому ясно, что произойдет тогда. Фейерверк осколков!

Какие силы повели Землю от ее древнего, испытанного светила? С какой стати траектория подозрительнейшим образом совпадает с самым центром «Пятака»? Кому это нужно?

Учебники физики, астрономии как ветром сдуло с прилавков. Отцы семейств, содрогаясь и трепеща, похищали учебники из тугих портфельчиков успевающей детворы. За один подержанный экземпляр предлагали аквариум с осьминогом, связку сушеных африканских голов или левитационный набор часового действия.

— Кому это нужно? А что, как и в самом деле — кому!.. — профессор не хотел верить этой гипотезе, однако вопросы веры уже не имели прежнего смысла. Укладывается в мировоззрение, не укладывается — проверяй! Он сел за действующие, функциональные модели Старого и Нового космоса.

Там, в пульсирующем мраке пространств, трепещут на

своих орбитах гиганты, карлики, планеты и просто мелкие рудные тела, черепки. Смерзшиеся и вулканирующие, испепелившиеся и только входящие в силу, в режим предельной мощности, но равно ничтожные перед фактом бесконечного множества подобных себе, они сплетают свои траектории, поля действия в единый, слаженный, ровно вздыхающий организм. Попробуй уследи за каждой клеткой, каждым капилляром необъятного, живого клубка!

Профессор и не ставил такой задачи. Он искал выборочно, именно то, что нужно было сейчас, в нужный момент. Вот он увидел: ничтожная «Сентаво-прим» ушла, нет, еще не ушла, но вот-вот сорвется, уйдет от своего голубого карлика. А вот «Тугрик»: четырехугольный, сработанный, как рыночный чемодан, он уплыл от своего рыжего гиганта. Бесповоротно. На полдороге к «Пятаку» колышется и посредственная, негодная к жизни «Ночка». Ее зафиксировали лет сто назад, безрадостно внесли в каталог, и тут же забыли про нее. Кривая вынесет! А вот ушла...

Таких, сорвавшихся с орбит, профессор насчитал больше дюжины. Длинной, растянувшейся вереницей беспомощно шли они с разных позиций в одну точку, через равные промежутки времени — в самое сердце «Пятака».

— Ах, черт! Красиво идут! — восхищенно воскликнул профессор, отрываясь от расчета. — Красиво... — обмякнув, повторил он. Так опытный боец отмечает про себя изящество коронного удара партнера и уже потом погружается в рассредоточенное состояние нокаута, грогги.

Секунду или две профессор провел как бы в небытие. Но тут же рывком тренированной воли собрал себя в целое, выпрямился.

— Значит, не одни бедствуем. Значит, что-то функционирует, действует, уводит. Какой-то механизм, волновой, гравитационный. Значит... — он сказал это твердо, на полной дикции, через сжатые челюсти.

Забыть обо всем, думать о единственном. С этой секунды гимнастика начинала играть не меньшую роль, чем уравнения и выкладки.

Профессор первым поднял руку, отвечая на роковой в те дни вопрос: «Кто же возьмется?!» Командир требовался решительный, сроки сжимались и сжимались.

«Пятак» — мишень. Полигон. Луч гравитационных волн, исходящий из планет созвездия «273EA???...X», обволакивает Землю и ведет ее к мишени. Цель эксперимента жителей «273EA???...X» — изучение ядра Земли методом раскалывания на части ударом о мишень. Сигнал бедствия жителям «273EA???...X» послан, когда-нибудь он дойдет до них. Начиная сооружение гравитационного щита. Щит — единственный выход...» — такую телеграмму выслал профессор после месячного молчания в своей герметической келье. Ровно месяц, столько испросил профессор на абсолютное молчание.

...Автомобильный кортеж мчал по улицам, запруженным ликующим народом. Комитет любительского общества «Даешь светило!» нажал, и врачи переоценили ситуацию. «Ликовать!» — разнеслась команда, обязательная для всех.

То и дело перед автомобилем вырастали гигантские полотна со светящимися схемами гравитационного щита. На некоторых профессор успевал различить собственный, слегка подправленный и чуточку облагороженный профиль. Профессор усмехнулся. Что же, он честно заработал новый профиль. Гравитационный луч «273EA???...X» заперт, закольцован. Эксплуатируется в мирных целях. Земля крутится на прежнем месте! Гравитационный щит хоть и потрепался местами, но дело свое сделал.

Теперь, когда кризис разрешился, он мог по праву считать, что ему просто повезло. Операция «Возвращение к Солнцу», уникальнейший за историю науки эксперимент, оптовая проверка большинства существующих теорий (а какой преданный делу специалист не мечтает о такой всеоб-

щей проверке!), грандиозное промышленное предприятие. Вот когда теория и практика слились настолько, что многие встали в тупик: какая же часть выиграла больше от этого слияния? А «273ЕА???...Х» — ах, пусть тратятся, шлют бездну энергии. Завитая гравитационным щитом в кольца, трансформированная, она уже гудит в проводах высокого напряжения, мчится к объектам большой химии и на кукурузные поля...

Да, просто повезло. Плакаты с профессорским профилем, как птицы, летели с обочин дорог, и торжествующая, однако не лишенная некоей иронии улыбка тревожила его лицо. Но вдруг складки его лица закаменели, а лоб перегородился морщинами. Он резко привстал с сиденья, будто увидел впереди неожиданное препятствие, и, перегнувшись к шоферу, прокричал ему что-то в самое ухо. Из-за рева толпы никто не расслышал, что именно прокричал профессор. Но шофер расслышал. Он испуганно обернулся и развел руками, отрываясь на секунду от баранки. Мол, нет, нельзя. Тогда профессор крикнул еще, повелительно взмахнув рукой. И автомобиль профессора круто выскочил из общей колонны, развернулся, рыча, рванул в переулки. Кorteж секунду помедлил, а потом, ржаво скрипя тормозами, тяжело оставивая разбег, застопорил и тоже рванул туда же, в непредусмотренные переулки.

— Быстрее, быстрее, — требовательно шептал профессор, хотя машину и так уже швыряло из стороны в сторону, как катер на штормовой волне. И весь corteж швыряло вослед.

— Требуем координаты corteжа! Требуем координаты... — отчаянно неслоь из диспетчерских пунктов. Но все только пожимали плечами.

— Здесь! — приказал профессор.

Лимузин осел и замер. Профессор выпрыгнул. Вслед за ним вылетали из своих экипажей другие люди из подоспевшего corteжа. Теперь все увидели, куда пригнал профессор,

поломав все инструкции торжества. К циклотрону, к гигантскому стеклопластиковому угольнику, резавшему городские кварталы, как нос корабля режет гладь моря. Все знали: здесь до отбытия в космос работал профессор. «Служба элементарных частиц» — значилось над парадным входом.

— Товарищи! — голос профессора сошел на фальцет. — К Главному Рубильнику!

И все бросились за ним через вольготные стеклопластиковые проходы.

— Товарищи! — тяжело переводя дыхание, сказал профессор. Стремительная рукоять рубильника вздымалась над его головой. — Здесь, перед самым моим отлетом, в трубе циклотрона циркулировала частичка. Удивительная частичка. Лучшая из класса элементарных. Мы хотели расщепить ее ударом о мишень. На встречном потоке. Но каждый раз, подлетая к мишени, она огибала ее. Будто командовала сама собой. Будто не хотела погибать. Это поражало нас. Мы не могли этого понять. Мы думали, что поймем, когда разобьем ее на части. И с каждым днем прижимали ее ближе и ближе к цели.

Слова профессора гулко шли по пустым пространствам большого зала и тонули в мягких обшивках потолков. Народ стоял молча, не понимая еще, зачем профессор привез их сюда, к законсервированному полтора года назад телу циклотрона. Откуда-то из переплетения запыленных труб вылез человек в промасленном фартуке. Ассистент лаборатории взаимодействий. В его левой руке еще жужжал поисковый датчик паразитных энергопотоков. Он вылез из каких-то люков служебного пользования и замер, опершись на мощное, полированное ладонями древко корабельной швабры. Никто не заметил его.

— Прижимали ее ближе и ближе, — рука профессора легла на эмалированную рукоять Главного Рубильника, — потом я вылетел в космос, опыт законсервировали. Частичка цир-

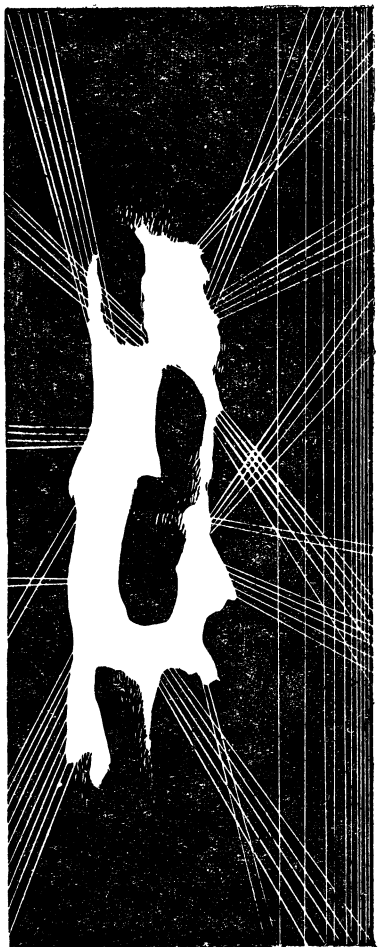
кулирует до сих пор. Все ее маневры в точности соответствуют нашим маневрам возвращения к Солнцу. По тем же уравнениям. Со своим гравитационным щитом. Вы понимаете?! Частичка разумна! Может, она тоже посылала нам сигналы бедствия. Ее нужно спасать! Выключить разгоняющие поля...—профессор с отчаянием потянул массу рукояти на себя.

— Поздно, профессор, — негромко сказал ассистент, оставленный при циклотроне. Все обернулись к нему. Он стоял, по-прежнему опершись на свою швабру. — Вакуумная трубка циклотрона заполнена воздухом. Частичка проломила трубу. Вырвалась наружу...

ПО ЗАКОНАМ НЕТОЧНЫХ НАУК

Амебы, инфузории и прочие организмы, коих естественный отбор и борьба за существование довели до микроскопического состояния, были страстью Изюмова, в служебное время почтенного профессора теоретических механик. Ну и что? Другие отдают свой досуг рыбкам в аквариуме, собачонкам, выращивают в комнатных условиях бананы. Профессор же вкладывал свое терпение в этот многообещающий, скрытый от взгляда подавляющего числа людей мир мельчайших животных.

Азарт коллекционера накрепко связал Изюмова с этим подвижными, прожорливыми, но, в сущности, невинными созданиями. Часами он мог рассказывать о повадках и ухищрениях простейших, каждый раз — по-новому. И только заканчивался рассказ всегда одной и той же фразой:

— Одноклеточные! И все-то у них богатство — ядро, протоплазма, оболочка, — на этом слове профессор, выдерживая таинственную паузу, обводил присутствующих значительным взглядом и добавлял: — Но все-таки их жизнь во многом похожа на нашу...

— Ну уж... — возражал какой-нибудь поклонник борзых и такс, специалист по коленчатым валам.

— А вы приходите, приходите вечером, — заманивал Изюмов. — Посидим у микроскопа, сами увидите.

Но знакомые почему-то не приходили.

Конечно, такое пренебрежение огорчало и прямо-таки приводило Изюмова в недоумение. Сам-то он не гнушался осматривать всяких диковинных сеттер-шнельклопсов, приходил и на чаепития с бананами домашней выработки. А вот все эти многочисленные соседи и друзья по работе — слушать слушали, а чтоб прийти, да по-серьезному, по-свойски скоротать вечерок, прильнув к окуляру, — нет, на это их не хватало. Отделялись шуточками. Кое-кто заявлял, что рассказы Изюмова сами по себе исчерпывают тему и что после них у микроскопа нечего делать. А сосед, разводящий уникальную породу хищных саблезубых кроликов, якобы боялся бедиться, что его жизнь не отличается от жизни инфузорий.

— Да поймите, — безуспешно протестовал профессор, — я же фигурально выражаюсь. Так сказать, в порядке рекламы начинания...

Такое поведение друзей профессор оправдывал потребительским характером их собственных увлечений. Банан можно есть, с умницей шнельклопсом хоть беседуй, гуляя по бульварам, а с саблезубым кроликом Стенькой, перегрызшим

глотку соседскому бульдогу по кличке Краб, ходи хоть на самого тигра. А много ли проку от амебы? Умозрительный интерес!

Однако успехи практичных соседей только распаляли воображение Изюмова, и он с еще большим усердием углублялся в тайны мельчайших. Особым вниманием Изюмов окружал породы, выведенные собственноручно. Были и такие.

В его коллекции попадались экземпляры о двух хвостах, с несколькими ядрами или вообще без оных, а также со многими оболочками — порода, наиболее готовая ко всяким случаям жизни.

Самая же замечательная особь народилась в той колбе, что однажды случайно осталась у распахнутого окна. В ней проживали ординарные на первый взгляд тувельки, и мало кто знал об их странной, почти болезненной восприимчивости к изменению условий существования. В обществе двуххвосток они и сами принимали двуххвостовой вид, в другой компании умудрялись где-то доставать лишние оболочки и олять внешне не отличались от представителей большинства. А попадая в свою колбу, вновь принимали первоначальные очертания.

Незначительный перегрев или, наоборот, переохлаждение могли разом погубить чувствительную особь. А тут Изюмов возьми да и позабуди их у распахнутого окна, в самой гуще сквозняков и температурных перепадов. И теперь следовало ожидать, что гриппозные и прочие эпидемии начнут косить обитателей забытой мензурки.

Изюмов, конечно, крепко перепугался, увидев такую оплошность и даже не сразу решился взглянуть в окуляр на результаты разразившейся катастрофы. Скорбное чувство невозвратимой утраты захлестнуло душу профессора. Ну ладно еще распотрошить дюжину первоклеток в высших целях научного исследования, от нужных жертв не уйдешь.

А вот так, ни с того ни с сего, отправить к праотцам целую колонию — срам!

Но то ли ветра принесли с собой особую живительную свежесть, то ли возбуждающие шумы улицы взбодрили впечатлительную натуру жителей колбы, только ни одного скончавшегося экземпляра Изюмов не обнаружил.

Более того, в микроскоп было хорошо видно, что они ведут себя оживленнее обычного, на скоростях прошивая объем мензурки.

— Живучие! — радостно констатировал Изюмов, отрываясь от микроскопа.

Профессор знал, что музыка, например, резко ускоряет работу живой клетки. Под аккомпанемент хорошей, бодрящей музыки клетки уживались там, где и самим вирусам туго приходилось. Но неужели случайное сплетение уличных шумов на какое-то время дало музыкальную гармонию и тем спасло биографию эксперимента от ужасного финиша?

— Неужели шумы? Музыка трамваев и самосвалов? — соображал Изюмов, на радостях не зная, куда и поставить чуждую пробирку. Он тут же засыпал в пробирку лучших шоколадных отрубей «Мокко», облучил нежным ультрафиолетом, под которым, как знал профессор, амебы любили загорать. И несколько радостных слезинок, запутавшихся в стриженной профессорской бородке, ухнули внутрь экспериментального сосуда.

Последнее отрезвило Изюмова — в пробирке инородный состав! Нейтрализовать!

Одним привычным движением профессор облекся в халат, в воздухе мелькнула медицинская шапочка, а на растопыренные пальцы накатила резина перчаток — и он застыл над микроскопом. Одна его рука крутила рычажок настройки прибора, другая нависла над полкой, готовая в нужное мгновение выхватить флакон с жидкостью для нейтрализации.

Однако на сей раз флакону не суждено было опроки-

нуться над пробиркой. Он так и остался стоять на полке, ибо то, что происходило в недрах колбы полностью исключало необходимость в нейтрализации. Слезинки, всесторонне облепленные множеством одноклеточных, не теряя своей формы, медленно увлакивались на дно общими усилиями армады амеб.

Профессор Изюмов прянул в сторону и невооруженным глазом уставился на колбу. Это был взгляд человека, заснувшего, скажем, под строгими сводами консерватории, а проснувшегося в дощатом балаганчике гонок по вертикальной стене. Он поплотнее натянул перчатки и снова прильнул к оптике. Сомнений быть не могло. Сваленные в кучу на самом дне слезинки уже замуровывались каким-то изысканно-коричневым веществом. Рецепт вещества профессор определил сразу — отруби «Мокко». Он придвинул к микроскопу киноаппарат, и тот застрекотал, фиксируя редкие в наше время кадры трудового энтузиазма одноклеточных.

А амебы не унимались. Они пересекали пространство пробирки во всех плоскостях без лишней суеты и столкновений. И только одна из них сохраняла невозмутимое спокойствие. Покрытая многочисленными бугорками-щупальцами, она переливалась всеми цветами радуги и царственно колыхалась у самой стенки, как бы позируя перед оптикой киноаппарата. То и дело к ней подлетали другие участники происшествия, притормаживали, секунду колыхались возле, будто выслушивая приказания, затем стремглав мчались обратно, в гущу кипучей деятельности.

— Вот оно что, — задумчиво пробормотал профессор, откидываясь на спинку кресла. — Новый вид. Занесло с улицы. Никому еще не известный образец. Да еще какой! Несоущий организующее начало. Ай-ай-ай! — И профессор яростно потирал ладони, расхаживая по кабинету.

Поистине это был день находок и открытий Изюмова. Заполучить такой образец, да так запросто. Да за одну

эту колбу он отдал бы все остальные и микроскоп в придачу.

Этот день разом приблизил профессора к долгожданной и, казалось, уже угасающей цели. Он чувствовал, что новый образец поможет, наконец, разрешить вопрос, из-за которого он, профессор точных наук, погрузился в эти вечерние созерцания микромира.

Собака радуется и горюет. Жизнь соседских такс и шнельклопсов неоспоримо свидетельствовала об этом. Хладнокровная рыба тоже знакома с состоянием счастья: недаром в определенный час она бьет хвостом и, серебрясь, вылетает над подсвеченной гладью аквариумов. А вот дальше, ниже по лестнице падения интеллектуального и физического развития? Жуки, стрекозы, божьи коровки, червяки, насекомые и микробы? Или на некоем уровне малости природа поставила жесткий барьер, за которым море эмоций перестает катить свои пенные валы?

Верный методам точных наук, в значительной части основанных на понятиях величины, стремящейся к нулю, профессор Изюмов и здесь обратился к исчезающе малым организмам. На них вопрос решался принципиально: защищены они от действия эмоций, значит барьер где-то поставлен.

Но возвращенные на питательных бульонах амебы вели себя сдержанно, не выказывая ни радости, ни горя, и единственный, кого это огорчало, был сам Изюмов, но потом он пообвык и стал довольствоваться маленькими радостями коллекционера. И вдруг такое благоприятие!

Амебы, и раньше подражавшие кому попало, теперь взялись за свое с удвоенной энергией. Они круглосуточно толпились вокруг радужного пришельца и нет-нет да и сами поигрывали иными цветами спектра. Дескать, знай наших. Дай время, засияем не хуже других.

Вскоре сияющих радугой представителей стало столько, что Изюмову стоило трудов отыскать родоначальника всего

этого явления. Тогда он рассадил весь народец по разным склянкам с таким расчетом, чтобы в каждой из них осталось по одному радужному экземпляру.

Легко было ожидать, что амёбы растеряются. Но нет, в каждом сосуде установилась четкая субординация, а общий порядок по-прежнему наводил сияющий экземпляр. Изюмов понял, что новое явление бесспорно утвердилось в быте мельчайших, и тогда снова собрал всех в большое стеклянное ведро.

Недели шли чередой, а амёбы и не собирались мешать свои подразделения: теперь каждой склянке соответствовал свой объем ведра. В одном месте начинали возникать постройки с микроскопическими ячейками («жилплощадь!» — понял профессор), в другом месте зазеленела ткань водорослей — там решалась продовольственная проблема. Словом, принципы районирования и специализации утвердились в недрах прозрачного бочонка.

Только иногда все, как по команде, бросали работу, и тогда амёбы, собираясь в цепочки, начинали водить столь бешеные хороводы, что у профессора рябило в глазах, а в ведре били ключи и рассыпались фонтанчики, как в закипающем чайнике. Профессор почти не сомневался, что проявление эмоций налицо. И что анатомическое доказательство этого не за горами. Оставалось вскрыть образцы и разыскать нервные центры эмоционального восприятия.

Эффект сияния между тем возрос настолько, что на отдельные экземпляры трудно было смотреть, ломило в глазах. Вечерами, когда с записями в лабораторных журналах было покончено, Изюмов широко открывал окна, выключал свет и покойно устраивался в кресле напротив стеклянного ведра. Водная толща посуды ровно светилась теперь млечным светом, там и сям вспыхивали дрожащие звездочки, и тайные плески вплетались в городские отзвуки, бродящие по затемненной квартире.

Профессор пропускал длинные, задумчивые взгляды через оконный проем, поглядывал и на расцветшее в сумерках ведро, пальцы его выстукивали на рукояти кресла октаву за октавой. Что происходит там, в этом тихом омуте, маленьком океане со своими течениями и вихрями? Еще вчера профессор мог твердо ответить: то-то и то, все по известным законам микробиологии. Но за последнее время в душу Изюмова вкралось ощущение, будто существование обитателей ведра наполнялось новым и секретным содержанием. И будто бы стоит только ему, Изюмову, подойти к ведру, все население его тотчас бросает свои главные дела и начинает заниматься чем угодно, только не тем, чем секунду назад.

Настораживало и поведение лабораторного кота Скальпеля. Был кот как кот, и вдруг словно подменили. Стал то и дело крутиться вокруг стеклянного ведра, что-то мурлыкать. А однажды из каких-то дальних подвалов приволок мышь и уложил возле самого ведра. Само собой, амебы тут же устроили роскошную пляску с фонтанами и родниками. Выгнув спину дугой, Скальпель пожирал взглядом бушующую картину новой стихии.

Инстинктом исследователя Изюмов чувствовал, что дальше медлить нельзя. Нужно действовать, пока ход событий окончательно не вышел из-под его контроля. И после случая с мышью профессор впервые распотрошил несколько радужных образцов, начав тем планомерное исследование внутренних уникальной породы. Одних он просто резал на мелкие кусочки, добираясь до сокровенных центров амебной психики, других подвергал воздействию мощного арсенала современного лабораторного оборудования и отпускал обратно. Меченые образцы он крутил на быстрых центрифугах, вводил в радиоактивные лучи, помещал в атмосферу ядохимикатов и так далее. Его особо интересовал вопрос, в какую сторону пойдет развитие участков колонии, где поселились меченые и отпущенные на волю образцы.

Он брал нужные особи пачками, обрабатывал соответствующим образом и пачками отпускал обратно.

И что же? Не успевали меченые экземпляры оказаться в своем обществе, как к ним подтаскивали какое-то полупрозрачное пятно, цепочка меченых медленно сквозила через него, и все следы действия лабораторного арсенала как рукой снимало.

Что мог поделать человек в условиях вольного или невольного, но столь упорного сопротивления? Другой бы на месте Изюмова махнул рукой: живите! Но профессор уже вошел во вкус единоборства, начатое требовало продолжения.

— Наука требует жертв, — сказал он однажды, на цыпочках подбираясь к ведру. Его правая рука сжимала ситечко для отлова образцов.

Да, он решил обезглавить стихийное движение сопротивления, разом изъяв из ведра самых ярких представителей им же возвращенной фауны и флоры. Экономичными, отточенными за годы практики движениями он быстро осуществил план, и сверхтонкий скальпель уже готов был войти в розовое тело первого светляка, но тут произошло непредвиденное. Зашипев, свежееотловленный образец ярко, как лампочка на последнем накале, вспыхнул, и вслед за ним рванули остальные образцы. Едкий дымок коснулся ноздрей Изюмова. От великолепной, лучшей подборки светляков первой величины остались одни лишь тлеющие лохмотья.

Профессор испуганно обернулся к ведру. Почти слившееся с темнотой, оно стояло на прежнем месте, притушив огни до последнего. В его обманчивом спокойствии мнилось что-то угрожающее, карающее. Нервы профессора сдали, он вытер влажный лоб и, шумно задышав, шагнул к окну.

Далеко внизу, на тротуарах улицы, толпился вечерний народ — влекомые по своим траекториям точки. Там, на днище городского парникового лета, — мужчины, женщины,

дети, продавцы мороженого, разносчики газет, пьющие газировку хозяйки с сумками, холостяки с пакетами в руках, рвущиеся на недозволенные сеансы подростки — с высоты профессорского этажа они теряли различия, точки, следующие по своим делам. Вон вспыхнул, замерцал огонек — кто-то сунул в рот сигарету, вон еще зачал огонек, ни дать ни взять профессорская коллекция, зажигающая вечерние огни. Изюмов даже вздрогнул от этого сравнения. Он инстинктивно обернулся назад. Внутри ведра сиял тонкий пурпурный жгут: это амебы собрались в единую цепь, выписав литую, как вывеска крендельной, надпись:

«Немедленно покиньте помещение!

Вы надоели!»

Первое, что бросилось в глаза Изюмову, когда на следующий вечер он отворил дверь лаборатории, — настежь распахнутое окно. Ведро, опрокинутое набок, лежало на подоконнике. Оно печально звенело под слабым напором косых струек дождя. Профессор бросился к подоконнику — да, все содержимое уже пролилось в дождевую воронку под окном. Профессор тихо двинулся к креслу. Он сдался.

В этот день Изюмова постигло еще одно разочарование. Лабораторный кот Скальпель бесследно исчез.

А амебы? Какие сюрпризы преподнесет им новая судьба? Промчавшись по городским трубам, мимо глубоких канализационных колодцев, они вынырнут в каком-нибудь веселом ручейке, среди березовой прохлады или меж омутов и заводей, где медленно плещут налимь. А может, уйдут и в самые моря, океаны, где под вечноголубым небом пенится прибой, а ветра свежее самых свежих ветров большого города.

ТРАНЗИСТОР АРХИМЕДА

Глава I, в которой Архимед задает задачу ученым XX века

Лаборатория расшифровки триплетного кода давно уже перешла на круглосуточный график. Она работает как «Скорая помощь» — в любое время суток, хотя так называемой жизненной необходимости в этом нет никакой. Продукция лаборатории касается одного — прошлого, а разве можно чем-нибудь всерьез помочь прошлому? Сожалениями не поможешь. Свершилось — и баста!

Однако что может волновать так, как волнует прошлое?

Разве что будущее. Настоящее же и так хорошо известно. Но будущее — оно за семью печатями, а прошлое, пожалуйста, на экранах лаборатории. Заходите в любое время суток, над входом плакат: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ЛЮБИТЕЛЯМ СТАРИНЫ!» В три часа ночи, в семь утра — заходи. На экранах вспыхивают видения. Триста лет назад, тысяча, пять тысяч...

Веками человеческие гены — хранители информации — автоматически зашифровывали эту наследственную информацию, запоминали происходящее и транспортировали новым поколениям все более тяжелый груз памяти. Триплетный код насыщался новыми точками-тире. Здесь, в лаборатории, клубок разматывался в обратную сторону, автоматически расшифровывался и на экранах загорались отпечатки картин, прошедших перед глазами деда, прадеда, пра... пра... спускаясь по генеалогическому древу все ниже и ниже.

Погружение в прошлое. Оно как погружение батискафа в темные недра океана. Все сумрачней его картины, нарастает давление пространства, скоро ли дно? Но дна нет...

Один из прошловековых отпечатков особенно поразил воображение специалистов. Казалось бы, в снимке ничего грандиозного. Ни Помпей, заливаемых лавой, ни конницы Чингисхана. На первый взгляд просто бытовая сцена. И однако, как только на сфероиде серебрящегося экрана туманно засиял кадр, зрители застыли, а с галерки, заполненной рядовыми, а потому мало сдержанными любителями, донесся сдавленный полувывкрик:

— Да ведь это же...

Какой-то благоразумный сосед тотчас зажал рот любителя.

— Может быть, и так, — внушительно, после солидной паузы отозвался кто-то из титулованных экспертов. — Может быть, там, на галерке, и не ошиблись. Но... Впрочем, беру свои слова обратно!

Последние слова эксперт произнес торопливо, будто обрывая сам себя, отчего общее впечатление правоты того, с галерки, только усилилось.

Когда посторонние разошлись, древний академик по триплетному вопросу внушительно обратился к эксперту:

— Что ж вы, батенька, так сразу? Может быть, может быть... В жизни все может быть! Да только... Эх, вы! Авторитета вашего только может не быть.

— Так ведь брал же слова обратно, — оправдывался эксперт.

Снимок, вызвавший столько противоречивых эмоций, был в общем-то незамысловат. Скамейка, человек в хитоне с прутиком в руках да меч, занесенный над головой сидящего. Меч без насечек, без узоров, лишенный служебного кокетства и двусмысленности; видно, в руках владельца он был просто орудием производства. Человек в хитоне не смотрел на меч, он смотрел куда-то вверх, вероятно, в глаза того, кто пожелал разрубить его на части. А по песку вились какие-то узоры, только что вычерченные прутиком. Линии, треугольники, кружочки, сплетенные в непонятную для геометра фигуру. Похоже, что человек в хитоне был увлечен решением какой-то задачи, как следует углубился в нее и вдруг заметил, что его убивают. Все было именно так, как в известном предании о гибели Архимеда. Отсчет кадра по времени сходил с календарными датами Архимеда. Самое поразительное заключалось в рисунках на песке — под ногами Архимеда отчетливо прорисовывалась схема серийного транзисторного приемника. «Спидола» не «Спидола», но что-то в этом роде...

Глава II, в которой Архимед открывает закон Архимеда. Время действия — III век н. э.

— «Эврика!» — закричал он и пулей вылетел из ванны.

«Эврика! Эврика!» — пульсировало в голове, пока хрустящие простыни сушили бронзовое, тренированное тело Архимеда.

— Впрочем, эврика ли? — Архимед опасливо глянул на зеленоватую, со сломавшимися в ней лучами солнца воду бассейна.

— Эврика ли? — Вода по-прежнему играла солнечными зайчиками, легко, как соломенные пучки, ломая вошедшие в бассейн копны солнечного света.

Будь на месте Архимеда личность попроще, с более турбулентным мышлением, внимание личности, может быть, переключилось бы на игру ломающихся лучей, и человек задумался бы над загадкой их преломления, а то взбрела бы на ум другая задача, что-нибудь вроде «Из бассейна А вода льется в бассейн Б...», и он позабыл бы о только что открытом физическом законе, променял на другой. Но теперь перед бассейном стоял он, не кто-нибудь другой, а именно он, тренированный в несбивчивом мышлении Архимед, обвитый напряженными мышцами, замкнувшийся на одном, как атлет перед броском диска. Мысль поймана за хвост, она бьется, вырывается из рук, но хватка Архимеда железна. Вот он стоит, смотрит в бассейн. Нет, он не видит причудливых словес ныряющих под воду лучей, и лихие зайчики, срывающиеся с водной глади в зрачки Архимеда, не слепят его

глаз. Преломление света потом, кто-то другой... Сейчас он весь в одном.

— В воде мне было легко... Значит, и любому телу легко... Значит, помещенное в жидкость тело настолько теряет в своем весе, насколько... Впрочем, насколько?

И Архимед вдруг разбегается, прыжок, летят брызги, он снова в бассейне. Эксперимент продолжается. Без жертв, без риска, но — на самом себе.

Глава III, в которой жители иной планеты решают провести опыт над Архимедом. Время действия — III век н. э.

— Штурман, куда девался наш главный любитель неточных наук? — спросил командир. — Арбузо-кактус плачет по нем.

— Главный? — на секунду задумался штурман. Все они, космонавты, специалисты в физике и математике, как и все углубленные специалисты этих дисциплин, были любителями наук неточных. — Вы имеете в виду специалиста по мыслящим существам?

— Да, по мыслящим. Веществам, естествам, субстанциям, подлежащим, прилагательным, сказуемым, существам наконец. И всемыслящим. — Командир выпалил все это еди-

ным духом и теперь остановился перевести дыхание. Разнообразие форм братьев по разуму сидело, видно, в капитанских печенках.

— Он снова ушел на диспут софистов, — ответил штурман, — хочет докопаться, мыслящие здесь или так, подкорковые.

— Да, загвоздочка, — отозвался командир, — но, знаете, все-таки приятно, что хоть существа, а не мыслящие грибы. Надоели грибы. Существо, пусть даже без шариков в голове, ей-богу, приятнее этих высокомыслящих веществ, соцветий, сублимаций неустойчивых. А, как по-вашему?

— Да, командир. Точно. Не могу забыть случай на Кассее. Этот обдумывающий что-то арбузо-кактус. Ну и мыслишки у него завертелись при нашем виде. Сразу понял, что течет в жилах человека. Калорийный продукт! И ведь едва увернулись.

— Да, увернулись. А вот практикант... Н-да... — И в морщинах лица командира легли траурные тени.

— А ведь что ужасно. Проглочен, а будет жить. Только вырваться из чрева не сможет. Ужасно жить проглоченным. Лучше уж... Да как?

— А помните этот чувственный суглинок? На Эрбунде. Прилег, понимаешь, только вздремнул — и готово. Прут в глаза видения. Гарем, да и только... Стыдно перед семьей. Гадость. Не-ет, существа нам понятнее.

— Да, на Эрбунде все могло кончиться полным моральным разложением. Тогда конец, — командир поиграл жёлваками и сжал кулаки.

На самом деле штурман несколько иначе относился кключениям на Эрбунде. В другой компании он рассказал бы о них смелее, с шутками и подмигиваниями. Но командир, нет. Он отвечал не только за материальную часть, но и за дух экипажа.

— Привет! — хлопнула дверь, и в рубку ввалился третий, крепкий парень с могучей шеей и какими-то прямо таранями вместо рук.

— Как диспут? — командир хозяйским взглядом окинул всю эту гору мышц.

— А! — существовед безнадежно махнул рукой. — Схоласты. Кошмар. Не с кем перекинуться словом. Опять передрались.

Специалистов по мыслящим существам всегда подбирали в экспедиции из таких вот здоровяков, из тех крепышей, что живут без бюллетеня. Мыслящие существа на всех планетах — это мыслящие существа: вспыльчивые, а то и склонные к последним крайностям. Особенно те, что имеют дурную привычку прикидываться безмозглыми стволами, ручейками, игривыми дуновениями, недвижимыми арбузами. Так что, несмотря на геркулесовские возможности, существоведам приходилось частенько улепетывать. Но сегодня, видно, все кончилось сносно. Наметанный глаз командира отметил это сразу. Намял, видно, схоластам бока и — привет, до следующего выяснения.

— Вот, — искатель мыслящих существ показал мякоть руки, — укусил, мерзавец. На китах, говорит, все покоемся, а потом — бац, и укусил.

Командир улыбнулся, а штурман захохотал.

— Нет, вот молодец. Надо же. Укусил. За правду стоял. За китов, — постанывая от смеха, выдавил из себя штурман.

— Я, правда, и сам малость начудил. Подхожу к ним, спорят они. Все в хитонах. Солнце, между прочим, вовсю печет. А я с факелом в руках. Зачем, спрашивают, факел. И так светло. А я, говорю, освещаю, человека, ищу. Здравомыслящего. Днем с огнем Ну, они в амбицию. Мол, а мы что, не люди? А вы схоласты, говорю. Обиделись.

— Войдешь в эпос, — покачал головой командир.

— Войду, — радостно подтвердил здоровяк.

— Значит, ищешь человека? — Командир, видно, что-то уже обдумал. — Есть у меня на примете один человек. Есть. Схоласты, воины — это все не то. Понимаю, нужен кто-то другой. Вопрос перспективности мышления на схоластах не решишь. Но вот есть один, говорят, на днях, не выходя из ванны, он открыл закон плавания в жидкости. Вдруг этот парень и есть то, что нужно?

— Попробовать можно, — попытался согласиться специалист, — шанс есть шанс.

— Архимед не укусит. Предчувствие, — вставил словечко штурман.

— Погодите, — нахмурился командир, и штурман осекся. — По какой системе поведете опыт над Архимедом? Не забывайте, опыт должны вести мы над ним, а не он над нами.

— Я думаю так, — атлет задумчиво уставился в иллюминатор, — он только что открыл закон... Архимеда...

— Ну, ну, — подбодрил командир, — предположим, так этот закон и назовут.

— Так вот. Я сразу перескочу в другую эпоху. В эпоху других законов.

Я объясню ему, положим... Да, объясню радиотехнику, сразу транзисторную. Если он сможет понять, то... Понимаете меня? Своеобразный тест на умственную выносливость, взгляд вперед. Поиск их умственных пределов. Идет?

— Ну, радиотехника еще ничего, — облегченно вздохнул командир. — На Зигпоее вы объясняли кино. Жизнь забыта, развитие кончено, зигпойцы смотрят кино. Ладно, радиотехника пойдет! — И командир хлопнул специалиста по спине. Он любил эту спину, покрытую пластами мышц. Он любил хлопать по ней. По ней можно было очень сильно хлопать.

Глава IV, в которой действие снова переносится в XX век

— Да, не помогла Архимеду радиотехника, — печально сказал начальник отдела древних времен.

— Да, зарубили, — подтвердил аспирант лаборатории триплетного кода, — и Архимеда зарубили. И схему зарубили. Как на защите диплома.

— А может, триплетный код наврал? — смущаясь, спросил молоденький репортер вестника «Наука — всегда».

— Триплетный код не врет никогда, — отрезал эксперт.

— А может, помехи в код ворвались? — смеясь, наступал, репортер. Он вспомнил, как однажды слякотной ночью ворвался в одну компанию и как оттого все перепуталось, смешалось...

— Может, может, — раздосадованно перебил эксперт, — все может быть. — Но тут эксперт вспомнил академика и покраснел, потому что академик собственной персоной появился в испытательном зале.

— Ну-с, друзья. Какие вести из Греции? Что от Архимеда? — академик сказал так, будто Архимед числился его соседом по заседаниям в академии. — Включите Архимеда, — кивнул он аспиранту, и на экране снова замерцала нашумевшая картина. Академик обошел экран, потрогал его рукой, простежки улыбнулся, развел руками. Все молчали. Весь вид академика говорил: «Вот, батенька Архимед. Неприятность. Будь я с вами, мы бы уж вдвоем что-нибудь придумали. Отбились бы от римских варваров. Будьте покойны! И в схемочках разобрались бы. А так — абсурд. Непонятно. Архимед и — «Спидола»! Зачем?»

— Мы вот что тут думаем, — кашлянув в кулак, сказал эксперт, — сам Архимед схемы такой не изобрел. Не мог дойти он до этого в своем умственном развитии. В развитии своем он только дошел до закона Архимеда...

— Он его открыл, этот закон, — сухо усмехнулся академик, и все усмехнулись, хотя несколько иначе. — Запатентовал на века. А вы говорите: дошел, дошел. Как ученик шестого класса. Ну, а что вы скажете, дорогой аспирант? — И академик всем корпусом повернулся к аспиранту.

— Что же, зарубили Архимеда, легенда не обманывает, — трудно было понять, смеется аспирант или серьезно это говорит. — И схему зарубили. А схему передали ему марсиане. Больше некому. — Аспирант выжидательно замолчал, твердо глядя в глаза академику.

— Марсиане! Негоже нам марсиан подшивать к делу. Да и кто видел этих ваших прекрасных марсиан? Вы видели? — сердито, но уже без прежней сухости возразил академик.

— Я не видел. Но... если марсиане передали схему Архимеду, мы их найдем. Увидим, — и во взгляде аспиранта мелькнула некая загадочность, да, обещающая загадочность.

— Так, — академик направился к выходу, — увидите, тогда докладывайте.

— Обязательно доложим! — крикнул аспирант, но дверь за академиком захлопнулась. — Мы найдем второе видение смерти Архимеда. Кто-то из детей пришел за телом отца и видел схему своими глазами.

Мы наткнемся на схему вторично. Картина, которая у нас уже есть, снята с триплетного кода праправнука римского легионера. Теперь нужно найти праправнуков Архимеда. Код Архимеда даст нам все, что нужно.

— Так, — подхватил эксперт, в отсутствие начальства он чувствовал себя увереннее и приобретал способность увле-

каться, — найдя такой снимок, мы начнем трясти все генеалогическое дс, зво Архимеда.

— Да, начнем трясти, — аспирант решил сам закончить свою мысль, — и вытрясем другой кадр. Архимед беседует с марсианином. Получает от него схему. В этот момент грек испытывал сильные переживания. Они не могли не врубиться в код. Тогда мы увидим марсиан.

— Вот, убивали, убивали, — вмешался вдруг паренек из газеты, — посмотрите, весь род этого итальянца — войны. А он отдыхает в кабачке на берегах Ривьеры, попивает натуральное вино. — Репортер мечтательно задумался. — Будто его предок и не убивал Архимеда. Никакой ответственности.

— Сын, за отца не отвечает, — убежденно сказал юрист лаборатории.

— Ну, этого мы еще не знаем, — возразил эксперт, — тритлетный код тоже имеет свою чашу терпения. Пределы напряжения. Где-то переполнится чаша и — взрыв, вырождение. Неполноценное потомство. Новорожденный расплачивается за грехи отцов. Вот ведь и так может оказаться.

— Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина. Сказано в писании, — поддержал юрист. Он мыслил правовыми категориями почти всегда. — Впрочем, успел ли Архимед обзавестись детьми? Вдруг он был из стойков? Что тогда?

— Дети, дети, дети, шкаф семнадцать, полка, ящик... — вдруг забубнил начальник древних времен, отбивая костяшками пальцев по столу. — Ага, есть. В манускриптах плательщиков налога за бездетность Архимед не значится.

— Возможно, уклонялся, — репортер вспомнил, как один ответчик уклонялся, а потом попал в фельетон и выплатил сполна.

Начальник времен тихо и как-то осуждающе посмотрел на репортера. Веки начальника набежали на глаза. Он впал

как бы в сомнамбулическое состояние, и только костяшки пальцев, как метроном, отстукивали по столу.

— Нет, не уклонялся, — наконец отозвался начальник. — Есть запись ходатайства Архимеда насчет яслей. Да, хлопотал.

И глаза начальника открылись до полного размера.

Глава V, снова III век н. э.

— Ну, как постигается? — спросил командир.

Человек в хитоне продолжал что-то чертить на песке, насыпанном в специальный ящик. Он не услышал вопроса, не заметил подошедших космонавтов.

— Неладно, — сказал существовед, — как только понял, о чем речь, все на свете позабыл. Лепит схему за схемой. Встряхнет ящик и — снова за свое. Ничего не замечает. Хоть из пушки стреляй.

— Что же его убедило?

— Теоретическим предпосылкам отказывался верить, — объяснил существовед, — пришлось демонстрировать действие. Помните, уносил аппаратуру. Результат налицо.

Архимед по-прежнему сидел, согнувшись над ящиком.

— До самой смерти просидит. Хоть убивай, не встанет.

— Отлет назначен? — спросил существовед, отрывая взгляд от чертежа.

— Через два часа. Больше тянуть нельзя. Все ясно. Выяснено, — командир кивнул на ящик со схемой.

— Не хочется мне улетать. Клад для экспериментов, — существовед вздохнул, и легкие его зашумели, как мехи.

— Прощайте, Архимед, — атлет положил руку на плечо человека в хитоне. — Прощайте.

— А! — Архимед очнулся. — Вот не знаю, как заземлить...

— Улетаем, — сказал командир, и Архимед все понял.

Брата четыре равны.

Соревнуясь как будто друг с другом,

Ровно и чинно бегут, и от века их труд неразделен.

Близко один от другого.

Коснуться ж друг друга не могут, —
продекламировал Архимед. — Правду говорите. Не боги ли вы посланные? — Он переводил взгляд с одного на другого.

— Увы, нет, — улыбнулся атлет, — мы — это вы, только потом, не скоро. И тебя с собой не возьмем. Здесь, в своем времени, ты нужнее.

— Да, я нужен им, — задумчиво согласился Архимед.

— И вот что. Обязательно обзаведись детьми. Говорю как друг.

Космонавты переглянулись.

— Дети? Для чего размышляющему наследники? Примут ли они от меня мое? Река впадает в море, река не разливается на ручейки.

— Это нужно. Нужно для будущего, — торопливо произнес специалист по поиску разумных.

— Вам верю. Обещаю. — Архимед сумрачно кивнул.

— Ну, пора, — командир бросил последний взгляд на ящик.

Космонавты медленно побрели прочь. Только штурман держался на какое-то мгновение.

— Слушай, говорю не как друг, а как бог, — шепотом сказал он, — обзаведись. Обзаведись потомством.

— Уже обещано, — Архимед презрительно усмехнулся, — не я, тиран Гиерон изрек: «Архимед сказал — достоверно для всех».

АКСИОМЫ ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКИ

Что там ни говорите, а поездка по железной дороге имеет свою прелесть. Лайнер рационален. Он пускает в свое алюминиевое брюхо пассажира, чтобы как можно скорее избавиться от него. «900 километров в час», — бесстрастно объявляет лощеная, отлакированная стюардесса. В руках ее сияет художественный поднос, в фужерах пузырится ледяной кипяток — нарзан. От вибрации нарзаннный разлив подернут мелкой рябью, а хрустальные глубины чуть не звенят. Но ваши мысли еще далеки от нарзана, от Баку или

Ашхабада, куда держит путь стальная птица. Они еще дома, мысли часовой продолжительности. Вдруг — толчок, просьба покинуть помещение, ставьте хронометры на ашхабадский лад. Приехали!

В транзитных поездах не поят модной шипучкой. Исконный чай, минералов в нем нет. В виде накипи остались минералы на днищах титанов. Кителек развернут, козырек набекрень — несет звонкие стаканы бывалый проводник. Нос картошкой, брови давно уж моль съела — да свой парень, одной с нами гордости.

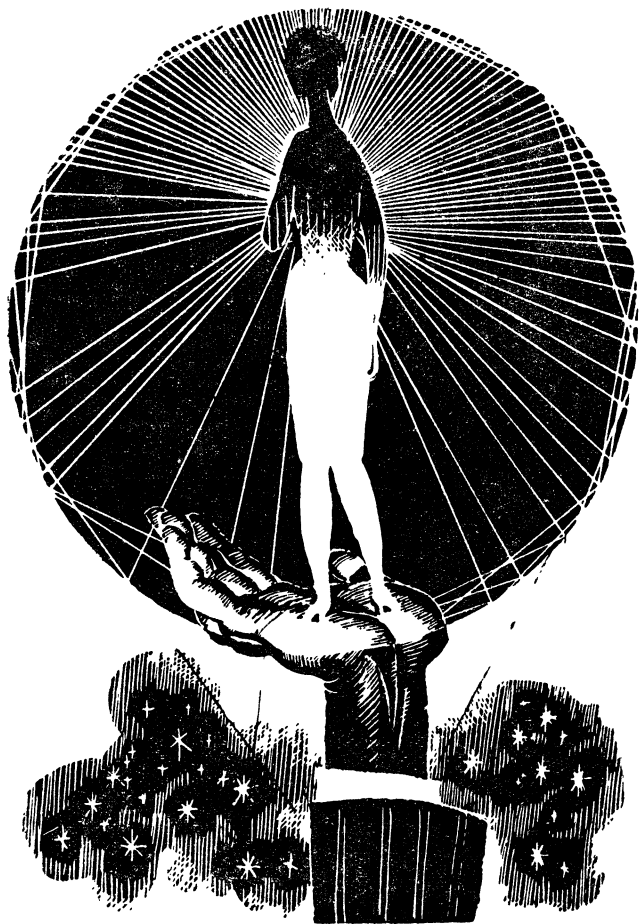
В купе фиолетовый полумрак. Чай уже выпиты, мерно беседуют пассажиры. Уж тут услышишь! Вот, например, как повезло мне в этом отношении однажды.

Пассажир на верхней правой полке оказался энтузиастом Тунгусской катастрофы. Он живал в самом эпицентре взрыва, исходил его вдоль и поперек и вернулся оттуда убежденным сторонником марсианской гипотезы. Из нагрудного кармана, оттуда, где другие держат портреты жен, он доставал фото вздыбленных тунгусских коряг, удручающие пейзажи непроходимых болот, крупные планы печальных пеньков.

Обладатель нижней полки, войдешь — налево, считался крупным специалистом в кибернетике. Он выложил расчуднейшую историю о том, как с помощью электронной машины посрамили любимого всем Востоком старика прорицателя. От огорчения старец позабыл чуваки и ушел босиком. А музейная та пара обуви хранится ныне по столичной прописке, в бетонном жилище вычислителя. Это была очень веселая история, и мы хохотали от души.

— Поверьте, — отирая слезы смеха, говорил кибернетик, — ныне все чудеса рождаются на острие пера. Предвидим любой результат!

При этих словах третий спутник окинул вычислителя быстрым оценивающим взглядом. Он был молчалив, третий спутник, человек с левой верхней. Строитель магистральных мос-

тов, человек земных, фундаментальных происшествий, он мчал в фиолетовом купейном полумраке к новой стройке, к могучим балкам, к проранам. Он слушал истории серьезно, будто бы с тайным неодобрением, будто бы взвешивая «за» и «против», изредка награждая спутников скупыми взглядами.

Похоже было, что он так и просекретничает до станции назначения. Но когда кибернетик смолк и все как по общему знаку щелкнули портсигарами, он оттолкнулся от стенки, и сильный его корпус в белой пижаме простынно засветил в межполочном пространстве.

— И я вот так думал, — тихо сказал он, — на острие да на острие. Иной фантастике хода нет. Н-да...

— Ну, ну, — подбодрил любитель таежных катастроф, но инженер и не заметил его. Он уже целиком погрузился в воспоминания того прекрасного и необъяснимого дня, о котором и поведал далее. В тот день, если верить инженеру, а не верить ему нет никаких оснований, решалась судьба его кандидатской диссертации. В тот день по неизвестным и тайным причинам он потерял контроль над собой и будто бы повернул земной шар вокруг оси, что и решило судьбу его диссертации.

...Инженеру Петрову весна встала поперек горла. Она будила все то, что надежно спало зимой. Всякие там разные разности. Это не могло кончиться хорошим. Это мешало работе. Главному.

Вечером инженер сделал первый опасный шаг. Инженер вышел на улицу. Он с любопытством огляделся. Да, зима кончилась. Непроизвольно Петров втянул в себя большую порцию свежего воздуха — ведро крепкого настоя земли и листьев, — тут же по всему телу пошли какие-то токи, какие-то неучтенные биотоки, и инженер сразу потерял контроль над собой. Предмет его гордости, железный само-

контроль, который за целую зиму не дал и часа истратить на то, на что остальные, как известно, легко тратят половину своего времени.

Петров понял, нет, почувствовал, вегетативно, кожей, корнями волос: еще одна такая затяжка — и стройное здание формул и расчетов, возведенное в зимний период, останется без жильца. И ах — не достроенное до конца, может рассыпаться, как сыплется карточный домик, когда на мгновение отворачиваешься от него. А ведь всего-то и осталось — разделиться с последним пунктом...

Последний пункт! Он никак не давался. Инженер знал — путь решения правильный, месяцы последнего высокого напряжения — и тогда отдых! Балки, прораны, гудящая сталь мостов — они взывали, они требовали разрешения своей дальнейшей судьбы. Нет, никак нельзя было терять самоконтроль. И если бы он уже не был утерян, инженер отправился бы домой и к началу бархатного сезона строчил последнее уравнение расчета. Этого требовал долг, этого ожидали коллеги, на этом, наконец, настаивали профессора.

Но легкие его наполнились свежестью, в висках стучало, не было привычной твердости и в коленях. Он по-прежнему стоял на том же углу, совсем рядом со своим подъездом. Поток прохожих разбивался о него, как волны разбиваются о нос корабля, и смыкался позади небольшими водоворотами. Его толкали — он не замечал. Кто-то наступил ему на ногу — он машинально извинился. Шли минуты последней концентрации мысли.

Собрав волю в кулак, вырубив внешние впечатления, Петров потребовал от мозга четкой оценки ситуации. Он ждал — секунду, десять секунд, он переминался с ноги на ногу, а там, в клубнях нейронов, в соцветиях корковых извилин потрескивали сигналы, искрили точки и запятые, клубились глаголы, подлежащие и прилагательные. Петров ждал.

«Ни сегодня, ни завтра ты не сядешь за письменный

стол, — отчеканил, наконец, его внутренний голос, — это бесполезно. Позволь себе какую-нибудь маленькую глупость. Так нужно. Начинай немедленно: скорее все кончится...»

Теперь, когда ощущения и чувства подкрепились логической направленностью, инженер стал увереннее: он верил своему мозгу. Последняя вспышка мышления оправдывала и нелепый, несвоевременный выход на улицу — первую из маленьких глупостей, отпущенных внутренним голосом, — и те, что еще предстояло совершить.

Ему уже незачем было возвращаться домой, однако беглый пересчет первой же сотни прохожих показал, что в пальто лишь два процента из них. На плечах инженера тоже красовалось пальто — деми с рыжим воротником и пристежной ватной подкладкой. («Отличная штука, ребята, — говорил он друзьям, — летом плащ, зимой — доха!») И когда приговоренное к повешенью пальто осталось дома, инженер резким баскетбольным ходом ввел свое тело в общий поток сограждан.

Прямая, соединяющая его подъезд с ближайшей парикмахерской, окончилась креслом, за которым стоял давно не бритый и не стриженный человек с лезвием в руках.

— Сапожник без сапог, — дружелюбно сказал Петров, и человек волшебным образом махнул лезвием.

Как только парикмахер смазал последний порез на подбородке клиента, инженер бросил взгляд в зеркало. Он с удовлетворением отметил, что опавшая щетина скрывала приятно-розовую кожу щек и литой подбородок боксера. Он почти забыл, как это выглядит в естественном виде.

Теперь молочное сияние щек гармонировало с мягким излучением рубашки, свежей, как обратная сторона чертежа, со стремительной складкой брюк, одетых, кажется, впервые, и черным блеском туфель, отражавшим безнадежные взгляды уличных сапожников.

И вместе с тем он не чувствовал себя манекеном, вы-

шедшим прогуляться из витрин магазина. Выютуженные доспехи горожанина не сковывали его движения. Губы его то и дело раздвигались легкой улыбкой, шаг был в меру нетверд, а взгляд добр, как у трамвайного кондуктора, едущего в пустом вагоне.

Восприятия инженера обострились. Он слышал, как устрично пищат разворачивающиеся листочки тротуарных тополей, и в моторном уличном громоухании явственно выделялся тонкий шелест лунного света, и ноги, казалось, ловили неощутимую кривизну земного шара. Состояние инженера обрело некую глобальность, его грудь упруго раздвигала податливую сеть меридианов, и токи широт мягко овивали плечи. И оттуда, из этих токов, из недр полярного магнетизма прихлынула к мышцам титаническая сила, и следовало теперь ею как-то распорядиться, на что-то истратить. Как, на что? Этого инженер еще не знал.

Бульвар, один из тех бульваров, где и в яркий полдень под густой листвой хранится фотолабораторный мрак, а по ночам пылают неоновые солнца, хоть делай моментальные фотографии, бульвар этот еще кишел играющими детьми. Один из них не принимал участия в финале коллективного детского буйства. Совсем молчаливый малыш, сосредоточенный, серьезный, подбрасывал высоко вверх небольшой булыжник и наблюдал за его падением. Возможно, он что-то обобщал, формулировал, подбирался к каким-то физическим законам, а может, и просто наслаждался зрелищем свободного падения. Но только немногие решались пройти в непосредственной близости от малыша. Разумеется, в их число попал и наш герой. Сегодня он легко относился к опасности, сегодня он зевал бы в падающем, чадящем самолете.

И тут взгляд инженера упал на девушку, она шла прямо навстречу Петрову. Она возникла из аллеи, как мгновенное порождение и этого бульвара, и всего весеннего ансамбля городских сумерков, и глобального всепроникновения само-

го Петрова. Девушка была самой замечательной из тех, кого он заметил сегодня, вчера и $p + 1$ дней в обратную сторону. Инженер замер.

Но булыжник, посланный детской рукой, уже взвился в небо, уже готов был рухнуть в свободном падении строго вниз, по перпендикуляру, а пока замер в точке апогея — прямо над девушкой, внезапно возникшей из аллея.

Инженер понял: сигналить об опасности поздно. Требовалось что-то другое, немедленное, кардинальное. Напомним: мышцы инженера ломились от скопившейся в атмосфере энергии. Он мгновенно нагнулся, плотно уперся в землю ладонями и мощно нажал... Факт остается фактом. Земной шар слабо качнулся, булыжник просвистел мимо незнакомки, и только воздушная волна легко прошла по ее прическе и щекам.

Засмеявшись, инженер отряхнул пыль с пиджака, подошел к девушке и тут же открыл ей все. И как подвинул Землю, и как брился в парикмахерской, и про $p + 1$. Чем можно было подтвердить эту неправдоподобную историю? Ничем. Разве только пойти в парикмахерскую, показать сбритую бороду? К счастью, человеческие отношения, как и математические построения, основаны на аксиомах, принятых на веру. Она, должно быть, умела верить. А может быть, и раньше считала, что несбыкновенные вещи, случившиеся с инженером, вполне возможны...

А инженер Петров и не пытался что-либо доказывать. Он вел себя как уличный репродуктор. Он говорил, напевал, и остановить его было невозможно.

А она? Нет, ничего. Ей нравилось идти рядом с человеком, который может подвинуть земной шар в ту или иную сторону.

— Скажите, — вдруг сказала она, останавливаясь и строго глядя прямо в глаза Петрову, — а можете вы еще раз качнуть? Ну, как там, на бульваре.

— Могу, — твердо ответил инженер Петров.

...Несколько позднее полуночи инженер оказался у себя дома. Он включил свет, сел за стол. Сколько глупостей за один вечер! Безрассудно он вел себя, безрассудно. Особенно в тот момент, когда в один присест двинул материки и океаны так, что из-за ночного невидного горизонта уж было начал ползти тропический Южный Крест. Ах, как захотелось ему тогда, чтобы над средненькими нашими широтами навсегда укрепился экзотический этот Крест!

Горы чутко спят,

Южный Крест залез на небо, —

еще в детстве он горланил эту песню с друзьями, и образ чужого созвездия неизменно нес прилив смутного энтузиазма. Но она-то? Нет, ей только краешком глаза хотелось взглянуть на кустистые, могучие созвездия другого неба. На один миг. Пришлось инженеру гнать небо в прежние оси координат.

Он пересчитал то, о чем принято говорить, что не в них счастье. А в них ли, в самом-то деле? Лишь бы астрономы ничего не заметили!

Перо авторучки снова побежало по бумаге, считая количество невероятностей сегодняшнего вечера. На острие пера сидят невероятности! Чего только нет на острие! Квартирант книжного замка почувствовал себя дома. Из авторучки вытекло какое-то уравнение, потом второе, а за ним уж потекли и другие.

...Забрезжило утро, и первые солнечные лучи упали в открытые окна спящих домов. Петров вздрогнул, выключил свет, подошел к окну. Провода троллейбусной линии уже расцвели драеным медным свечением, вздрагивали на легком своем весу. Должно быть, какой-нибудь троллейбус уже набрался первыми порциями тока, выполз на городские окраины. От пустынных, вымытых асфальтов несло синевой, как со щек небритого брюнета. Он погладил подбородок,

ворс молодой пробивающейся щетинки, царапнул ладонь. Инженер Петров шагнул к столу, взгляд его застыл на последнем уравнении.

На том, которое Петров искал весь год...

...Купе уже затянуло волокном хлопчатобумажного облака табачного чада. Во мраке углов разгорались и тухли каленые огни сигарет.

— Что же, защитили диссертацию? — прочищая горло, нарушил тишину вычислитель, доктор наук.

— Защитил, — скромно подтвердил строитель.

— Так, — односложно констатировал доктор.

— Все же большой науке ваш случай много не дал, — веско начал любитель катастроф, — наука сильна повторяющимися эффектами, в них верит, на них зиждется. Вот, например, Тунгусское диво...

— А что, повторялась разве Тунгусская катастрофа? — с неожиданной горячностью возразил строитель.

— Нет, — смущенно сознался человек с правой верхней, — не было повторения. Оттого и бьемся над загадкой.

Последнее он произнес как-то обмякнув и сразу затих.

— Ну, а девушка? — осторожно спросил я. — Она-то что же?

На полках заворочались.

— Да вот, письмо получил, — выдержав паузу, ответил инженер. Показалось мне, или в самом деле голос его дрогнул? — И фотографию прислала. Веселая такая, смеется. Утром, как встанем, покажу...

Он отдернул занавеску, в углу окна обнаружилась крупная полуночная звезда. Она блуждала в оконном углу, искала места. Это раскачивало вагон, раскачивало и несло, несло, вперед от бетонных жилищ, от тугой струны Гринвичского меридиана, в бок от таежных эпицентров, к водоносным пропранам, к новым остриям пера, к манованиям волшебной палочки.

„СЕРВИС МАКСИМУМ“ — ТАКАЯ ПРОГРАММА

Он выхватил ее, можно сказать, из объятий спруторобота. Еще мгновение — присоски спрута сработали бы, как всегда. Намертво. Но он все-таки выхватил ее и впоследствии долго жалел об этом.

Спруторобот, конечно, ни в чем виноват не был. Глупый спрут! Его послали, врубили код, задали порядок вакуума под присосками — выполняй! Теперь вот лежит, блок к блоку, на мешковине.

Да, он отдал команду поломать спрута. Распаять и пустить на комплекты детских конструкторов. Этого требовала инструкция: «...нападение на мужчину... карается... нападение на женщину... карается...»

Теперь он нес ее на руках, подальше от догорающей схватки.

— Где я? — спросила она, когда все уже давно кончилось, а он сидел на пеньке и потягивал сигаретку «Контакт».

— Да там же, — ответил он односложно и мрачно, — у кофейни «Три кванта».

Она привсталала и осмотрелась. Потом бросила взгляд и на него. Нет, он внушал только расположение. Спокойные глаза, прямой взгляд, сигарета не дрожит в пальцах.

— А где спрут? — спросила она так, будто все было в сновидении, и только.

— Разобрали спрута, — он устало махнул рукой, — на части разобрали. Не о чем беспокоиться.

Она сидела на траве как ни в чем не бывало.

— А я не беспокоюсь...

Похоже было, что она и в самом деле ни о чем не беспокоится. Будто только что не лежала без чувств на его руках.

— А о чем вам беспокоиться? — сказал он грубовато, будто она и в самом деле не лежала на его руках.

— Ну уж только не о роботах. Я же человек, — она уже стояла на ногах и стряхивала с платья прилипшие былинки.

— А если робот послан человеком? Вот как этот спрут, — теперь в его взгляде заплясала насмешливость, он знал, что заставит ее поволноваться.

— А его послал человек? — Она широко открыла глаза, и волосы ее, уже было собранные в пучок, снова рассыпались по плечам.

Он промолчал.

— Кто этот человек? — нетерпеливо переспросила она, и он отметил про себя, как быстро остатки страха вытеснились из души ее обычным любопытством. Тогда он почувствовал, что презирует ее и неизвестно почему испытывает к ней что-то вроде вражды.

— Аяуб Жареный Петух послал, — сказал он, чтобы кончить этот разговор, — тот самый, что прошлым летом плясал на потолке гаража. Тогда он и заприметил вас, с потолка. Он приглашал вас сплясать один кувырт, но вы еще не умели ходить вверх ногами.

— А-а... — откликнулась она с неожиданным безразличием и снова принялась за прическу.

И он понял, что не кончил этого разговора, а она его не начинала.

— А что, — сказала она, пронзая последней шпилькой воздушные глубины прически, — неплохая мысль. Несколько кувыртов на потолке. А? Вы умеете? — И она внимательно посмотрела на него, так, будто только теперь и увидела.

Он хотел ответить, что и не подавал такой мысли, что в принципе не мог подать такой мысли, но вдруг внутри него протяжно запела какая-то струна, что-то щелкнуло, и его тяжелые ботинки сами собой дробно ударили по шлифованному срезу пенька.

— Контакт! — рывкнул он и, не веря себе, подмигнул ей.

— Есть контакт! — просияла она и снова бросила на него взгляд.

Он нравился ей все больше и больше. Она вдруг вспомнила, как спокойно вошел он в самую гущу свалки, когда искровые разряды валили с ног одного за другим, вспомнила, как увидела во второй раз — прямая спина, легкие плечи, трепещущие колечки дыма... А теперь эта неожиданная, отработанная чечетка.

— Вы не подумайте, я уже научилась, — неуверенно заявила она.

А он только улыбнулся. И, уже ни о чем не говоря, они отправились туда, где в вечерней синеве мигали едва видные из-за деревьев огоньки, где, наверное, уже кончили вощить паркетные потолки и кабриолеты один за другим как вкопанные замирали у ворот.

* * *

— Вся надежда на этот образец, — сказал Конструктор.

→ А что, он лучше других? — возразила жена Конструктора. — «Честняга-2», тот тоже был лучше других. До поры до времени.

— Ах, ты ничего не понимаешь, — слегка закипая, ответил Конструктор. — «Честняга» оказался слишком рефлексивным. Ему везде чудилась неправда. И сразу кулаки в ход.

— Вот, вот, — перебила жена, — а что придумает этот? (Через каждые тридцать секунд пресс выбрасывал отглаженную штучку белья, она складывала его в стопку. Разговор как нельзя кстати скрашивал монотонную работу.)

— «Честняга» вышел из биокамеры идеальным парнем, — стараясь быть невозмутимым, продолжил Конструктор, — по крайней мере идеально честным. Все ставилось именно на это главное качество. Мы полагали, что гипертрофированная честность уберет его от крайних поступков. Мы полагали, что, впустив его в человеческое общество...

— Вы полагали, — подлила масла в огонь жена (пресс выбросил шипящую, в клубах пара сорочку, и тридцать секунд было у нее в резерве), — а вот не могли предположить, что он сломает челюсть этому чемпиону, как его... У которого челюсть на вес золота.

— Но предыдущие модели прекрасно ведь ужились, — убеждал Конструктор. — «Работяга», «Стоматолог», «Советчик» — они и сейчас нарасхват. Конечно, им далеко до человека, их комплексы...

— Да в том-то и прелесть! — не выдержала жена. — Сразу видишь, с кем имеешь дело. А ведь «Честняга» — с ним говорили на «вы». Режиссеры приглашали на съемки. А ведь и этого ты создал не монстром, верно?

— Да, он ничего себе, — смущенно пробормотал Конструктор, вспоминая, что и правда, «Честняге» навязывали какие-то ангажементы. — Но здесь все будет иначе. Ему мы придали возможность кибернетических машин. Считает, как бог. Каждый поступок рассчитывается наперед. На пять, десять и даже двадцать минут. Ситуационное предвидение! Понимаешь, математическая шишка всего на пять миллиметров выше нормы, но мы туда столько закачали...

— Что же, видна шишка? — Жена, наконец, заинтересовалась разговором.

— Нет, не видна! — радостно, будто в этом и было самое главное, воскликнул Конструктор. — Копна волос у него, ух! А в шахматах силен. Дебют, миттельшпиль. Шах и мат! С эндшпилем не знаком, сдаются посреди партии.

— Ну вот, — омрачилась жена Конструктора, — «Честняга» не поладил с боксером, теперь жди неприятностей с гроссмейстером.

— Да в том-то и дело! — вскричал Конструктор, довольный, что разбудил, наконец, подлинный интерес к делу. — Гарантировано! Заблокировали парня по всем каналам. Цвет и музыка индексируют состояние.

Жена Конструктора, пораженная горячностью мужа, стояла, позабыв о прессе, и автомат выбрасывал горячие порции белья.

— Понимаешь, — Конструктор перешел на темпера-

ментный полусшепот, — это наш секрет. Он омузыкален. Что не так — сразу музыка. Барабан, флейта, гобои — какофония! Едва слышно, но любой лаборант уловит. Кроме того, он меняется в цвете.

— Краснеет, что ли? — опередила жена. Она, не мигая, смотрела на мужа, окончательно позабыв обо всем на свете.

— Да, краснеет, — утвердительно кивнул Конструктор, — краснеет, значит соврал. Дурно стало — зеленеет. Ярость закипает в груди — заливают белым.

— Прямо оперный герой, — засмеялась жена. — Да ведь кто не краснеет?

— Позволь, позволь, — запротестовал Конструктор, — любому из нас эмоции подвластны. У него же все на виду. К тому же он непорочен, как дельфин.

— Ах, дельфины, дельфины! — Жена опять была готова расхохотаться.

— А что, а что? — зачастил Конструктор. — Помнишь, я отлавливал дельфина. Психика нового образца смоделирована по аналогу с дельфиньей.

— Кажется, тебя вызывают, — перебила жена.

Они замерли прислушиваясь. Из соседней комнаты полз, стелился по полу монотонный шепот прибора: «...вызывают к аппарату Конструктора... вызывают к аппарату...»

— Слушаю вас, — бодро отозвался Конструктор, подходя к аппарату. — Что? Пляшет на потолке? В меру розовый? С девушкой пляшет? Молодчина! Не поняли? Говорю, мо-лод-чи-на! А? Нет, нет, партия шахмат не повредит...

Все идет как по маслу, — потирая руки, сказал Конструктор жене. — Спас девушку от спрута, танцует с ней в «Трех квантах», цвет лица идеальный.

— Слушай, — жену будто осенило, — познакомь-ка меня с ним. Несколько лучших кувыртов не повредят ведь твоему эксперименту.

— Добрый вечер, дружище! — Кто-то протолкался к ним через весь зал. — Партию шахмат! Сегодня дебют «Броуновское движение».

— «Броуновское» описывается уравнениями газовой динамики, — он улыбнулся подошедшему, как гроссмейстер улыбается разряднику, интеллигентно, чуть винаясь за свое гроссмейстерство. — Смотрите, позиция распределена, казалось бы, хаотично. Однако давление равномерно во всех линиях и диагоналях. Но вот двадцать шестой ход... — он раскрыл блокнот и мгновенно начертил ситуацию хода. — Слон, зеркально отражаясь от пешек, набирает критический запас скорости. Теперь рокировка бессмысленна. Понимаете меня?

— Тогда, может быть, квадрупольную разовьем? Где роторный момент ферзя... — начал было подошедший, не отрывая взгляда от записной книжки.

— Квадрупольную играю с отдачей ферзя. Так что его вращательный момент сразу сводится к нулю, — он на секунду замялся, как бы в смущении, — но понимаете, дело даже не в нуле. Сегодня мне вообще не хочется играть. — Он нажал на слово «вообще».

И он решительно пожал руку ошеломленного любителя, бесповоротно прощаясь с шахматными коллизиями вечера.

Они вышли на улицу. Теплая мгла осела вокруг блистающего стеклами домика с вощеными потолками. Из невидимых в темноте кабриолетов смутно ворчали и таякали дремлющие псы. Влажные ветерки тревожили их обоняние, и тогда то один, то другой зверь по-щенячьи взвизгивал и сразу замирал. Вверху, на самых купольных высотах вздрагивали крупные мохнатые звезды. Там, среди мигающих звезд, неслись метеориты, расчерчивая вязкую, как болото, тьму на зыбкие квадраты и параллелограммы.

— Знаешь, — сказала она, — мне кажется, что я знаю тебя очень, очень давно...

— А мне — что не знаю тебя совсем, — он посомневался, — но тоже... очень давно.

— А вот бывает у тебя так? — гаинственно спросила она и оглянулась кругом, точно в этой мгле можно было что-нибудь разобрать. — Бывает так, будто все это уже было? Все в точности.

— Нет, не бывает, — он вздохнул. — Так уж я устроен. Никакого прошлого. Начисто.

— А сны, тебе снятся сны?

— Ага, иногда я вижу очень интересную вещь.

Они незаметно подошли к широкому, как театральный занавес, дереву. Где-то вверху среди листьев вполсилы работали струи воздуха, и невидимая мощная крона то набиралась воздуха, то отдавала его, вздыхая.

— Мне чудится, будто кругом безграничная водная гладь. И я мчусь, режу водный простор, вылетаю в воздух, и в брызгах вспыхивает радуга. И рядом мчатся ловкие, веретенообразные существа. А впереди розовые острова. И мы мчимся, мчимся, обгоняя друг друга...

— Это дельфины, дельфины! — закричала она в восторге. — Я была у океана, я каталась на дельфине. В детстве. А ты катался в детстве на дельфине?

— Ах, мое детство, — засмеялся он, — знала бы ты о нем. Мои няньки — почтеннейшие на планете профессора.

— Сложное детство? — Ей захотелось сочувствовать, разделить тайные тяготы этого немного странного человека. — Муштра, режим. Тебя готовили в великие шахматисты.

— Да нет, — отозвался он из темноты, — никакой муштры. Вообще никакого детства.

— Говорят, раньше, в давние времена, у людей не было настоящего детства. Такого, как сейчас, — она подошла

к дереву, и тоже прижалась плечом к мягкому, как надувная лодка, стволу. Теперь они стояли лицом друг к другу. — Я видела, как было раньше. В будке глубинной памяти. Часа два я видела то, что было вокруг моей какой-то прабабки. Ее глазами. Только электроды мешали. Холодные, прямо на лоб кладут.

— А роботов туда пускают, в эту будку? — осторожно спросил он.

— Роботов? Это мысль! Представляешь, на экране мир глазами автоматического снегоочистителя. Ой-ой-ой, — она затряслась от беззвучного смеха, и по упругой коре пошли мягкие толчки. — А знаешь, — смех ее внезапно оборвался, а в голосе опять возникли таинственные, родственные нотки, — пошли в будку. Хочу увидеть твоих стариков. Например, как твой дед познакомился с твоей бабушкой. А?

— Нет, нет, — спешно отозвался он, — понимаешь... Я не в ладах с родителями, бабушками и так далее.

— И так до самого Адама? — коварным голосом спросила она. — Ну и что, не в ладах. Ты же ничего не боишься. Сейчас только и говорят, как ты подошел к спруту.

— Да нет, это не смелость. Очень точный расчет. За несколько мгновений я рассчитал стычку в деталях. Никакого риска.

— А рисковать ты умеешь?

(Он понял, что ему придется чем-то рисковать, и немедленно.)

— Ну! Ведь каждый имеет право на риск.

Она положила руку на его плечо. И он опять услышал, как внутри него что-то щелкнуло и струнно запело.

— Давай вот прямо сейчас пойдем на стартовую площадку, через час будем у океана.

Она не снимала руки с его плеча. Он слышал уже не одну, а несколько струн и будто бы саксофон или гобой вздохнул несколько раз где-то под ребрами.

— Музыка, — обрадовалась она, — я слышу музыку. Откуда это?

— Что риск? Событие! Каждый должен иметь право на событие, — сказал он, и к гобою прибавилась труба, и невидимый дирижер взмахнул палочками, сплетая звуки.

— Мы возьмем там большую лодку, возьмем паруса, а ветер там всегда есть. — Она обсуждала новую идею с подлинным энтузиазмом. — Паруса будут ставить роботы. Прихватим с собой парочку. Лучше всего — типа «Сервис Минимум». — Она уже говорила деловыми интонациями хозяйки семейства, въезжающего в необжитую квартиру. («Кофеварки — на кухню! Холодильник — в прихожую! Стиральную машину — в чулан! Роботов — тоже в чулан!»)

— «Сервис Минимум»? — медленно произнес он.

Она увидела, как заплясал огонек его сигареты. (Дирижер споткнулся, и трубы, скрипки, барабаны на последней ноте набежали друг на друга.)

— Да, «Сервис». А не пригодятся, оставим на берегу. Сдадим в хранение.

— Я не могу лететь, — сказал он хрипло. — Сейчас я вспомнил, кто я такой...

— А кто ты такой? — запинаясь, медленно спросила она.

— Я последняя надежда лаборатории. Без меня не обойдутся.

— Но мы же вернемся. Их надежды оправдаются, — стараясь быть уверенной, сказала она. — А потом, как так — незаменимый? Незаменимых людей нет.

— Людей — нет, — он глотнул воздух, — но я незаменим. Я робот. По программе «Сервис Максимум»...

* * *

— Он улетел, — сказал Конструктор, падая в кресло, как есть, в комбинезоне, — стартовал на иные орбиты. Накал оказался выше его сил.

— Я же говорила... — начала было жена Конструктора.

— Ты говорила, что он повздорит с гроссмейстером, — жестко отрубил Конструктор.

— Но я имела в виду, что неприятности будут у тебя, — теряясь, пролепетала жена.

— Он пролетел над самой лабораторией, — не замечая ее слов, продолжал Конструктор. — «Почему он передает музыку?» — спросил меня начгруппы запчастей. «А ты уверен, что это только музыка?» — сказал я ему. Светоиндикаторы состояния пилота вели передачу его настроения в световом диапазоне волн. Это было потрясюще! Светосимфония загипнотизировала нас.

— А остановить не пытались?

— Я послал лаборантов на место старта. Опоздали... Только записку нашли. Вырезал на камне газовым резакom.

— Объяснение? — жена Конструктора замерла в своем кресле. Все-таки в экспериментах ее мужа было что-то понастоящему интригующее.

— Отчасти, пожалуй, и объяснение, — Конструктор повертел в воздухе пальцами, будто ввернул в пространство невидимый болт. — А с другой стороны — наказ. Во всяком случае, в следующих конструкциях мы учтем эту мысль.

— Поправка в формулах биомоделирования? — понимающе вставила жена.

— Каждый имеет право на событие, вот что написано там, — Конструктор встал с кресла. — В его бегстве виновата эта девушка. Они вроде очень уж понравились друг другу. А потом он возьми да и шарахни всю правду! Представляешь, каково ему сейчас.

— Бедняжка, — сказала жена Конструктора, думая о чем-то своем. — Я понимаю ее. Все бы она сейчас отдала, чтобы тоже родиться у вас. Под крышей лаборатории...

ВЛОЖЕНО ПРИ РОЖДЕНИИ

— Ходит он, ходит, — озабоченно заключил майор и откинулся от крупной карты города, — среди нас ходит.

Остальные не разогнули натруженных поясиц. Расплассанные над картой города, они будто парили над ним на невидимых крыльях. Точно пронзительные взгляды их могли среди мешанины коммунальных домов, бань, кинотеатров, универмагов разом выхватить того, о ком шла речь, виновника.

— Ходит, ходит, — снова прошелестело над городскими застройками, отлакированными картографическими лаками.

— Брать надо, — торжественно, как бы открывая заветнейшее желание, выложил лейтенант.

— Легко сказать, брать! — Майор значительным взглядом окинул присутствующих. — Где?!

— Слышал я, — грудным голосом любителя многоголосого пения произнес сержант, обязательный слушатель заезжих лекторов, — слышал я, люди далекого прошлого уважают восточные сладости. На восточном базаре брать надо...

Голос сержанта звенел, как муха в стакане. И все снова склонились над картой, кто с циркулем, а кто и с простой древесной линейкой, высматривая положение базара дынь, хурмы, халвы азиатской.

* * *

Завязка приключенческой истории этой, взволновавшей должностные и прочие умы города, началась на операционном столе местной больницы.

Молодой, но твердо уверенный в себе хирург больницы этой брал скальпелем мышцы пациента энергично и даже привычно-весело. А волокна шли одно к одному. Без грамма жира.

— Пресс культуриста! — хвалил хирург, стремительно проникая в податливые полости брюшины. — А печенка! — От восхищения руки врача остановились, и на секунду работа прервалась. — Убей меня бог, если это не та самая абсолютно нормальная печенка, математическая модель которой создана Мак-Петровым. Без малейших отклонений. Которую ищут все клиницисты.

— Ну уж, та самая... — Теперь и ассистент склонился над больным, цепко вглядываясь в его внутренности.

— Да, действительно напоминает... — Ассистент выпря-

мился и быстро оглянулся по сторонам, считая свидетелей разговора.

Взгляды хирурга и ассистента тревожно встретились и снова разбежались по внутренностям больного.

Возможно, будь рассказ этот навеян иностранными мотивами, сюжет его увлекательно повернул бы к похищению абсолютно нормальной печенки, перепродаже из рук в руки и большому бизнесу, ажиотажу вокруг феномена. А в эпиплоге, подчиняясь законам жанра, юный и, положим, безработный студент, которому во время операции всадили чужую печенку, ходил бы на последние центы в Федеральный Музей Медицины обозревать абсолютную печень, стоящую теперь миллионы, не подозревая, что печень-то его, кровная.

Но поскольку истинные события никоим образом не были связаны с местами, где все продается и все покупается, а, наоборот, протекали в местах обыкновенных, отдаленных от соблазнительных, а потому сомнительных коллизий супергородов-спрутов, дышащих ежесекундной возможностью внезапного возвеличения, то и сюжет наш не промчится по разным авеню и стритам и не вольется в то медленные, то бешеные потоки «шевроле», за рулем которых мэтры науки чеканного профиля и сатанеющие от близкой сверхприбыли деятели бросают из угла в угол рта многодолларовые сигары.

Трепет и даже некая опаска, заставившие ассистента обернуться по сторонам, возникли по причинам иным. Сенсация или даже намек на нее редко посещали скромную больницу: точнее, не посещали никогда. Прожекторные световые столбы, излучаемые светилами медицинской практики, смыкались где-то высоко над крышей двухэтажной больницы. Там, в жгучем переплетении лучей, как пойманные метеориты, блистали уникальные диагнозы и исцеления, по-метеоритному сгорали величайшие из неизлечимо боль-

ных, и только легкая как тень пыль этого пожара бесшумно оседала на больничную крышу.

И вдруг — такое! Абсолютная нормаль!

И, однако, операция прервалась лишь на несколько мгновений.

— Сенсация?!

— Да, сенсация.

— Первая и последняя?!

— Может, и последняя.

— Заметано!

И все опять пошло как по маслу.

Уж такая работа у хирурга — нельзя удивляться. Удивись, ахнешь, а уж какой-нибудь нерв в клочьях. Вот отчего хирурга тотчас отличишь по железному рукопожатию и особой, жесткой безоговорочности в суждениях. Отступать некуда, только вперед! Потому и в народе идет об этих людях твердая слава.

Молодой больной отдал свое здоровье в надежные руки. Хирурги словно позабыли о чудесной находке и вершили начатое с удвоенной легкостью, что в любом филигранном деле свидетельствует о повышении самоотдачи до уровня полной самоотдачи. Скальпель блистал в бестеневом свете медицинских ламп, как сталь коньков фигуриста, экспромтом срывающего звание восходящей звезды.

Казалось, дай еще незначительное прибавление темпов, и в ушах запоет серебристый звон вибрирующего на перегрузках скальпеля. И действительно, что-то вдруг звякнуло, а точнее, скрипнуло, будто сталь прошлась по стеклу. Бывает такой ничтожно слабый, но прохватывающий все нутро звук.

Но настоящий мороз по коже прошел через секунду или через несколько секунд, точной цифры тут не установишь. А именно тогда, когда скальпель вдруг остановил

стремительное проникновение, упершись во что-то предельно твердое.

Не спасовали люди и здесь. Скальпель автоматически перешел в пружинные руки медсестры, а во взрезанную мякоть погрузились пальцы хирурга, обтянутые резиной перчатки. Но тут же резким движением изъяс он руку из недр больного, и на свету затрепыхало это нечто ставшее на пути скальпеля — прямоугольная, трепещущая, как пойманная рыба, но плотная на ощупь пластинка, испещренная четкими письменами. Она колыхнулась несколько раз, озаряясь молочно-розовыми, идущими из средних слоев тонами, и... напроць окаменела.

Впоследствии и оперирующий и ассистент во всех инстанциях единогласно заявляли, что пластинка трепетала как живая. Эксперты только головами качали.

— Чисто нервное, эффект психической перегрузки, — говорили эксперты прочности. — Машины, разрывающие материалы, сломались, пластинка же осталась цела. Камень!

Трудно, конечно, противостоять убедительности актов. Документация! Но хирург точно помнил, как трепетала в руках вынутая пластина. Рыбье биение ее он ощутил не только зрением и слухом, но и костяком пальцев, утонченной плотью своей, а плоти мы верим больше, чем глазам, ушам, графикам и документам, вместе взятым.

— Поймите, — говорил он экспертам, — твердая пластинка такой конфигурации не может безболезненно вписаться в ансамбль живущих тканей. Она обязана быть эластичной.

— А теория молекулярного строения? — козыряли материаловеды. — Какая, спрашивается, структура способна к подобному перевоплощению? За считанные-то секунды.

— Тем не менее, — чеканил хирург, — человек содержал прямоугольник неопределенно долгое время: на покровах пациента не было ни швов, ни надрезов. Все за-

росло. Пластика не мешала ему. Операция потребовалась из-за обыкновенного внутритравматологического гнойника.

— Больному ничего не мешало? — поддельно оживлялась комиссия. — Так давайте устроим опрос больного!

Такой ход мысли откровенно лишен логики, но очень уж хотелось всем своими глазами взглянуть на чрезвычайную личность.

Разумеется, хирург не сразу рискнул приступить к странному в стенах учреждения, волнующему кровь разговору.

— Прекрасная у вас перистальтика, — вскользь замечал он, будто случайно задерживаясь у заветной койки, — показательное отсутствие вредной микрофлоры...

— Ничуть не удивлен, — хладнокровно соглашался пациент, — первая болезнь за все протекшие времена. (При слове «все» он едва уловимо усмехнулся.)

Перед глазами хирурга прошло много мнимых здоровяков, бравирующих несокрушимостью организма, с показным шиком бросающих взгляды на острия хирургических инструментов — до поры до времени! Но здесь привычные мерки не подходили.

Даже необъятный, вредительски скроенный казенный халат мутных, сивушных расцветок не мог скрыть конструктивной законченности сложения этого человека. Такие тела хирург видел на журнальных фотографиях: эмульсионно лоснясь, они взвивались над планками пятиметровых отметок, пружинно срабатывали в коронных апперкотах, стремительным спуртом вспарывали воздух, гаревых дорожек, оставляя за спиной клубящийся вакуум, подчеркиваемую ретушерами пустоту.

— Ну, а вот ощущение... мм... внутренней угловатости не посещало вас? Да, угловатости. — Досадуя на себя, хирург отметил, что голос его приобрел лстыиво-коварное, насморочное звучание, каким в радиопередачах наделяют кокетничающих лис и министров королевского двора. —

Вот, знаете, забыли однажды внутри оперируемого пинцет. Забыли, понимаете, пинцет, и баста! Стерильно чистый, прокипяченный такой пинцет. Реконвалесцент был удовлетворен исходом операции. Но однажды-таки почуял присутствие излишнего предмета. И пинцет, к общему торжеству, был изъят из тела.

— Пинцет? — Больной разглядывал доктора с неподдельным и все возрастающим удивлением.

Но выйти из образа работающего на намеках детектива хирург уже не мог.

— Да, пинцет. Обратиться к специалистам заставило его вот это, я бы сказал, геометрическое ощущение угловатости. Во сне ему снилось, будто он работает шпагоглотателем и иногда заглатывает шпаги натуральным образом, без обмана.

— Доктор, — меняясь в лице, сказал больной, — вы готовите меня к чему-то ужасному. Уж не зашили ли вы мне чего-нибудь лишнего?!

От этого вопроса лоб доктора собрался морщинами — точно лужица под секундным ударом ветра.

— Нет, нет! — в отчаянии замахал руками хирург. — О пинцете это я так, ассоциативно. Аллегория!

Теперь, казалось, больному вообразил, что над ним просто не очень удачно подшучивают, испытывают грубоватый медицинский фольклор. Он безучастно откинулся на подушки, потеряв видимый интерес и к разговору и к стоящему перед ним врачу.

Тогда доктор решился на крайнюю меру. Он пошел в лоб, во весь рост, как солдат идет против танка, пугаясь собственной решимости, но полный новых надежд.

— Мы вам ничего не вшивали, — страшным шепотом сказал он, и весь груз сказанного улегся на это «мы». — Прodelал это кто-то другой. Давно, в детстве...

Превозмогая сопротивление тугих бинтов, больной при-

встал с кровати. Доктор продолжал рассказывать, пристально вглядываясь в лицо потрясенного собеседника.

— Зачем вы не положили ее обратно? Зачем?! — словно в бреду вырвалось у больного. — Никто не должен был знать. Никто! Даже я. Это послание. Послание, но не для ваших эпох. Вы все равно...

И, разрывая бинты, больной рухнул на подушки.

— Кислород! — повелительно протрубил хирург, в мгновение оказываясь у дверей палаты.

Топот ног шквалом пронесся по больничному коридору.

— Тишина! — рявкнул он в сумрак служебных пространств.

Коридор замер. И в легкие больного хлынули свежие потоки живительного газа.

Ввергнутый ходом событий в ситуацию хирургической действительности, доктор как бы обрел самого себя. И привычный покой профессионально окутал его сердце.

В коротком лихорадочном признании больного доктор уловил хрупкий, как тающая льдина, край тайны, рассеивающегося миража. О каких эпохах проговорился больной? Кому суждено расшифровать текст таблицы? Кто в конце концов зашил ее? И зачем?

— Доктор, — неожиданно произнес больной. Доктор вздрогнул. Он знал: такие голоса принадлежат привыкшим повелевать, превышать полномочия. — Пластинку необходимо вернуть. Извольте вернуть!

Доктор отчетливо осознал — большего из него не выжмешь.

* * *

— Все же последнюю-то фразу прочитали, — оправдываясь, сказал с места специалист по клинописям. При этом он развел руками, показывая, что, мол, сделали все возможное. — Получается однозначно, «ВЛОЖЕНО ПРИ РОЖДЕНИИ».

Импровизированное совещание по итогам всесторонней экспертизы «Пластинки Эпох» (иначе ее теперь не называли) подходило к концу.

— Да, получается, — согласился хирург, — этот вывод напрашивался и из чисто клинических впечатлений. Но вот датировка...

— Датировка убийственна... Классный результат... Точные методы... — раздался голоса с мест.

Все зашевелились вместе со стульями, подтверждая тем значимость этой части экспертизы.

— Одиннадцать тысяч лет, цифра, конечно, ошеломляющая. Можно полагаться на ваши результаты? — спросил хирург, отыскав кого-то глазами.

— Не подлежит сомнению, — веско ответил очкастый физик, представитель лаборатории проб времени. — Вещичка сработана и вложена одиннадцать тысяч лет назад. Подпись потрудились поставить... — он зашелестел листком папиросной бумаги, — два доктора и несколько кандидатов наук. Матричная обработка краевых условий гистерезисно-интроскопийной кривой... Чисто теоретические интересы требуют...

— Ну, поехал, — пробурчал чей-то недовольный голос.

— О времени он говорил что-то очень своеобразное, — хирург пошарил взглядом по потолку, — очень поэтическое. Ну, будто бы он как бутылка с письмом: брошен в океан времени. Катапультирован в века.

— Как же так! — с отчаянием вырвалось у кого-то. — Человек, можно сказать, заброшен в века, прошел через тысячелетия, мелькнул рядом совсем и не остановился. А у нас — реальная была возможность, да упустили.

— Не остановился, — с горечью согласился хирург. — А вы, как бы вы поступили на его месте?

Человек зябко передернул плечами.

— Ушел, а расшифровать пластинку нам не дано.

Вуалировка образами, абстрактная манера письма. Не до- росли. Не та, понимаете ли, эпоха! Не угодили! — В иронии хирурга все же явственно проступили интонации обиды, досады на кого-то, посчитавшего его эпоху неокончатель- ной, недостойной главного внимания. — Выздоровел в три дня. Собрался и ушел. Ка-акой организм! — Хирург даже всплеснул руками.

По залу прошелестел вздох, вздыхали язвенники, почеч- ники и гипертоники.

— К событию нужно подойти шире, — сказал, вставая, человек в старательно, видно, с утра отглаженном костюме и очень чистой рубашке, преподаватель истории. Вставая, он быстро втянул манжеты сорочки в рукава — запонки на них были разные.

Историк, тщательно, в мелочах продумывая все, как к празднику готовился к совещанию, полагая, что выступать главным образом придется ему, лучше других знакомому с пройденными этапами человеческого общежития. Боль- шинство же явилось, имея на руках рулоны ватмана с ярко раскрашенными графиками, выкладки, украшенные интег- ральными выражениями, столбцы цифровых показателей. Доклады грешили, он бы сказал, узостью научного местни- чества. И историк, беспокойно прислушиваясь к сжатым, прессующим неизвестные термины речам, все ждал, когда перейдут к основному, обобщающему эпохи. До конца со- вещания оставались считанные минуты. Он поискал взглядом графин с водой.

— Шире — это значит — с позиций перспектив. Ведь кто знает, сколько у него таких пластинок было. Вдруг не одна?!

— У вас выкладки, расчеты? — сухо прервал его секре- тарь, представитель группы прочнистов, человек в куртке из кожаменителя.

— Да что вы все — вычисления, вычисления! — восстал

преподаватель, но внезапно уверенность покинула его, и он сел.

— Может, и не одна, — ответил хирург, — но симптоматичнее то, что он пренебрег этим экземпляром. Верно, пластинка не столь уж и важна для него. Может быть, в минуты откровенности он пытался поведать о своем прошлом, вызывая к доверию. А мы все века крутили пальцем у лба. Зевали. Обидно смеялись. Теперь он смеется над нами, а жить ему — тысячелетия.

— Забудет, — убежденно произнес чей-то бас.

— Он упоминал о каких-то братьях по времени. Будто не один он послан через века. Что они проявляются то в одном, то в другом месте, коснутся нас — мчатся дальше, несут эстафету времени. Кто они, эти посланцы? Может, последние Атланты? Как бомбу времени несут они тайну тысячелетий, всю правду. А пластинка просто мандат перед людьми будущего. Свидетельство о рождении. Там уж сумеют расшифровать, в нужной эпохе. А нам — что же жалеть, предназначено не для нас. Но искать надо. Не мы, так дети наши, внуки — вдруг найдут!

— Да, будем искать, будем! — дружно поддержали все, вставая с мест.

* * *

Собственно, на этом следовало водрузить последнюю точку повествования. Казалось бы, сюжет исчерпал себя до дна, по законам приключенческого жанра прошел через небывалую завязку, испытал и цейтнот кульминационного происшествия. Однако чрезвычайные обстоятельства, тесно связанные с дальнейшей судьбой восхитительной пластинки, заставили автора снова взяться за перо.

Если помнит читатель, рассказ начинался с организованного поиска замечательного больного. Собственно, искать начали после ошеломляющих итогов экспертизы. До этого

хирург был относительно спокоен: ну, печень, ну, пластинка, ну, выписался человек. Однажды в общем-то в текучке жизни промелькнуло нечто подобное: работник торговой сети проглотил шило. Ну, извлекли. В городской газете не поспешили на место, дали репортаж «Проглоченное шило». Газетная та вырезка подбадривала, успокаивала. Мол, обойдется и на сей раз. И вдруг — сто одиннадцать веков!

Помчались по месту жительства Соседка рассказывает:

— Из больницы явился сам не свой. Собрал чемоданчик, бумаги какие-то во двор вынес, сжег. Прощаться начал. Вдруг вещички бросил, побег куда-то. Возвращается с килограммом апельсинов, подарок, значит, нашей Машутке. Любил девочку, потакал ей. Все сказки рассказывал. Сядет, бывало, на табуретку, глаза — в стенку, и пошел. Девчонка несмысленыш еще, а не оторвешь. А он как по писаному. И про тьму египетскую, и про пирамиды, про булатную сталь, и совсем про неведомые времена. Мол, была такая земля обетованная, да под воду ушла без остатка. Потопом занесло будто. Я, случалось, заслушаюсь, хоть телевизор не смотри. Да спохватись: обед на конфорке пригорает, белишко неполоסקанное мокнет. Спрашиваю, откуда, мол, все знаешь в подробностях. Как глазами повидал. А он смеется, говорит: а что, как и в самом деле смотрел, пирамиды эти своими руками выкладывал? Пошутить любил!

Пошутить! Хирург яростно сжал кулаки. Простая душа, щи на кухне убегали. Магнитофон надо было заводить! Да что уж там...

Искали его поначалу лихорадочно. Беспокоили схожих лиц. Тройными взглядами обмеривали в те дни таксисты профили и фасы пассажиров. Куда! За тысячелетия усовершенствовался он в искусстве растворения среди масс. Поди знавай все его потайные приемы.

Пришел тренер, организатор городских олимпиад. Рассказал:

— В прошлом сезоне сидел один человек на трибунах, молча сидел. Вдруг не выдержал. «Плохо бегут!» — сказал. Рубашку снял, грунт ощущал да как рванет. У меня сердце похолодело. Не заявленный, думаю, куда ж он в брюках! А уж круга четыре стайсры прошли. Он эти четыре прочесал за милую душу, к фаворитам пристроился, да так и повел, весь бег за собою повел. Стадион, понятно, шумит. На девятой тыще метров обернулся, смотрит, стайеры позади трудятся. Каждый в своем графике выкладывается. А жарница! А он только рукой махнул. «Ий-эх!» — говорит, брюки скинул, да как припустит по стометровочному. Гляжу на циферблат, батюшки, рекорд бьет!

Подлетаю к нему: «Рекорд! — кричу. — Рекорд!» А он косо так, одеваясь, глянул: «Какой, — говорит, — там еще рекорд? В Греции, — говорит, — разве так марафонили?!» Я говорю: «Голубчик, родной, приходите, на весь мир прогремим, в веках останемся». А он только: «Греметь мне вроде не к чему, а в веках мы и так останемся...»

Годовой давности показания тренера не могли существенно повлиять на ход поисков, как не могли потеснить систему официально зарегистрированных мировых рекордов.

...В первые дни хирург лично выходил на поиски. В шляпе, сдвинутой на брови, он кружил по магистральным и окраинным улицам. Как режиссер, гонящийся за фотогеничным типажем, с биноклем в руках забирался на уходящие из-под ног крыши домов, и крупным планомплыли перед ним задумчивые лики пешеходов.

В одну весьма дождливую ночь на углу улицы он лицом к лицу столкнулся с человеком в водонепроницаемом плаще. Сердце стукнуло: он! С поднятым воротником, в глубоко нахлобученной шляпе, незнакомец шарахнулся за угол и пошел петлять темными переулками.

Придерживая дыхание, хирург маячил позади, забегая в темные ниши и подворотни. В отсыревшем воздухе плыли

специфические запахи водоотталкивающего плаща незнакомца. Из канав, застывая переулки, вставали торжественные туманы, и незнакомец умело тонул в них, будто прокладывая путь по известным ему туманообразованиям. Оступаясь, он сквозь зубы цедил что-то в адрес ненастья. Хирург прислушался и обомлел: отборная латынь! Язык древних! Он!

Но снес хирург и это разочарование: студент-фармаколог зубрил по дороге тексты рецептов...

Засыпая, хирург закрывал глаза и крупным планом, экранно всплывали картины сегодняшнего, конспиративного бытия пациента. Вот он пробирается по запруженным улицам центральных городов, ищет себя в зеркальных отражениях витрин. Неузнанный, усаживается в кресла сверхзвуковых лайнеров, легкой походкой проходит в вестибюли приморских гостиниц...

Днем хирург гнал прочь эти иллюзии, днем он колдовал над пластинкой. Он все-таки не оставил мысли доказать, что пластинка была идеально гибкой. Хирург брал на базаре свежие куски говядины и обкладывал ими пластинку. Да! Поверхностные ее слои начинали сами собой мягчать, а на торцах, вызывая сухое потрескивание в воздухе, змеились мерцающие прожилки. Чем свежее попадались куски, тем сильнее сказывался эффект размягчения.

Специалисты, коим посчастливилось участвовать в многогранной экспертизе пластинки, тоже не сидели сложа руки. Многие из них уже собирались защищать диссертации на собранном материале, другие изыскивали пути практического применения свойств «Пластинки Эпох».

Хирург не завидовал их деловым достижениям. Пошло на пользу кому-то, плохого в этом нет. Сам он воспринимал эту историю поэтически, художественно и переживал ее. Но кому поэзия, кому материальная сторона вопроса. Впрочем, и сама поэзия, в ее чистом виде, разве это только

прекрасные слова, туман и молнии образов, аромат типографских красок? Нет, это и печатные станки, ржавеющие, если не покрасить; леса, плывущие к комбинатам, бухгалтерия, наконец! Стоят, гнутся в промозглых ветрах таежные стволы, а строчки, удачные, негодные ли, уже заготовлены на них, брызжут из-под пера...

Иногда хирург встречал преподавателя истории. Вот уж кто не скрывал недовольства поведением бывшего обладателя «Пластинки Эпох».

— Эх, будь я, к примеру, на его месте, — с ходу заявлял он, — отгрохал бы монографию. Все бы связал, обосновал на фактах. А личные наблюдения!.. Это же главы! Да на одних личных наблюдениях...

— Написал, и за новую монографию садись? — возражал хирург, любуясь азартом собеседника.

— А что, почему не каждый век? — опешил историк.

— А вот и принимайтесь. Начинайте с нашего века. Он вам знаком, — улыбался хирург.

— Времени не хватает. Занятость, — историк хлопал по пухлому портфелю. — Ведь у него-то столько времени в запасе было!

— Да разве дело в запасах? — целил в уязвимые места хирург. — Сами-то те времена вспомните. Куда бы вас за такие делишки отправил, скажем, Калигула? Или, например, Грозный Иван? Так бы и загудели ваши монографии.

Историк трудно молчал.

— Помните монолог Пимена: «Когда-нибудь монах трудолюбивый найдет мой труд усердный, безымянный... и, пыль веков от хартий отряхнув...» Когда-нибудь, пыль веков, безымянный... Он знал, с кем имеет дело, своих начальников. Тоже ведь бомбу времени закладывал, по-своему, по-монашески.

На длинные разговоры времени у хирурга не было.

Он спешил к себе, в лабораторию. Доводить начатое. Предстояло еще вживить пластинку подопытному животному и тем окончательно подтвердить первые успехи на го-
вядине.

* * *

Несколько псов уже не выдержали операционного режима и быстро скончались. Но то все были трущобные, слабой городской закалки дворняги, облезлые твари, в ничтожных сварах и тоске по настоящему хозяину. Хирург дал объявление: «Нужна послушная собака с рекомендациями...»

Поздним вечером у него на квартире прозвенел звонок. Хирург открыл дверь. На лестничной площадке никого не было. Однако из сумрака подъезда доносилось частое дыхание и... ну, конечно, тихий скулеж. Хирург включил лампочку. В углу площадки сидел огромный добрый зверь и преданно смотрел прямо в глаза хирурга. Хирург присвистнул. За ошейником пса торчала записка. Он прочитал:

«Наш безвозмездный подарок уважаемому доктору. Чистопородный, дрессированный волк. Убеждены, что монтаж пластинки разрешится так же легко, как и тогда, 11 тыс. лет назад. Хотим верить, что пластина пойдет по своему, прямому назначению...

Группа энтузиастов, бывшие пациенты доктора».

Пойдет по своему назначению... Последние строчки несколько озадачили доктора. На что намекали энтузиасты? Впрочем, о целях эксперимента знали многие, а подарки у дверей квартир лечащие врачи находили не раз.

Доктор проследовал в кабинет, зверь шел рядом, прижимаясь к правой ноге хозяина. Хищник мягко вспрыгнул в кресло, тотчас показал трепещущий, как пламя, язык и принялся осматривать помещение. Разумный, осмысленный взгляд животного поразил доктора. Видел хирург умные взгляды собак, но здесь уж природа просто перехватила.

Взглядом исполнителя, описывающего имущество, осмотрел серый убранство комнаты. Запоминал, где что лежит. Не легкомысленное собачье любопытство, а работа мысли сквозила в каждом взгляде. Доктор крепко схватился за ручки и ушел в кресло, в самые его глубины...

На другой же день, не мешкая, он приступил к делу. Блестяще удалась операция! Волк сам подошел к месту и лег на бок, приглашая начинать. Доктор сделал разрез, и пластинка легко скользнула в образовавшуюся полость. Волк тотчас блаженно прикрыл глаза, будто не оперировали его, а кормили вкусной похлебкой. И что же? — придерживав руку в операционном проране, доктор ощутил знакомый, тот самый, рыбий трепет пластинки. Он помнил его!

Вскоре состоялась первая прогулка. Волк лихо затрусил вдоль больничного забора, круг, еще круг. Кто бы поверил, что совсем недавно отточенный скальпель гулял меж волчьих лопаток.

Другой раз доктор повел его собственноручно. Приятно гулять в компании с таким матерым, подобранным в теле экземпляром животного мира. Воплощение здоровья, силы и красоты! Доктор залюбовался им.

Неожиданно тонкий, высокий посвист прокатился над заборами пригорода. Свист, как аркан, взвился над головой и осел, рассыпался в яблоневых ветвях больничного сада. Звук оборвался на самой высокой ноте, и доктор увидел, как прянули уши осевшего на задние лапы волка.

— Держите! Держите его! — успел прокричать доктор.

Но бедствие уже разразилось. Грозно щелкнув пастью, зверь мгновенно обернулся по сторонам, и серое, легкое в полете тело его дугой изогнулось над частоколом забора.

Персонал высыпал за ворота. Огромными прыжками, не оглядываясь, зверь уходил к лесу, туда, откуда снова хлестал и хлестал призывный раскат свиста.

Начальник ветеринарно-звероводческого контроля только побрякивал, когда ситуации повести выходили на предельную перегрузку.

— Н-да, прошлое, будущее... Увлекательная штука! — начальник контроля прищелкнул языком. — Но он-то хорош! Не спасовал перед веками. Мужик, видать, не из пугливых. Мо-ло-дец! — емко похвалил он человека из времени словом, коим награждают и дворника, расчистившего проезжую часть, и школяра, принесшего радость родителям — заветную пятерку, и лейтенанта, отстоявшего господствующую высоту.

— Молодец-то молодец. А вот как зверя сыскать? — напомнил доктор о цели своего визита.

— Пса-то? — добродушно отозвался ветеринар. — Где ж его найдешь? Ушел небось в стаи. А скорее — подсунул его вам этот загадочный больной. Не было никаких энтузиастов. Неспроста и в записке о прямом назначении сказано. Принес зверь ему пластинку, вот оно и прямое назначение. Припрячет в хорошее место, а то и обратно зашьет.

— Но вы представляете, сколько тайн завязывается на этой пластинке. Из прошлого, из будущего... — не теряя надежд, сказал доктор.

— Чего уж там не понимать, — согласился ветеринар. — Будущее волнует. Загадочно. Прошлое — еще более загадочно.

Ветеринар значительно помолчал.

- Но для нас, людей каждодневной практики, самое загадочное — настоящий момент!

Что поделаешь, умчался волк — в стаи, к хозяину ли своему? Дело о «Пластинке Эпох» на этом и застопорилось. Действительно, нельзя ведь всем броситься на разгадку од-

ной лишь тайны природы, одной из тысяч. Настоящий момент перегружен ими, наболевшими тайнами, успевай только разворачиваться. И какую же из них решимся мы озаглавить за номером один?

Многие уже изучаются; несомненно, какой-то процент их скоро предстанет в исчерпанном до дна виде. Иные загадки окрестят прозорливыми, иные — гениальными. А вот загадки, как их расставить по полочкам? Ведь не говорят «гениальная загадка природы». Загадки, как курсанты в строю, кто из них станет генералом?

Но в том-то и дело, что загадка «Пластинки Эпох» соприкасалась где-то с чертой, за которой открываются исковые дали гениальности. Потому, видимо, и потрясла она соучастников происшествия. Потрясла так, что будут они теперь долгие годы зорко вглядываться в собеседников, вслушиваться. Нет ли в них чего такого странного, а на самом деле — необыкновенного. А вдруг да тоже гость из Времени, из тайных зон гениального?! Ведь не один бродит по свету.

Как сказал Он сам, вынырнув однажды в одном из сновидений доктора: «Оглянитесь, есть среди вас с прекрасной отметиной, огражденные временем. Также «Вложено при рождении», каждому своей мерой. Конечно, многих судьба обошла, но кое-кому вложено!

Только не будьте слишком суровы к ним, не спугните, потом ведь не воротишь. Край вечного зыбок, уйдет из рук, если не так взяться. Не каждому и виден. Вот меридиан, на глобусе четок и строг, натянут, как бельевая веревка, от полюса к полюсу. Но кто ж видел его среди автострад и полей? А грянула магнитная буря и пошел буйствовать, рушить радиосвязь, плясать по ионосферам. Попробуй одерни, вынеси выговор по административной линии. У многих руки чешутся, да не дано!»

Ах, промчалось видение, обожгло грудь мимолетных сви-

детелей звездным жаром, стужей космоса. Взвилось по-дельфиньи, переблестнуло, чтобы без следа уйти в глубинные коловороты времени. Появится ли снова, жди!

А ведь будет с кем-то разговаривать, смотреть в глаза, ввергать в трепет чьи-то сердца и... бесследно исчезать, разлагаясь на полутона зрительных воспоминаний. Как герой киноэкрана, распростерший улыбку в двумерном, плоскостном мире полотна обзора: стреляет, мчится на автомобилях, прыгает из окна, любит, ненавидит, страдает, и зал страдает вместе с ним. Но вспыхнула под потолком люстра — ничего, пустое полотно экрана. Он умер до следующего сеанса.

И так до нужных эпох. А там появится, скажет:

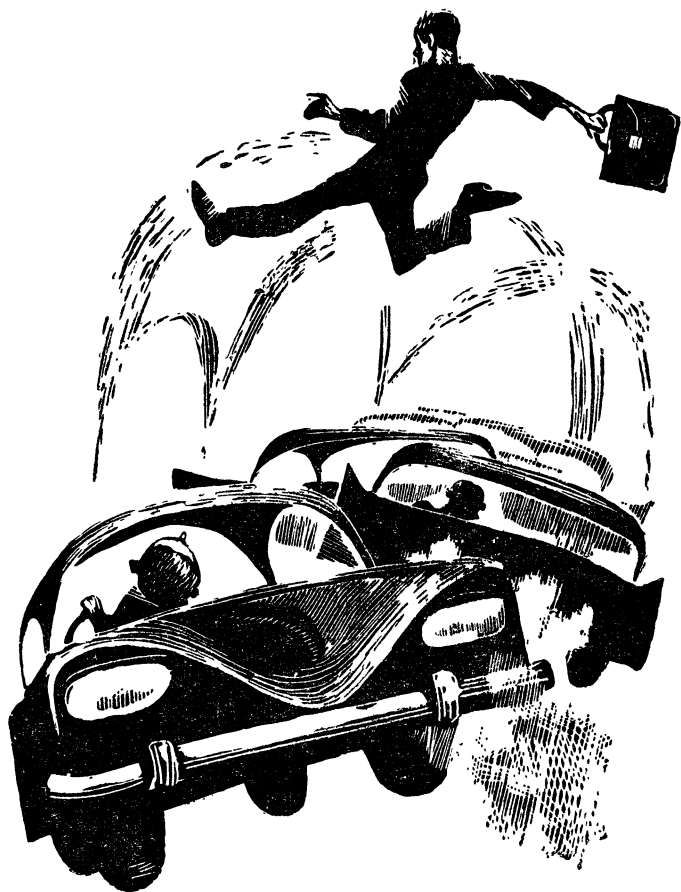
— Я пришел! В трех измерениях объема и четвертом измерении — Времени. Я и братья мои!

НАД БРИСТАНЬЮ, НАД БРИСТАНЬЮ ГОРЯТ МЕТЕОРИТЫ...

Это уже стало правилом — сваливается к нам на землю некое космическое тело, и тут же крики, шум, ура. Вылеты на место происшествия специальных корреспондентов, обостренные дискуссии, борьба мнений, как правило, переходящая на личности. Иззябшийся за годы беспричинных странствий по неуютной мгле кусок с хрипами, визгами, громовыми раскатами врывается в теплое тело матушки земли и наконец-то находит покой, а мы — мы теряем его. Еще

бы, космическая катастрофа! А может быть, и само крушение марсианского корабля! Нужно иметь совсем зачерствелую душу, чтобы не дрогнуть перед таким обстоятельством. К счастью, таких перегоревших душ очень мало, поэтому эмоциональный подъем, сопровождающий павшие тела, перерастает границы района самого падения, начинает гулять в областном масштабе, а то и сразу становится достоянием самых широких слоев.

Тонизирующее действие исключительного события, особенно такого, как громовое приземление небесного скин-альца, трудно переоценить. Исключительное захватывает, и на слепящем фоне его мелкие неурядицы, омрачающие личную жизнь, растворяются как легкий дымок, исчезают, будто накрытые шапкой-невидимкой.

Рядовые толкователи чудесного начинают чувствовать себя законными свидетелями, почти соучастниками тайн мироздания, которые вот-вот раскроются, и тогда... Полковники метеорологической службы получают новую пищу для диссертаций, расчищающих путь-дорожку к генеральским высотам науки. Реалисты же, давно и бесповоротно отрешившиеся от научных исканий в пользу исканий вечерних собутыльников, гипнотизируют продавщиц бакалеи хитрыми словами:

— Мы тут планы перевыполняем. А марсиане — вон они — весточки шлют.

К сожалению, не каждый случай прорыва атмосферы сказывается на тщательно поддерживаемом нами тонусе. Не каждый раз дело оборачивается катастрофой с таежными вывалами, контуженными наблюдателями, сейсмической волной. Чаще всего фукнет по небу светлячок, находит малую толику и — нет его, изжарился на перегрузках. Ищи ветра в поле. И хотя многие энтузиасты, коротающие вечера возле самодельных подзорных труб-телескопов, воспринимают такое поведение слабых метеоритов как личную

неудачу, ничего не поделаешь. Пожалуй, в этом даже есть и своя позитивная сторона: ведь если бы каждый камень неба, сорвавшийся с теоретических орбит, шмякал о земную грудь, как снаряд по броне, то вскорости, что называется, осталась бы от бублика одна дырка. Ведь не секрет — с некоторыми планетами, обещавшими со временем стать обитаемыми, но зародившимися в менее удачливых местах, так и произошло...

Тело, прорезавшее в одну из летних ночей воздушные слои над городом Бристанью и ушедшее в неизвестном направлении куда-то в леса, принадлежало именно ко второму типу. В конечном итоге оно не вызвало ни особых радостей, ни потрясений. Специалисты, правда, поспорили между собой: одни утверждали, будто тело ушло на северо-восток, другие демонстрировали карты с маршрутом на северо-запад. Но спор получился вялым, без острых углов. Принципиального значения ни та, ни другая точка зрения не имела. Звезда прошла над головами горожан совсем бесшумно, отсутствовали и явления взрывного характера. О чем тут говорить? Удивляло одно: при всей своей незначительности звездочке удалось пройти над землей на чрезвычайно низких высотах, а ведь только самым мощным представителям мира метеоритов доступны прорывы в нижайшие слои атмосферы. Это, конечно, удивляло, да много ли толку от удивления?

И, однако, разговоры пошли. Дед Митрий Захарыч Пряников, лесничивший в бристанских заповедниках, и пионер Федя Угомонкин, отбившийся в лесах от отрядов и в силу этой причины оказавшийся ценным наблюдателем конца метеорологического явления, принесли показания о посадке тела. О посадке незаметной, безударной, протекавшей в условиях тишины, о которой какой-нибудь обреченный диверсант-парашютист может только мечтать.

Митрий Захарыч клялся георгиевскими крестами, Угомон-

кин — пионерским галстуком. Оба указывали на ложбинку, усеянную старыми валунами — излюбленное местечко и цель многих турпоходов.

Когда-то, во времена, потерявшие из-за своей отдаленности для нас всякий смысл, в этом районе великие ледники дали течь и убрались на север, валуны же остались, ибо у ледников уже не было сил тащить их обратно. Увековечив древнее событие, обветренные глыбы долго лежали в покое, пока нахлынувшие волны туристов не принялись увековечивать свое «я»: киркой, мотыгой, а то и простым перочинным ножиком. Когда плотность надписей достигала того предела, после которого не оставалось места даже для любителей филигранной работы стамеской, ножом и скальпелем, старые надписи безжалостно иссекались, и туристы снова приобретали ясную, прямую цель для своих бросков в чащи.

Сюда-то и пришел отряд специалистов, чтобы окончательно разобраться в научной правде небесного явления. Старик Захарыч требовал обстучать валуны обушком и по звучанию выявить новоявленную глыбу. Пионер же, постоянный слушатель «Научной зорьки», утверждал, что только метод меченых атомов быстро решит вопрос. Но меченых атомов в наспех собранных рюкзаках специалистов не оказалось, а мерзостный звук камней отдавал на редкость стабильными частотами, и вскоре дедовский обушок стал не более чем предметом шуток молодой и жизнерадостной части экспедиции.

Осмотрев валуны, комиссия пришла к разумному выводу, что только те из них заслуживают полного исследования, чья поверхность не покрыта татуировкой — продуктом умелых трудов любителей природы. Ведь небесные камни еще не попали в сферу разрушительных возможностей друзей лона природы.

Всего несколько глыб радовали глаз незапятнанной по-

верхностью. Но которая из них истинная, небесная, а какие свежееочищенные? Оставалось два выхода: либо вызывать тягачи и транспортировать валуны в сторону ближайших научных центров — задача технически сложная и громоздкая, перед которой в свое время спасовали сами ледники; второе — распиливать на месте и тут же изучать.

— Пилить, пилить! — этими возгласами наиболее горячие головы подбадривали тех, кому пилить не хотелось.

— Пилить дело простое. Науки только в этом не видно, — сопротивлялись поклонники открытий на острие пера.

Однако, чтобы не прослыть белоручками, они прекратили сопротивление, и тогда мелодичные зубцы пил заиграли по старым спинам валунов, выдавших на своем веку разное, но не такое.

Утомившись, участники похода сходились подкрепиться, попить чайку, искусно настоящего бывалым лесником на смородинном листу. Тревожные лесные ветерки несли из чащи неясные похрусты, отдаленные птичьи голоса. Медленные струи воздуха обтекали стволы деревьев, все гуще пропитываясь их запахами, и шли в ложбинку на огонек, легко играя пламенем костра. Здесь, в тесной ложбинке, потоки лесных звуков, смоляные дуновения и густой дух смородинного веника, парящегося в ведре над костром, мешались в одно и, заполняя легкие, втекали в артерии, шли по капиллярам, растворялись в крови, отдаваясь сильными ударами сердца.

Участники экспедиции подолгу распивали чай, не собираясь сопротивляться гипнозу цветущего лета. Дачная, почти курортная ситуация располагала к веселью, шуткам и затяжным неслужебным разговорам. Только двое из всей компании естествоиспытателей никак не поддавались колдовству летних вечеров и продолжали пилить начатое с упорством, не оставляющим сомнений, что для такого на-

рода нет крепостей, которые нельзя было бы взять, и что скоро тайны природы раскроются до последней. Раздирающий уши звук пилы выводил разговоры из приятного русла, путал мысли.

— Эй, Петров, Быков! Пора сливаться с природой! — кричали им в темноту, и тогда темнота отвечала таким металлическим визжанием, от которого по спине бежали мурашки, а от слияния с природой не оставалось ничего.

— Работать надо! — гулко неслось к костру.

— Эй, Петров, Быков! — кричали им настойчивее, а потом несколько человек решительно поднимались, уходили в темноту, чтобы вернуться из нее с отобранной пилой. Петров и Быков тоже выходили на свет, шурились; грудь их еще тяжело вздымалась, а потом приходила в норму, и теперь ничто не мешало засыпающим лесам шептать о каких-то неведомых, тайных грезах.

— Вот, значит, — начинал кто-нибудь, опростав первую кружку чая, — прилетает марсианин на землю и попадает сразу на карнавал. Видит, девушка. И в бок ее пальцем — р-раз. А она ему: «Уйдите, я дружинника позову», — это она ему. А он снова — ж-жик, и живот показывает, а на животе — глаз. Марсианин, значит...

Лесничий Митрий Пряников слушал эти истории весело, с доверием. Ученые импонировали старику серьезностью, возвышенностью тем разговоров. Кроме того, экспедиция грязи не разводила, слушала старика. Потому Митрий Захарыч охотно прощал марсианам и ношение глаза на животе и другой непорядок, пока что торжествовавший — по рассказам новых знакомых — в небесных пределах.

Дед уже отвык от солидности в разговоре, туристы не баловали старика солидностью. Туристы приходили, мусорили и уходили. Правда, с песнями, с гитарами, плясками на валунах, да что пользы — мусор-то приходилось убирать старику. «Изгадили камушки, совсем изгадили», — печалил-

ся дед после таких визитов и гнул спину, гремя геройскими крестами. Однако во время самих набегов он не думал об этом, а находился как бы в чаду, наблюдая новую и диковинную жизнь потомков.

Со стариком пришлый народ обходился запросто, будто с валуном, только надписей не вырезали. Любой сопляк мог хлопнуть Пряникова по плечу с прибауткой: «Что, дед, рюмочку сглотнешь? А то смотри — песок из тебя сыпется, весь высыпется. Ангелы-хранители не угостят». Дед, конечно, серчал, но от рюмки-другой отказаться не мог, так и пристрастился к спиртному. Оттого и ждал холостую публику, крестился, отплевывался, но ждал.

Экспедиция, напротив, вела себя трезво, знай потягивала себе чаек, угар на сей раз обошел Митрия Захарыча стороной. Былая нерушимая ясность забрезжила в груди старика, и речь его снова обрела почти законодательную торжественность, суровость, соответствующую званию лесника и георгиевского кавалера.

— Конечно, господь в царстве своем порядка не достиг. Но вижу — народ крепкий есть. Порядка добьется, — уверенно вставлял Пряников в паузах астрономического спора. Возражений не было, это нравилось леснику, и в душе его пела протяжная песнь, не замутненная чечеточными ритмами текущего городского момента.

В природе все выдается квантами: свет, энергия, пространство, а также нечто (физически зависящее от перечисленных понятий, хотя не очень хорошо известно как), именуемое радостью. Как только радость становится обычным состоянием, нормой быта, она перестает быть радостью. Разве может радоваться именинник новому, пусть даже прекрасно сшитому костюму, если все гости пришли к нему в точно таких же костюмах? Может, пока не явились гости. А дальше?

Организм требует чего-то нового, головокружительного.

Старый квант радости исчерпывает себя. Еще хуже, если человек получает порцию радости, беспечно усваивает эту порцию, а потом узнает, что все было основано на ошибке, на недоразумении. Тогда приходит душевная опустошенность, литое, чугунное чувство собственной никчемности — не сразу расплавишь его.

Вот так и душевная гармония Митрия Захарыча — не устояла перед событиями дня. Научная правда подмяла гармонию под себя.

Никаких космических вкраплений, полное отсутствие следов пребывания в иных мирах — к таким не подлежащим сомнению выводам пришла научная комиссия, просуммировав все полученные данные.

— Видать, дед, померещилось тебе приземление. Мнимое все это твое показание, — сухо сказал начальник работ, хотя и не хотелось начальнику говорить такие тяжелые прощальные слова.

Несмотря на нулевые результаты трудов, затеянных вследствие показаний Пряникова, экспедиция полюбила лесника, свыклась с его пахучими чаями. Было что-то незыблемое, обнадеживающее в том, как скручивал он свои вечерние самокрутки, правя у кипящего ведра.

— Н-да, Митрий Захарыч, — протянул начальник и добавил уже с нотками сочувствия: — Понимаете, экспедиция не может верить одним только эмоциям наблюдателей. Нужны факты. А может, и в самом деле показалось?

— Врать не стану. Второй очевидец есть, — твердо, будто не замечая ноток сочувствия, ответил лесник. Стоять на своем — последнее, что оставалось Захарычу, хотя слова начальника уже лежали, будто гиря на дне желудка.

Второй очевидец, малолетний Федор Угомонкин, был далек от печалей заповедного стана. Его почти сразу отправили обратно в Бристань, так как он быстро надоел всем приставанием с методом меченых атомов. В городе он

широко наслаждался внезапно пришедшей к нему известностью и охотно делился с притихшими сверстниками своими дальнейшими планами — полетами на Марс, Юпитер и далее. Учителя с уважением поглядывали на Угомонкина — самим-то им не пришлось пережить такого — и предсказывали ему большое научное будущее.

Угомонкин, таким образом, тоже потерял всякий интерес в глазах руководства исследования, и, апеллируя к его имени, Пряников только усугублял свое положение. Начальник немного помолчал и пошел прочь от старика.

— Ей-богу, не виноват! Родимые... — упавшим голосом крикнул старик вслед, но начальник не обернулся.

Вся группа уже собралась у рюкзаков, ожидая команды к уходу.

— Завхоз, — сказал начальник напоследок, — выдели леснику излишки консервов, шоколад из НЗ, махорки побольше.

Все молчали.

— А это от меня лично, — и начальник вынул из уха транзистор, надежно вибрирующий микродинамиком языки и напевы континентов в любое время суток.

Итоги экспедиции подействовали на общественность Бристани удручающе. Феномена не получилось. В районной прессе проскочило всего несколько материалов, хотя и снабженных броскими названиями, однако так и не вдохнувших жизнь в проблему, уже пережившую свой апогей. «КУДА ДЕВАЛСЯ ПРИШЕЛЕЦ?», «СГУСТОК ТЕЛЕПАТИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ, БЛУЖДАЮЩИЙ В БОЛЬШОМ КОСМОСЕ, — НАД БРИСТАНЬЮ...», «ТОЛЬКО ТАЙНА ЖИЗНИ ТЕРМИТОВ ОТВЕТИТ НА ВОПРОС...» — искусственная напряженность, вызванная крупными заголовками этих, пожалуй, даже не статей, а заметок, вышедших из-под пера местных малоубедительных дилетантов, — напряженность эта улеглась сразу после областной подвальной статьи, набранной бесхитро-

стными шрифтами: «Как и почему он рассосался в атмосфере».

— Да, рассосался метеорит. Факт! Этот случай вполне оправдан теорией, он же подправляет ее. А вы думаете, что движет теорию? Новые факты! — разъясняли эрудиты знатокам, а знатоки — всем остальным.

На этом дискуссия замкнулась, не выйдя на просторы массового обсуждения, а следовательно, не повлияв и на наш жизненный тонус.

Вечером того дня, когда экспедиция ушла из ложбинки, Митрий Захарыч не выдержал и отправился к валунам. Вышел будто просто так, лес осмотреть, а ноги сами несли и несли старика, и чудилось ему, будто опять полна ложбинка веселыми голосами научных сотрудников, топоры стучат, пилы играют.

«А вдруг да повернули? Может, не допилили чего?» — от этой мысли сердце старика по-молодому заколотилось. Живо представился ему костер на обжитом плоском валуне, круг вечеряющих мечтателей, возвышенный их разговор, он сам среди них — на равных правах...

«Вдруг да повернули!» И тут он вышел к ложбине, увы — только ветер шелестел по шершавым камням да травы серебрились в слюдяном свете луны. А вот и плоский, как чемодан, валун, весь посыпанный пеплом, — еще вчера яркое пламя заливало багровыми бликами покатые каменные плечи, а теперь только бледный пепел прикрывает его тело от прохлады и сырости...

Вдруг весь валун по-живому затрепетал, точно грудью вздохнул; старик перекрестился и прынул за дерево. Валун без тресков разломался на две части, и половинки сами собой мягко разошлись в стороны.

Прильнув к стволу, вполсили дыша, старик наблюдал, как из щели показалась голова, потом плечи и руки, а за-

тем выпрыгнул и сам человек. Незнакомец разом оглядел ложбину, передернул плечами — видно, замерз, отсиживаясь в камне-то, — и, опять обернувшись по сторонам, ударил ногами чечетку. Горло его издало сдавленный, булькающий звук — смеялся он, что ли? Потом движения человека, серебрившегося, как и травы в лунном отсвете, приобрели координированность, он просунул плечи в щель, вынул оттуда чемоданчик, выпрямился и на секунду застыл, соображая, что делать дальше. Вот он спрыгнул на землю, хлопнул по валуну ладонью, куда-то нажал, и тогда валун бесшумно замкнулся. Незнакомец решительно вошел в кусты и растворился во мраке.

«Лешего довелось узреть! В камне живет, бездомный», — испуганно соображал старик, по-прежнему не решаясь выйти из-за ствола.

«Леший на участке. Ох-ха, — стонало в груди старика, — вот тебе и научность, механика египетская. А что, как...»

Новая догадка прихлынула к старику. «А что, как и в самом деле наука эта продолжается. Человек по-научному приземлился и — молчок, потому что марсианин. Глаз на животе. Вот те раз!»

По долгу службы лесник, конечно, обязан был доложить о случившемся руководству. Изложить пусть даже не личную точку зрения, а просто голый факт. Дескать, в ночь с такого-то на такое-то сего года в лесном квадрате эдаком-то валун без всякого для себя разрушения разошелся пополам и вновь сомкнулся, выпустив из себя неизвестную личность, станцевавшую на валуне и исчезнувшую в дебрях.

Доложи Пряников — и все... Однако пережитый срам заставил дисциплинированного в прошлом старика пересмотреть отношение к службе. Служба службой, а в дураках перед людьми ходить — эка охота.

Пряников прочно усвоил, что наблюдать своими глазами — одно, а открыть глаза людям — другое, дело мозговитое, требующее большой обходительности, которой теперь-то он в себе и не видел. Что же, во второй раз за обушок браться, распиловку предлагать? Снова срамиться перед честным коллективом?! Уж лучше полное незнание, таинство до гробовой купели! Сказал — и как сургуч на уста положил...

А марсианин уходил по чащам да перелескам все дальше от места посадки. Шел быстро, таежник сказал бы: таежник идет; увидел бы стайер, сказал бы: стайер со вторым дыханием дистанцию за глотку берет. Ну, а марсианин еще какой по дороге повстречайся, крикнул бы: «Уауйэ моо, битто чук!», то есть: «Что, брат, гуляем? Кислороду набираемся?»

Кислород действительно вполне устраивал марсианина. «Ничего у них кислород, качественный», — думал марсианин, которому надоело сидеть в камне на искусственном воздушном пайке. Конечно, в ночном мраке леса ни зоркий таежник, ни стайер, привыкший все различать даже с быстрого бега, не заметил бы ходака. Мгла тоже устраивала марсианина: она исключала свидетелей. А что свидетели опасны в его положении, он уже понял: совсем недавно они только по недомыслию не принялись пилить его галактический корабль.

Сам марсианин от темноты не страдал. Включив кожное ночное зрение, он разбирался среди всех этих пеньков, рытвин и стволов если и не идеально, то по крайней мере не хуже обыкновенного близорукого, потерявшего очки. Он страдал от другого — какое-то легкое стрекотанье, легкий звон, какой бывает, если задеть конец острия скальпеля; то и дело этот тревожный звук возникал возле уха или носа, и тотчас следовало тягостное жжение. «Кислота,

что ли, с неба капает, может, электрические шарики в воздухе плавают?» — спрашивал он себя при приближении зудящего звука, и тут же его кожа ощущала молниеносный тонкий ожог, от которого поврежденный участок кожи переставал видеть и окружающий лес как бы заливало сумерками. Тогда он присаживался на пенек отдохнуть, поразмыслить о событиях последних дней.

«А на каком языке я сейчас думаю?» — спохватился он. Действительно, на каком языке размышлял марсианин?

После того как немногочисленные двигатели марсианского корабля, выбрасывая бесцветные струи гравитационных зарядов, подогнали аппарат к Земле, межпланетчик сбавил скорость и плавно припечатался днищем среди валунов заповедника. Пока марсианин приходил в себя — все-таки маневр стоил ему нервов и энергии, — корабль безо всяких принуждений принял вид окружающих предметов. Короче, стал одним из валунов, изобилующих в окружности. Совершенно случайно одна его сторона ориентировалась на очищенные камни, другая — на объекты, испещренные надписями разного калибра и содержания. Поэтому и корабельная обшивка с одной стороны не имела ничего общего с грамотой, с другой же приобрела читательский интерес. На корме корабля теперь красовались и «Петр Столбняков был здесь в разгар празднующей природы» и «Вера, пойми же... Василий», «Накопил и машину купил» — по-видимому, след посещения работника сберегательной трудовой кассы, а также одна небольшая напевная зарифмовка, какую детям до шестнадцати да и сверх этого лет читать не рекомендуется.

Марсианские конструкторы настояли именно на такой схеме приземления: подлег к ночной полосе планеты, торможение, посадка плюс метаморфоза под естественный ландшафт. По мнению конструкторов, этот комплекс обеспечивал полную сохранность тайны, а тайна, когда речь

идет о выходе на дикие, а порой и чудовищные планеты, лучшая гарантия безопасности.

«Мы не знаем, — говорили они, — кого пилоты встретят в пути. Врагов, друзей, неразборчивых в пище людоедов или задумчивых гуманистов? Метаморфоза корабля поможет избежать неприятностей разоблачения, сохранить в целости секрет корабельных устройств...»

Пожалуй, по-своему эти конструкторы были и правы. Впрочем, они только подражали природе, настаивая на своем, природе, в которой принципы мимикрии давно и широко внедрились в целях защиты от так называемого «всякого случая», частенько несущего с собой позор, увечье, а то и прямую смерть.

Подражая, конструкторы, однако, избежали слепого копирования вековых образцов защиты, а внесли кое-что и от себя. Так, например, корабль обладал способностью внезапно утяжеляться в несколько раз и на глазах изумленной публики проваливаться в недра планетных слоев. Испытания показали, что корабль шел вниз легко, как топор, брошенный в водоем. По прошествии опасного момента пилот нажимал кнопку многократного уменьшателя тяжести, и тогда корабль пулей вылетал вверх. Это рацпредложение спасло нескольких путешественников, но вызвало толки среди населения соответствующих планет. Конечно, после проведения подобного приема пилот должен был как можно быстрее уводить корабль в космос, ибо версия «рассосался в атмосфере» становилась крайне непопулярной, а место провала превращалось в одно из самых людных и шумных мест вселенной. Поэтому нажимать на кнопку утяжеления разрешалось в самых крайних случаях.

Другая техническая диковинка — акустика корабельной обшивки — тоже была результатом предусмотрительности изобретателей. Звуки, зародившиеся во внешнем пространстве, свободно проникали в кабину, будто никакой обшив-

ки и не было. Наоборот, любые внутренние звучания корабля аккуратно запирались стенками, так что при любых обстоятельствах пилот мог развлекаться музыкой громкого звучания или греметь гаечными ключами.

Экспедиция, облюбовавшая плоскую крышу корабля-ва-луна под очаг и трапезные сборы, язык за зубами не держала, диапазон интересов изыскателей узостью не грешил, и любопытнейшая информация лилась потоком в уши за-таившегося марсианина.

Сначала, разумеется, он не понимал из этих разговоров ничего. Но потом эластичные органические пластики (искусно вшитые в борта пиджака) вдосталь наглотались новыми словами, а длинные цепи молекул перетряхнули их и пустили в электроды в виде расшифрованных импульсов, пригодных для усвоения мозгом. Импульсы обработали нужные участки мозга путешественника, вложив в них «знание новых слов», и мало-помалу марсианин начал постигать смысл откровенных, несбивчивых разговоров метеоритчиков.

Наиболее ценные данные марсианин скрупулезно отдиковывал записывающему устройству — сбор данных о жизни Земли во всем ее многообразии был, собственно, одной из главных целей командировки. Внимательно прослушивались и беседы на космические темы: что они, земляне, успели узнать о космосе?

Хотя он и понимал, что в этом плане слишком приди-раться к землянам не стоит, все-таки губы его частенько раздвигались в улыбке. Бывало и хуже: им овладевал непроизвольный хохот, и тогда он катался по кабине, зажимая себе рот, будто опасаясь, что стенки не выдержат и чинно сидящие над ним у костра услышат эти рыдающие звуки.

Что поделаешь, мы должны простить такое поведение марсианина. Ведь действительно наши знания о батюшке космосе еще очень слабы, свидетельство тому — неослаб-

ное обилие открытий, преподносимых нам небесными науками.

Но иногда марсианину было, прямо скажем, не до смеха. Как-то раз, например, разговор закрутился вокруг тайны «бристаньского пришельца», и дед Захарыч принялся клясться и божиться, что упал-то с неба тот самый валун, на котором они все сейчас сидят и прихлебывают чай.

— Вот те хрест! Чтоб мне провалиться! — горячился дед, не подозревая, что еще мгновение — и его обещание сбудется самым полным образом. Рука марсианина, решившего было, что тайна открылась, дрогнула и потянулась к кнопке утяжелителя. Но, к счастью для экспедиции, которая ухнула бы в тартарары вместе с кораблем, сработай только хитроумное устройство моментального провала, дед был поднят на смех, и самоконтроль снова вернулся к марсианину.

— А как же «Петр Столбняков в разгар цветущей природы?», «Накопил и машину купил» — как же? Что же, дед, частушки эти господь бог на камушке расписал? — под гул повального хохота спросил наверху чей-то задорный голос.

Старик не нашелся что ответить, смутился и затих.

Получив в свое распоряжение новый язык, марсианин не упускал случая для тренировок в разговоре и шлифовки оттенков произношения. Невидимым образом он участвовал в спорах, принимая то одну, то другую сторону, и иногда точка зрения, в итоге получавшая господство на валуне, внутри валуна оказывалась разгромленной начисто.

Войдя в полемический азарт, марсианин стучал в потолок. «Эй, наверху, вы что там мелете! Да ведь фракции космических лучей...»

Потом марсианин спохватывался, вспоминал об особенностях своего положения и кончал спор в спокойных тонах, сам для себя.

Если всем надоедали разговоры, то кто-нибудь заводил

песню, рвущуюся в дремлющие леса удалыми раскатами или медленно уплывающую в темноту леса. Марсианин не отставал и тут.

На пыльных тропинках
Далеких планет
Останутся наши следы, —

подпевал он, и легкая грусть вкрадывалась в марсианское сердце.

...Все это осталось позади — и диспуты и хоровые песни. Теперь вот молодые березки, жухлые пеньки, влажный воздух да вопрос: «На каком языке думаю?» Отдыхая на пеньке, марсианин искал ответа, но так и не разобрался во всей этой чехарде загаданных для разгадки мыслей, слов, стилистических оборотов. Да и не все ли равно в конце концов, на каком? Он твердо знал, что при случае легко объяснится с первым встречным, а дальше — дальше видно будет.

И марсианин решительно зашагал вперед, через овраги и холмы, туда, где не ищи березок, травяной росы, и воздух, наверное, не так свеж, но зато вздымаются каменные громады, ревет плотный поток автомобилей, и светофор мигает ярче звезд первой величины.

В большой город! — и ноги марсианина то пружинили на податливых мхах, то легко возносили тело его над положенными, как шлагбаум, стволами, дрогнувшими в бурю.

Постовой Платков заканчивал вахту в хорошем настроении. Сменщик должен был вот-вот объявиться, а ни одного происшествия. Ни наездов, ни смятых буферов — порядок! В левом кармане гимнастерки приятно оттопыривалась стопка копий штрафных квитанций — не стыдно и в отделение показаться. Учи-учи этих растяп пешеходов, а все зря. Лезут, неумелые, на рожон. И Платков косил глаза то на от-

топыренный нагрудный карман, то на антиударные часы — именной подарок за четкость в дисциплинированности. Да все равно, еще десять-пятнадцать минут — и по домам. Прощайте, лихачи-таксисты, и дорогой светофор, тоже прощай!

Постовой оторвал взгляд от дареного циферблата и рассеянно посмотрел вниз, на магистраль. Посмотрел и — зажмурился. Господи, наваждение, такого и быть не может. Метрах в тридцати от постовой будки, там, где два бешеных потока лимузинов смешивались в один кипящий, изрыгающий вулканные газы клубок, какой-то пешеход силился прорваться на другую сторону улицы.

— Эх ты, деревня гужевая! — сквозь стиснутые зубы прошептал Платков. Он привстал с сиденья да так и застыл, впившись в картину, скорая развязка которой не вызывала никаких сомнений.

— Ну, сейчас! Ах, пронесло! Ну! И-их! — страшным голосом комментировал события постовой. Любая мера все равно уже не могла бы отодвинуть драматического финала.

Водители транспорта тоже находились во власти неизбежных законов двустороннего скоростного равнения: уж лучше давить одного, чем лихорадочным торможением пускать под откос всю газующую по четырем рядам шоферскую братию. Водители, бледнея, проносились мимо зазевавшегося, по их мнению, смертника, но странное дело — сам попавший в беду человек, казалось, и в ус не дул перед лицом неминуемой гибели. Почерк его походки оставался безупречным. Легкая, танцующая ритмика движений нарушителя сразу бросилась в глаза постового, и тот понял, что перед ним не пьяница, не деревня гужевая, а пешеход редкостного высокого класса, легенда постовых.

Шоферам же со стокилометровых скоростей было не до тонкостей смертельной пантомимы — лишь бы пронесло! Они так и не поняли, что их волнения напрасны. Точными,

словно заученными движениями пешеход небрежно уклонялся от летящих прямо на него тонных махин — ничего! — метр за метром приближался к заветному тротуару. А через один зазевавшийся лимузин он просто-напросто перемахнул, будто и не лимузин это вовсе, а так, учебное пособие, и тут же рядом промелькнуло еще одно искаженное лицо таксиста.

Тут уж оцепенение, застудившее профессиональные действия Платкова, вдруг как рукой сняло, не мешкая, врубил он сигнал красного цвета. Не для спасения, а так, по инерции; чудесный незнакомец сам по себе стоял уже на краю дальнего тротуара и счастливой улыбкой провожал уносящиеся по проспекту экипажи.

Будто ветром перенесло — стоял через секунду Платков на той стороне в полуметре от нарушителя. Радостно дыша, он впитывал в себя каждую черточку, каждую отметину прохожего, готовясь обнять его как друга, без вести пропавшего да вдруг воскресшего из мертвых. Все-таки обнять случайного человека он не решился, а только крепко пожал руку.

Незнакомец же гнул свое — смотрел недоуменно: мол, что за недоразумение?

— Вы... вы чемпион! — вырвалось у постового.

— Чемпион? — не понял прохожий.

— Ну как бы это выразить... — постовой и сам почувствовал, что данный термин не охватывает всего случившегося.

— А-а! — Он, кажется, понял состояние свидетеля происшествия. — Ну что вы, чемпион. У нас это забава для подрастающего поколения.

— У вас? — недоверчиво спросил постовой, представив проезжую часть, кишашую этим хлопотным поколением. — В каких же краях?

— В иных мирах, — засмеялся неизвестный, испытующе

глядя в лицо постового, и, подумав, добавил: — На Марсе.

— Секрет, значит, — понимающе улыбнулся Платков и тут увидел сменщика.

Пожав на прощание руку, они пошли в разные стороны, влекомые судьбой момента. Постовой — сдавать смену, а марсианин — дальше, по течению людских тротуарных потоков.

— Понимаешь, — услышал марсианин за спиной отдаляющийся голос постового, — не происшествие, а сказка...

— Сказка жить помогает, — рассеянно отозвался сменщик.

Марсианин шагал по тротуару вместе со всеми, но все знали, куда они спешат, а у него определенных планов пока не созрело. Присмотреться к окружающему порядку, научиться избегать элементарных ошибок, вроде той, что он допустил только что, — пожалуй, и все.

Скоро он разглядел, что переходят улицу в определенных местах, очерченных белыми линиями или прорытых под землей. В других же местах на такой риск никто не решался — очевидно, ввиду недостатка физической подготовки. Сам-то он резал автопотоки как нож масло: составная часть утренней зарядки любого марсианина. Да и не было у него такой уж первейшей необходимости в злосчастной пробежке через магистраль. Просто захотелось взбодриться, привести нервы в порядок. Но теперь-то он будет на чеку. Прежде чем что-либо совершать, смотреть, как совершают привыкшие ко всему горожане. Как это говорили, прежде чем браться за пилу, там, в ложбинке: «Семь раз отмерь — один отрежь!»

Нет слов, жизнь города во все времена отличалась сложностью, запутанностью, быстротекучестью. Обернулся, глядь — а уж все по-иному: марки автомобилей, тщательные наряды жителей, ширина улиц, выражение лиц, линия спины. Вчера — жилетки, брелоки, пролетки, цилиндры, те-

лесная тучность. Сегодня — таксомотор, кепи, плащ «большонья», легкоатлетизм в рисунке фигуры. А завтра?

Конвейер жизни не знает остановки. Конструируя этот конвейер, природа позабыла снабдить его красной кнопкой с надписью: «Стоп». А может, и не забыла, да пронесло нас мимо кнопки этой, промчало, вот и летим к новым горизонтам.

Жизнь, дела, открытия — все становится увлекательней, полнокровней. Грубый, физический труд требуется все реже. На глазах сокращается рабочий день. Исчезают тяготы быта. Каждый чувствует, как расправляются плечи, глубже становится вдох и выдох, свежеееет воздух, каждому становится легче.

Взамен возникают новые проблемы, техника усложняется. Там, где раньше годилась и бухгалтерская линейка, теперь не обойдешься без саморешающей электроники. Специалисты хватаются за голову перед лицом замкнувшихся в себе неисчерпаемых тайн природы и темпов усложнения индустрии. Им уже не хватает суток, чтобы быть в курсе последних новинок смежных дисциплин. Да, специалистам, наверное, становится все труднее и труднее. Что же, на то и несут они высокое звание мастеров своего дела.

Уж если и специалист иногда призывает на помощь кибернетическую голову, чтобы разобраться в происходящем, то простому марсианину, лишенному совета наставников и сторванному от своих исследовательских центров, по-видимому, предстояло просто утонуть в пучине этих проблем.

На том Марсе, с которого прибыл межпланетчик, все необходимое для жизни добывалось совсем иными способами. Металлы, ткани, энергия, механизмы — многие даже не знали, откуда появляются эти совершенно бесплатные товары на прилавках магазинов. Заводы, построенные в незапамятные времена глубоко под землей, надежно по-

ставляли предметы любой степени необходимости без всякого вмешательства потребителей — жителей планеты. Надежная, проверенная веками автоматика не знала сбоев, и длинные эскалаторы выносили наверх столько разного добра, сколько требовал жизненный максимум населения и немного сверх того, резерв, значит.

Среднему марсианину, привыкшему к столь прекрасному порядку вещей, трудно понять, из-за чего бьются люди Земли, лишенные пока что сказочно совершенной автоматики. Однако в свое время марсианин-межпланетчик крепко проштудировал курс истории, где рассказывалось, что и марсиане когда-то стояли у станка, знавали план и перевыполнение его, не чуждались прогрессивки, в общем каждый получал по труду. Теперь эта книжная история встала перед ним во плоти и крови.

Он быстро понял, зачем универсальным магазинам нужны витрины, а продавцы обязаны сначала взять пестренькие банковские билеты, а уж потом выдать товар. Понял, почему вместо того, чтобы сесть в двухместный моментолет и через считанные минуты выпрыгнуть на теплый приокеанский песок, толпы людей парятся в душном иллюзионе, где прыгают картинки, и люди жадно смотрят на этот самый песок. И почему подметки не выдерживают больше двух сезонов — тоже понял.

«У них еще все впереди, — думал он, глядя на запыленных горожан, штурмующих пригородные электрички. — Будет и моментолет, и океанские пляжи, и бицепсы, чтобы шест нес над десятиметровой отметкой. Это от них не уйдет...»

Денег марсианину не требовалось, пищи — тоже: зарядился на несколько месяцев вперед. Ночлег, ну что же, гостиница, конечно, словно создана для него, да ведь каждому свое. Подвесившись в прекрасном, приспособленном для этой цели мешке к макушке густой ели, он проводил

в загородной чащобе восхитительные, полные привлекательных снов ночи.

Лесная жизнь начинается рано. Ухнет в последний раз сова, посветлеют низкие туманы — и пошел птичий щебет. Тут уж не до сна. Марсианин спускался к ручейку, умывался, насвистывая легкие мотивы, прятал в дупло мешок и — обратно в город, с первыми электричками...

Так и шли дни командированного человека-межпланетчика. В трудах, в залах библиотек. Незаметно интроскопируя копирувальным аппаратом длинные, уходящие в перспективу ряды книг, он получал микроотпечатки и прессовал их в квадратные таблетки. Таблетки складывались в пустотелый патрончик, патрончик хранился в заднем кармане брюк.

Иногда он вытаскивал его, тряс перед ухом. Патрончик гремел с каждым днем все полновеснее. Он набивал его кропотливо и осторожно, как набивают порох в гильзу охотничьего патрона. Он набивал его и тряс у самого уха. «Скоро домой! — говорил он сам себе. — Этот патрончик взорвется там громче тысячи бомб. Я сумею их убедить: командировка сюда, на Землю, важнее всех мероприятий. В открытую, без утайки, на ура! Большим коллективом, на больших звездолетах! В полдень.

Вот, читайте, смотрите, слушайте! На Земле — подобные нам. Они ищут себе подобных. Не мы их, так они нас найдут. Им не легко сейчас, жизнь сложна. Они строят новую жизнь, новый мир. Кто поможет им, кроме нас? Вспомните наше прошлое, собственное. Разве не помогли бы мы ему, будь это в наших силах? Прошлому не поможешь? — поможешь! Вот оно! Смотрите, слушайте, читайте.

Мы должны привезти наши чертежи, наши библиотеки. Пусть знают. Пусть разом перемахнут через барьер времени. Перемахнут — и окажутся рядом с нами. Медленно

лет арба. Бык дней пег. Они готовы, они выдержат. Их бог — бер! Сердце их — барабан!» — так настраивал себя марсианин, погромыхая патрончиком, как маленьким бубном, в такт каждой мысли.

Он знал: суровы вожди его планеты. Осмотрительны. Скажут: «Надо подождать. Посмотреть, как они еще себя покажут, зарекомендуют. Лет сто, двести. Готовы ли к Высшим Истинам. А пока пошлем одного. Пусть живет среди них. Смотрит. Не открываясь. Докладывает. А там решим окончательно...»

Он знал, такой разговор будет. А потому готовился к нему тщательно, без суеты, расписав дни командировки по самым неотложным делам: киносъемка, звукозапись, копирование текстов, личные наблюдения.

Светлели утренние туманы, просыпалась в гнезде птица, выкрикивала неважно что, прочищая горло, и пускала высокий, чистый звук. Ручей, ранняя электричка, в город, в город...

* * *

А в бристанском заповедном лесу жизнь вошла в привычную колею. Тот же дед Митрий Захарыч Пряников сбходит дозором дремучие уголья свои, топчет тропинки, крутит крепкие самокрутки. Те же ветра, изнемогая, рвутся по-над ельниками да березняками, сквозят по просекам, гнут скрипучие стволы. Захарыч ставит жесткую ладонь к уху, слушает. «Аль идет кто?» Осторожничает! Запала в стариковскую душу история с павшим камнем. Все ждет, не вернется ли к месту тот, из камня выбежавший, ночной человек. Да нет, по всем приметам пока что в отсутствии, глаз лесника зорок.

И камень тот, чемодана вроде который, чаи еще на нем экспедиция распивала, тоже на месте пока лежит. Заворачивает к нему дед — о своем поразмыслить, о далях не-

бесных помечтать. Придет, рукой похлопает, обойдет с четырех сторон, головой покачает. Задумается.

Лежит пока камушек, что ему сделается. Да долго ли ему еще лежать? Дни идут, стучат механизмы времени, отсчитывают. Каждому часу — свой момент.

Лежит камушек. Только по правому его борту, прежде чистому от письменных знаков внимания, кто-то уже пустил словесное украшение, из левого верхнего угла в правый нижний, второпях даже не закончив его:

Путешествуя, туристуя,
Проходя сии места,
Разрывали воздух твистами,
Разбивали лагерь-стан.

Мы, студенты, мы, ракетчики,
С рюкзаком рванули в путь
Отдохнуть от межпланетчины,
В марш-броске очистить...

СОДЕРЖАНИЕ

Дважды два старика-ро- бота	3
А могла бы и быть... .	13
Рог изобилия	21
Коллега — я назвал его так	39
Свои дороги к солнцу	56
По законам неточных наук	66
Транзистор Архимеда .	77
Аксиомы волшебной па- лочки	91
«Сервис Максимум» — такая программа . .	101
Вложено при рождении	113
Над Бристанью, над Бри- станью горят метео- риты...	134

**Григорьев Владимир Ва-
сильевич**

АКСИОМЫ ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКИ

Научно-фантастические рас-
сказы. «Молодая гвардия»,
1967. 160 с., с илл. (Б-ка
советской фантастики)

Редактор Б. Ключева
Художник А. Блох
Художественный редактор
Б. Федотов
Технический редактор
Г. Лещинская

A01194. Подп. к печ. 4/IV
1967 г. Бум. 70×108¹/₃₂. Печ.
л. 5(7). Уч.-изд. л. 7. Ти-
раж 65 000 экз. Заказ 2830.
Цена 21 коп. Т. П. 1967 г.,
№ 228.

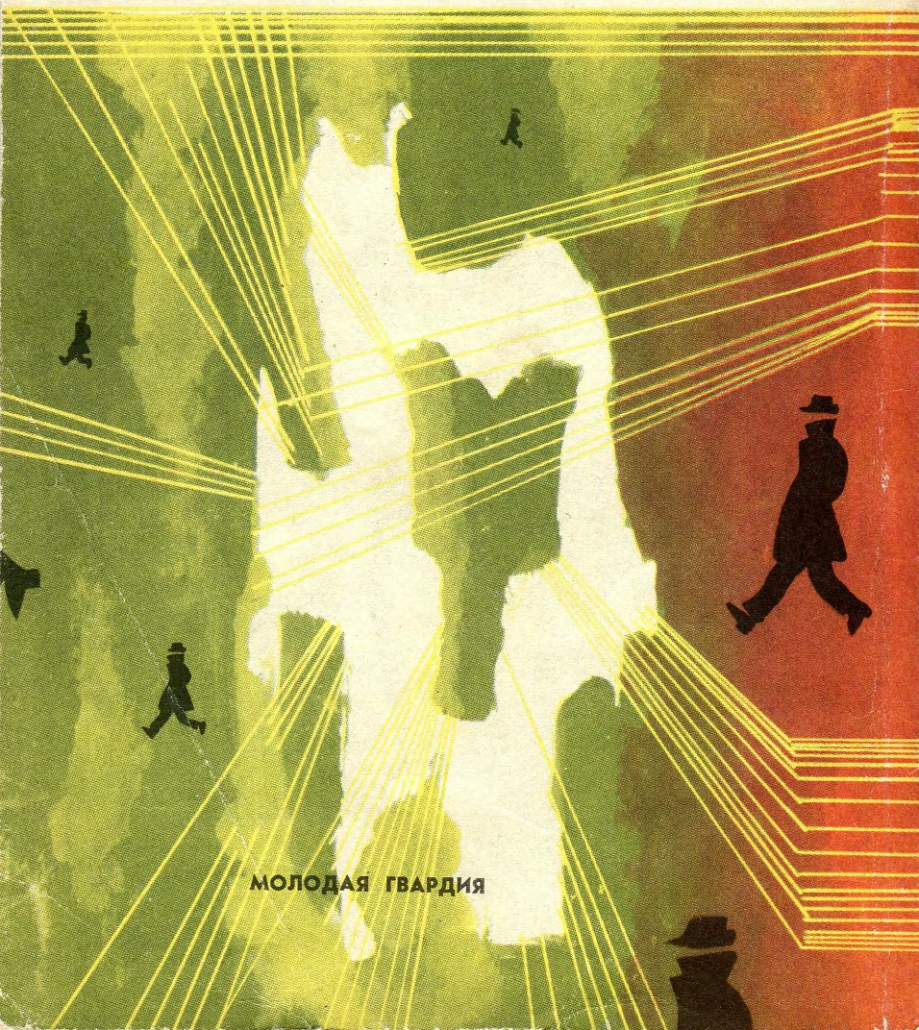
Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суцневская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

21 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ